ИСКУССТВО

въ

ИТАЛІИ И НИДЕРЛАНДАХЪ.

Третій и четвертый ряды лекцій, читанныхъ въ École des beaux—arts въ Парижѣ.

Ипполита Тэна.

Переводъ А. Н. Чудинова.

ВЫПУСКЪ II.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ» 1870 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.
1871.

Дозволено Цензурой. Москва, 16 Марта 1871 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемыя лекціи И. Тэна служатъ продолженіемъ 1-го и 2-го ряда чтеній этого ученаго, изданныхъ редакціей «Филологическихъ Записокъ» въ нашемъ переводѣ, подъ заглавіемъ «Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ» (Воронежъ 1869). Заканчивая въ себѣ практическую разработку и дальнѣйшее развитіе общихъ выводовъ и положеній, сдѣланныхъ Тэномъ въ предъидущихъ лекціяхъ, послѣдніе два ряда лекцій служатъ существенно необходимымъ дополненіемъ къ нимъ. Связанные между собою единствомъ содержанія и общаго плана сочиненія, всѣ четыре ряда лекцій составляютъ такимъ образомъ одно неразрывное цѣлое.

Къ концу сочиненія, подобно тому, какъ это дѣлается въ лучшихъ иностранныхъ изданіяхъ такого рода, будетъ приложенъ, для удобства читателей, обстоятельный *алфавитный указатель* личныхъ именъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ четырехъ курсахъ чтеній объ искусствѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Погрѣшности транскрипціи иностранныхъ именъ и опечатки, вкравшіяся въ текстѣ изданія 1-й части, будутъ исправлены въ этомъ указателѣ.

А. Чудиновъ.

Орелъ 1869
8 Ноября.

ИСКУССТВО ВЪ ИТАЛІИ.

Третій рядъ чтеній И. Тэна.

(Посвящается Эдуарду Бертенъ.)

Отъ автора.

Милостивые государи!

Въ первомъ ряду моихъ лекцій, въ началѣ курса [1]), я указалъ вамъ общій законъ, по которому, во всѣ времена, возникаютъ художественныя произведенія, то есть или точное и неизбѣжное соотвѣтствіе, которое вы всегда найдете между извѣстнымъ произведеніемъ и его средою. Въ этомъ году, излагая исторію живописи въ Италіи, я нахожу удобный случай примѣнить и провѣрить предъ вами этотъ законъ.

---

[1]) См. «Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ,» И. Тэна, въ переводѣ А. Чудинова. Изданіе редакціи «Филологическихъ Записокъ.» Воронежъ. 1869.

I.

1. Объемъ и предѣлы классической эпохи.—Характеръ предшествовавшей эпохи.—Характеръ послѣдующей эпохи.—Кажущіяся исключенія.—Какимъ образомъ они объясняются.

2. Характеристическія черты классической живописи.—Въ чемъ она отличается отъ фламандской живописи.—Въ чемъ она отличается отъ первоначальной живописи.—Въ чемъ она отличается отъ живописи современной.—Главный предметъ ея—идеальное человѣческое тѣло.

—

Мы будемъ говорить о знаменитой эпохѣ, которую человѣчество единогласно признало самымъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ Италіи и которая занимаетъ послѣднюю четверть XV-го и тридцать или сорокъ первыхъ лѣтъ XVI-го столѣтія. Въ этомъ небольшомъ кругу блестятъ имена превосходныхъ художниковъ: Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Микель-Анджело, Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Джіорджіоне, Тиціанъ, Себастіанъ дель-Піомбо, Корреджьо; кругъ этотъ рѣзко ограниченъ; если вы переступите его въ ту или иную сторону, вы встрѣтите или недоконченное искусство, или искусство извращенное; или тутъ найдете искателей, еще заблуждающихся, сухихъ и грубыхъ, въ родѣ: Паоло Учелло, Антоніо Поллайоло, Фра Филиппо Липпи, Доменико Гирландайо, Андреа Вероккьо, Мантенья, Перуджино, Іоаннъ Белленъ; тамъ увидите черезъ чуръ крайнихъ послѣдователей или слабыя попытки обновленія, въ родѣ: Юлія Романскаго, Россо, Приматисъ, Пармесанъ, Пальма младшій, Карраччи и ихъ школа. Сперва искусство находилось въ зародышѣ, впослѣдствіи оно представляется увядшимъ; процвѣтаніе искусства помѣщается между этими двумя періодами и длится около пятидесяти лѣтъ. Если въ предшествовавшей эпохѣ и является какой-нибудь почти прекрасный живописецъ, напр. Масаччьо, то это—мыслитель, выскочившій въ геніи, уединенный изобрѣтатель, шагнувшій далѣе своего вѣка, безъизвѣстный предтеча, оставшійся безъ

послѣдователей; его могила стоитъ даже безъ надписи, живетъ онъ одинокимъ и въ нищетѣ, несвоевременное величіе его будетъ понято лишь спустя полустолѣтіе. Если въ послѣдующей эпохѣ и найдется какая-нибудь цвѣтущая и полная силы школа, то развѣ въ Венеціи, этомъ привилегированномъ городѣ, котораго позднѣе другихъ коснулся упадокъ и который поддерживалъ у себя независимость, терпимость и славу долго еще спустя послѣ того, какъ иноземное покореніе, гнётъ и окончательное развращеніе нравовъ испортили сердца и извратили умы во всей остальной Италіи. Эту эпоху дивнаго и совершеннаго открытія вы можете сравнить съ поясомъ земли, въ которомъ на склонѣ горы собираютъ виноградъ: внизу виноградъ еще не хорошъ, вверху онъ уже не годится никуда. Въ низменной мѣстности воздухъ слишкомъ тяжелъ, въ возвышенной—слишкомъ холоденъ: вотъ причина и вотъ правило; если есть исключенія, то они незначительны и легко могутъ быть объяснены. Въ низменной мѣстности можетъ встрѣтиться одна виноградная лоза, которая, благодаря прекраснымъ сокамъ, дастъ, не смотря на неблагопріятную среду, нѣсколько необыкновенныхъ гроздей. Но лоза эта—одна, не произведетъ подобныхъ себѣ и должна быть отнесена къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, которыхъ, въ правильномъ теченіи законовъ, порождаетъ всегда собраніе и смѣшеніе нѣсколькихъ дѣйствующихъ силъ. Въ возвышенной мѣстности можетъ встрѣтиться, въ какомъ-нибудь закоулкѣ, нѣсколько превосходныхъ кистей винограда; но вы найдете это въ одномъ только закоулкѣ, въ которомъ случайное обстоятельство, качество почвы, затишье отъ вѣтра, просачиваніе въ томъ мѣстѣ ручья, доставятъ растенію питаніе или защиту, которыхъ не достаетъ въ остальныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, законъ останется неприкосновеннымъ, и мы придемъ къ заключенію, что процвѣтаніе винограда, въ одномъ только мѣстѣ, обязано особому качеству тамъ почвы и температуры. Равнымъ образомъ, законъ, управляющій возникновеніемъ прекрасной живописи, остается

непоколебимымъ, и мы можемъ отъискать умственное или нравственное состояніе, отъ котораго зависитъ эта живопись.

Прежде всего, нужно опредѣлить её самоё, ибо называя живопись, по принятому обычаю, прекрасною или классическою, мы не обозначаемъ этимъ ея характеристическихъ признаковъ—мы указываемъ лишь ея мѣсто. Но, если она занимаетъ опредѣленное мѣсто, у нея должны быть и отличительные признаки, то есть свойственная ей область, предѣлы которой она никогда не переступаетъ.—Она презираетъ или пренебрегаетъ пейзажемъ; великая жизнь неодушевленныхъ предметовъ находитъ для себя живописцевъ только во Фландріи; итальянскій живописецъ избираетъ сюжетомъ своимъ человѣка; деревья, деревня, фабрики, составляютъ для него только второстепенныя принадлежности; Микель Анджело, безспорный глава всякой школы, объявляетъ, по словамъ Вазари, что ихъ, какъ забаву, какъ вознагражденіе себѣ хоть чѣмъ-нибудь, нужно предоставить меньшимъ талантамъ, и что истинный предметъ искусства есть человѣческое тѣло. Если позднѣе художники снова возвращаются къ пейзажамъ, то это происходитъ только въ эпоху послѣднихъ Венеціанцевъ, въ особенности при Карраччи, когда великая живопись падаетъ; да и употребляютъ они ихъ только въ качествѣ декорацій, въ родѣ какой-нибудь архитектурной виллы, сада Армиды, театра для пасторалей и торжественныхъ празднествъ, благородно-сдержаннаго аксессуара миѳологическихъ изысканностей и развлеченій вельможъ; тамъ вымышленныя деревья не принадлежатъ ни къ какой извѣстной породѣ; горы располагаются для привлекательности зрѣлища; храмы, развалины, дворцы, группируются въ идеальныхъ очертаніяхъ; природа теряетъ свою врожденную независимость и собственные инстинкты, чтобы подчиниться человѣку, служить украшеніемъ его празднествъ и расширить его жилища.

Съ другой стороны, они оставляютъ еще фламандцамъ подражаніе дѣйствительной жизни, оставляютъ современнаго человѣка въ его обыкновенномъ костюмѣ, посреди его обыденныхъ привычекъ, посреди его домашней утвари, на гуляньи, на рынкѣ, за столомъ, въ городскомъ трактирѣ, въ кабакѣ, такого, какимъ видишь его—дворянина, мѣщанина, крестьянина, съ многочисленными и рѣзкими особенностями его характера, его занятія и условій его жизни. Они устраняютъ эти мелочи, какъ вещь, недостойную себя; по мѣрѣ совершенствованія искусства, они все болѣе и болѣе избѣгаютъ буквальной точности и положительнаго сходства; вставлять портреты въ своихъ картинахъ они перестаютъ только предъ самымъ началомъ великой эпохи; Филиппо Липпи, Поллайоло, Андреа ди-Кастаньо, Вероккьо, Іоаннъ Белленъ, Гирландайо, даже самъ Масаччьо, всѣ предшествовавшіе живописцы, испещряли свои фрески лицами современниковъ; великій шагъ, раздѣляющій положительное искусство отъ искусства искаженнаго, и есть именно изобрѣтеніе тѣхъ совершенныхъ формъ, которыхъ не распознаешь однимъ глазомъ и присутствіе которыхъ предугадываешь душою. — Поле классической живописи, обусловленное такимъ образомъ, должно быть еще ограничено.

Если мы отдѣлимъ духъ и тѣло въ идеальной личности, которую избираетъ эта живопись своимъ центромъ, легко замѣтить, что не духу предоставляетъ она первое мѣсто. Она не отличается ни мистицизмомъ, ни драматизмомъ, ни спиритуализмомъ.—Она не силится изобразить для свѣта божественный и безтѣлесный міръ, блаженныя и чистыя души, теологическіе или экклезіастическіе догматы, которые, со временъ Джіотто и Симоне Мемми вплоть до Беато Анджелико, составляли содержаніе привлекательнаго, но несовершеннаго искусства предшествовавшей эпохи; она оставила христіанскій и монашескій періодъ и вступила въ періодъ свѣтскій и языческій.—Она не силится развернуть на полотнѣ ужасную

или трагическую сцену, способную вызвать состраданіе и ужасъ, подобно Делакруа въ *Убійствѣ Люттихскаго епископа*, подобно Дэкамъ (Decamps) въ *Умершей* или въ *Битвѣ Кимвровъ*, подобно наконецъ Ари Шефферу въ картинѣ *Заливающійся слезами*. Она не силится выразить глубокія, напряженныя, сложныя чувства, подобно Делакруа въ его *Гамлетѣ* или въ его *Тассо*. Она не станетъ отыскивать тѣхъ полныхъ оттѣнковъ могущественныхъ впечатлѣній, которыя вы встрѣтите въ позднѣйшую эпоху, когда упадокъ сталъ уже очевиднымъ, въ обворожительныхъ и мечтательныхъ Магдалинахъ, въ задумчивыхъ и нѣжныхъ мадоннахъ, въ трагическихъ и душу возмущающихъ мученикахъ Болонской школы. Патетическое искусство, стремящееся поразить и взволновать напускную и болѣзненную чувствительность, нарушаетъ ея равновѣсіе. Нравственная жизнь не занимаетъ ее въ ущербъ физической жизни; она не представляетъ себѣ человѣка существомъ высшимъ, порабощеннымъ чувствами; одинъ только живописецъ, преждевременный изобрѣтатель всѣхъ идей и всего, чѣмъ интересуется новое время, Леонардо да-Винчи, всеобъемлющій и тонкій геній, одинокій и ненасытный искатель, доводитъ свои прорицанія за предѣлы его времени и идетъ на встрѣчу современному намъ вѣку. Но для другихъ художниковъ, а иногда и для него самого, форма составляетъ цѣль, а не средство; она не подчинена физіономіи, выраженію, движеніямъ, положенію, дѣйствію: задача ихъ чисто живописная, но не литературная и не поэтическая.

«Главнѣйшая задача искусства живописи, говоритъ Челлини, состоитъ въ томъ, чтобы отлично изобразить нагого мущину и нагую женщину.» Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ они исходной точкой своей берутъ ювелирное искусство и скульптуру; ихъ руки ощупывали выпуклость мускуловъ, прослѣдили изгибъ линій, осязали связки костей; для глазъ они хотятъ представить прежде всего естественное человѣческое тѣло, то есть здоровое, дѣятельное, энергическое, одаренное всѣми атлетическими и живот-

ными способностями; сверхъ того, это должно быть идеальное человѣческое тѣло, близко подходящее къ греческому типу, до того пропорціональное и равномѣрное во всѣхъ своихъ частяхъ, избранное и поставленное въ столь счастливой позѣ, драпированное и окруженное другими тѣлами такъ хорошо группированными, что совокупность всего, цѣлое произведеніе, составляетъ гармонію и напоминаетъ собою безтѣлесный міръ, подобный древнему Олимпу, т. е. божественный или героическій, во всякомъ случаѣ высшій и совершенный. Таково собственное изобрѣтеніе этихъ художниковъ. Другіе лучше выразили то сельскую жизнь, то истину дѣйствительной жизни, то трагическія и глубокія душевныя движенія, то какое нибудь нравоученіе, историческое открытіе или философскую концепцію; у Беато Анджелико, Альберта Дюрера, Рембрандта, Мецсу и Павла Поттера, у Гогарта, Делакруа и Декама, вы найдете болѣе назидательнаго, педагогіи или психологіи, болѣе внутренняго и домашняго спокойствія, болѣе смутныхъ мечтаній, грандіозной метафизики или душевныхъ волненій. Они создали себѣ одно общее племя большихъ, благородныхъ тѣлъ, ведущихъ благородную жизнь, и угадываютъ новое человѣчество, болѣе гордое, болѣе свѣтлое, болѣе дѣятельное, короче—лучшее, чѣмъ наше. Отъ этого-то племени, соединившагося съ старшей сестрой своей, дочерью греческихъ скульпторовъ, родились, въ другихъ странахъ, во Франціи, въ Испаніи, во Фландріи, тѣ идеальныя лица, которыми человѣкъ какъ-бы научаетъ природу, какимъ она должна была-бы его создать и какимъ она не создала его.

—

II.

1. Обстоятельства, при которыхъ возникаетъ живопись.— Племя.—Отличительная черта итальянскаго воображенія.—Различіе латинскаго отъ германскаго воображенія.—Различіе итальянскаго отъ французскаго воображенія.

2. Соотвѣтствіе между врожденной способностью и исторической средой.—Доказательства. — Великіе художники временъ Возрожденія не стоятъ особнякомъ.—Состояніе искусства соотвѣтствуетъ извѣстному умственному состоянію.

—

Таково будетъ художественное произведеніе; теперь намъ остается еще, согласно нашему методу, изслѣдовать его среду.

Разсмотримъ сперва племя людей, создавшее его. Если въ живописи они избрали тотъ, а не иной, путь, то это произошло въ силу народныхъ и постоянныхъ инстинктовъ. Воображеніе итальянца отличается классическимъ характеромъ, то есть латинскимъ, подобнымъ характеру древнихъ грековъ и римлянъ; въ доказательство этого, мы имѣемъ не только произведенія временъ Возрожденія, скульптуру, зданія и живопись, но и средневѣковую архитектуру и новѣйшую музыку. Въ средніе вѣка, готическая архитектура, распространившаяся по всей Европѣ, проникла въ Италію лишь позднѣе другихъ и въ формѣ слабыхъ подражаній; встрѣчаемыя въ ней двѣ вполнѣ готическія церкви—одна въ Миланѣ, а другая въ Ассизскомъ монастырѣ—построены иностранными архитекторами; даже въ эпоху германскаго наплыва, при самомъ сильномъ увлеченіи христіанства, итальянцы воздвигали постройки въ древнемъ стилѣ; возобновивъ этотъ стиль, они сохранили вкусъ къ прочнымъ формамъ, къ полнымъ стѣнамъ, умѣренному украшенію, къ естественному и ясному освѣщенію, и зданія ихъ, по своему виду силы, веселости, ясности и легкаго изящества, составляютъ контрастъ съ грандіозной сложностью, обиліемъ мелочныхъ украшеній, мучительнымъ величіемъ и

мрачнымъ или искаженнымъ освѣщеніемъ зданій по ту сторону горъ. Точно также и въ наше время, ихъ пѣвучая музыка съ отчетливымъ ритмомъ, пріятная даже въ выраженіи трагическихъ чувствъ, противополагаетъ свою симметрію, округленность, кадансы, свой драматическій геній, краснорѣчивый, блестящій, свѣтлый и опредѣленный—нѣмецкой инструментальной музыкѣ, столь граціозной, свободной, подчасъ столь смутной, съ такимъ совершенствомъ способной выразить самыя нѣжныя грёзы, самыя тонкія движенія сердца и тѣ невѣдомые тайники мечтательной души, которыми она, въ своихъ откровеніяхъ и своихъ уединенныхъ волненіяхъ, прозрѣваетъ безконечность и всю прелесть заманчиваго dahin.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ именно образомъ итальянцы и вообще народы латинскаго племени понимаютъ любовь, нравственность и религію, если мы разсмотримъ ихъ литературу, нравы и ихъ образъ пониманія жизни, мы, въ безчисленныхъ глубокихъ чертахъ, подмѣтимъ блескъ подобнаго-же воображенія. Отличительный характеръ его есть талантъ и вкусъ къ *порядку*, проистекающій изъ правильности гармонической и строгой формы; оно болѣе устойчиво и менѣе проницательно, чѣмъ германское воображеніе; оно болѣе поверхностно, чѣмъ глубоко; внѣшнее украшеніе оно предпочитаетъ внутренней правдѣ; оно склонно болѣе къ идолопоклонству и менѣе къ религіи, болѣе живописно и менѣе умозрительно, болѣе опредѣленно и прекрасно. Оно лучше понимаетъ человѣка, чѣмъ природу, лучше понимаетъ человѣка въ обществѣ, чѣмъ человѣка варвара. Съ трудомъ можетъ сжаться оно для того, чтобы изобразить, подобно первому, дикость, грубость, своенравіе, неровность, безпорядокъ, яростное изверженіе природныхъ силъ, безчисленныя и неуловимыя особенности индивидуума, низшихъ или безформенныхъ твореній, глухую и безконечную жизнь, распространенную во всѣхъ слояхъ и порядкахъ существованія; оно не можетъ быть названо всемірнымъ зеркаломъ; его симпатіи ограничены.

Но въ царствѣ своемъ—царствѣ формы—оно всемогуще; другія школы при немъ кажутся грубыми и дикими; одно оно открыло и передало естественный порядокъ идей и образовъ. Изъ двухъ великихъ народовъ, у которыхъ воображеніе это выразилось самымъ полнымъ образомъ, одинъ, французы—болѣе сѣверный, болѣе прозаическій и болѣе общежительный—избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чистыхъ идей, т. е. методъ разсужденія и искусство бесѣды; другой, итальянцы—болѣе южный, болѣе художественный и болѣе склонный къ образамъ народъ—избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чувственныхъ формъ, я хочу сказать: музыку и пластическія искусства. Этотъ-то врожденный талантъ, видимый съ самаго своего начала, проглядывающій во всей ихъ исторіи, оставившій отпечатокъ свой на каждой ихъ мысли и на каждомъ дѣйствіи, встрѣтивъ, въ концѣ XV-го столѣтія, благопріятныя обстоятельства, произвелъ обильную жатву замѣчательно художественныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, Италія, въ то время, вдругъ или почти вдругъ имѣла не только пять или шесть великихъ живописцевъ необыкновеннаго таланта и выше всѣхъ тѣхъ, какіе появились впослѣдствіи: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Джіорджіоне Тиціанъ, Веронезъ, Корреджіо, но еще и цѣлую массу знаменитыхъ и превосходныхъ живописцевъ: Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Понтормо, Альбертинелли, Россо, Юлій Романовскій, Полидоро Караваджіо, Приматисъ, Севастіанъ дель-Піомбо, Пальма старшій, Бонифаціо, Парисъ Бордонъ, Тинторэ, Луини и безчисленное множество иныхъ менѣе извѣстныхъ художниковъ, воспитанныхъ въ томъ же направленіи, обладателей того-же стиля, образующихъ всѣ вмѣстѣ цѣлое полчище, въ рядахъ котораго они являются лишь болѣе или менѣе замѣтными предводителями; сверхъ того, тутъ вы встрѣтите почти такое же количество скульптуровъ и прекрасныхъ архитекторовъ, изъ коихъ нѣкоторые явились нѣсколько ранѣе, большинство-же можетъ быть названо современниками: Джиберти, Донателло, Джакопо делла-Кверчіа, Баччіо Бандинелли, Бамбайа, Лука делла-Роббіа, Бенвенуто

Челлини, Брунеллески, Браманте, Антоніо де-Санъ-Галло, Палладіо, Сансовино; наконецъ, вокругъ этихъ группъ художниковъ, столь разнообразныхъ и столь богатыхъ, помѣщается толпа знатоковъ, покровителей, покупателей, окружающее ихъ обширное общество, составленное не только изъ дворянъ и образованныхъ людей, но и изъ мѣщанъ, ремесленниковъ, простыхъ монаховъ, простолюдиновъ.

Отсюда понятно, почему великій вкусъ, преобладавшій въ то время, былъ естественъ, самобытенъ и всеобъемлющъ—произведенія, отмѣченныя именами великихъ художниковъ, возникали подъ непосредственнымъ вліяніемъ симпатій и пониманія всего окружающаго общества. И такъ, искусство эпохи Возрожденія не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ счастливой случайности; тутъ не можетъ быть и рѣчи о сильной игрѣ судьбы, выведшей на жизненную арену нѣсколько болѣе талантливыхъ головъ, случайно произведшей какой-то необычайный урожай геніевъ—живописцевъ; едвали можно сомнѣваться, что причина такого чуднаго процвѣтанія этого искусства кроется въ общемъ расположеніи умовъ, въ изумительной способности къ нему, распространенной во всѣхъ слояхъ народа. Способность эта была временная, и само искусство было временное. Началась она и окончилась въ опредѣленныя эпохи; началось искусство и окончилось въ тѣ же опредѣленныя эпохи. Способность эта развилась въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи; искусство развилось въ томъ-же направленіи. Она подобна тѣлу, тѣнью котораго мы можемъ назвать искусство; оно неотступно слѣдуетъ за ея рожденіемъ, ея возростаніемъ, упадкомъ и направленіемъ. Она приводитъ и уводитъ его съ собою и заставляетъ измѣняться согласно тѣмъ перемѣнамъ, какія испытываетъ она сама; во всѣхъ своихъ частяхъ и въ цѣломъ своемъ развитіи искусство зависитъ отъ нея. Она составляетъ для него достаточное и необходимое условіе; поэтому её-то, способность эту, необходимо изучить во всей подробности, чтобы понять и уяснить себѣ искусство.

III.

1. Условія необходимыя для появленія великой живописи.—Умственная культура.

2. Раннее развитіе новѣйшей культуры въ Италіи.—Причины его.—Быстрое народное пониманіе.—Италія заключаетъ въ себѣ менѣе германскихъ элементовъ, чѣмъ остальная Европа.

3. Сравненіе Италіи въ XV-мъ вѣкѣ съ Англіей, Германіей и Франціей XV-го столѣтія.—Уваженіе къ талантамъ и умственныя развлеченія.—Гуманисты.—Ихъ открытія. — Ихъ сочиненія.—Довѣріе къ нимъ.—Новые итальянскіе поэты.—Ихъ превосходство.—Ихъ многочисленность.—Ихъ успѣхъ.

4. Il Cortegiano Бальтазара де Кастильоне.—Лица.—Дворецъ.—Салонъ.—Забавы.—Бесѣды.—Стиль.—Изображенія образцовыхъ кавалеровъ и совершеннѣйшихъ дамъ.

—

Необходимы три условія, чтобы человѣкъ могъ понять и воспроизвесть великую живопись. Прежде всего, нужно, чтобы онъ былъ образованъ. Жалкій, огрубѣлый бѣдняга, ежедневно не разгибающій спины надъ своимъ полемъ, представители войны и охоты, обжоры и пьяницы, круглый годъ занятые битвами да походомъ, слишкомъ еще погружены въ животную жизнь, чтобы понять изящество формъ и гармонію цвѣтовъ. Картина есть украшеніе храма или дворца; чтобы лицезрѣніе ея сопровождалось пониманіемъ и вызывало удовольствіе, необходимо, чтобы зритель вполовину былъ освобожденъ отъ грубыхъ заботъ, чтобы въ головѣ у него не оставались воспоминанія о недавнемъ кутежѣ или побоищѣ, чтобы онъ вышелъ изъ варварства и младенческаго состоянія, чтобы кромѣ упражненія мускуловъ, развитія воинственныхъ инстинктовъ и утоленія физическихъ потребностей, въ немъ явилось желаніе испытать болѣе тонкое и благородное наслажденіе. Онъ былъ грубъ, теперь мечтателенъ. Онъ пожиралъ и уничтожалъ, теперь наряжаетъ и наслаждается. Онъ жилъ, теперь онъ украшаетъ жизнь. Такова обширная перемѣна, совершившаяся въ Италіи

въ XV-мъ вѣкѣ. Человѣкъ переходитъ тутъ отъ феодальныхъ нравовъ къ новѣйшему мышленію, и эта великая перемѣна происходитъ въ Италіи позднѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ.

Есть много этому причинъ. Первая состоитъ въ томъ, что итальянцы обладаютъ необыкновенной тонкостью и большой быстротой ума. Цивилизація, казалось, врождена имъ; по крайней мѣрѣ, они достигаютъ ея почти безъ усилій и почти безъ посторонняго содѣйствія. Даже въ грубыхъ и необразованныхъ классахъ пониманіе отличается живостью и свободой. Сравните ихъ съ людьми, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъна сѣверѣ Франціи, Германіи и Англіи: разница выйдетъ разительная. Въ Италіи, мальчикъ изъ гостинницы, поселянинъ, facchino, которыхъ вы встрѣтите на улицѣ, умѣютъ разговаривать, понимать, разсуждать; они высказываютъ свое мнѣніе, обладаютъ знаніемъ людей, вступаютъ въ пренія о политикѣ; инстинктивно управляютъ они идеями такъ-же, какъ и словомъ, подчасъ блестящимъ образомъ, всегда легко и почти всегда хорошо; въ особенности у нихъ есть природное страстное чутье красоты. Въ этой только странѣ вы услышите простолюдина, вскрикивающаго передъ какимъ-нибудь храмомъ или картиной: «O Dio, com'è bello!,» а итальянскій языкъ, для выраженія такого задушевнаго, искренняго порыва, обладаетъ звучностью и необычайной мѣткостью, передать впечатлѣніе отъ которыхъ невозможно сухими рѣченіями французскаго языка.

Этотъ столь способный народъ имѣлъ преимущество избѣгнуть *германизаціи*, т. е. не былъ раздавленъ и искаженъ въ одинаковой степени съ другими европейскими народами вслѣдствіе движенія народовъ съ сѣвера. Варвары если и заняли ихъ страну, то временно и по окраинамъ ея. Вестготы, франки, герулы, остготы—всѣ они покинули ее или были выгнаны оттуда весьма скоро. Если ломбарды и остались въ Италіи, то были скоро поглощены латинской культурой; въ XII-мъ вѣкѣ, гер-

2

манцы Фридриха Барбаруссы, думая встрѣтить въ нихъ своихъ единоплеменниковъ, были изумлены, найдя ихъ до такой степени олатинизированными, «утратившими всякіе слѣды варварства и принявшими, подъ вліяніемъ воздуха и почвы, нѣчто, напоминающее собою утонченность и мягкость древнихъ римлянъ, сохранившими изящность древняго языка и благородство древнихъ нравовъ, перенявшими даже въ устройствѣ своихъ городовъ и въ управленіи своими общественными дѣлами ловкость древнихъ римлянъ.» Въ Италіи, до XIII-го столѣтія всѣ продолжаютъ говорить по-латыни; святой Антоній Падуанскій поучаетъ на латинскомъ языкѣ; народъ, говорящій между собою на жаргонѣ зарождающагося итальянскаго языка, понимаетъ все-таки языкъ литературный. Слой германизаціи, облекшій націю, слишкомъ тонокъ или заранѣе прорванъ возрожденіемъ латинской цивилизаціи. Италія знаетъ лишь по переводамъ шутовскія пѣсни (chansons de geste), рыцарскія и феодальныя поэмы, распространенныя по всей Европѣ. Я вамъ говорилъ предъ тѣмъ, что готическая архитектура проникла сюда поздно и не вполнѣ; принявшись, съ XI-го вѣка, за постройки, итальянцы избираютъ формы или, по крайней мѣрѣ, духъ латинской архитектуры. Въ учрежденіяхъ, въ правахъ, въ языкѣ, въ искусствахъ, мы видимъ, при самомъ глубокомъ и самомъ темномъ мракѣ средневѣковой жизни, постепенное освобожденіе и возрожденіе древней цивилизаціи на почвѣ, по которой варвары прошли и затѣмъ разсѣялись, растаяли, подобно вешнему снѣгу.

Поэтому-то, если вы сравните Италію въ XV-мъ вѣкѣ, съ другими народами Европы, вы найдете ее болѣе ученою, болѣе богатой, болѣе образованной, несравненно болѣе способной украсить себѣ жизнь, т. е. наслаждаться и производить художественныя произведенія.

Въ это время, Англія, покончивъ съ вѣковой войною, вовлекается въ новую яростную схватку, извѣстную подъ названіемъ войны Алой и Бѣлой Розы, гдѣ люди

съ полнымъ хладнокровіемъ рѣзали другъ друга, а послѣ сраженія, избивали безоружныхъ дѣтей. До самого 1550 года, она остается страною варваровъ, охотниковъ, лѣсоводовъ и солдатъ. Въ какомъ нибудь городѣ, въ центрѣ государства, насчитывалось не болѣе двухъ или трехъ печей въ домѣ; дома деревенскихъ помѣщиковъ были жалкія избенки, крытыя соломой, обмазанныя самой грубой глиной и освѣщаемыя простымъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ стѣнѣ. Въ среднихъ классахъ, ночлегъ устраивался на связкахъ соломы «съ порядочнымъ круглымъ полѣномъ вмѣсто изголовья.» «Подушки, повидимому, были дѣлаемы только для женщинъ на случай родовъ;» посуда была даже не оловянная, а просто изъ дерева.— Въ Германіи завязывается жестокая и упорная война Гусситовъ; императоръ безсиленъ; дворянство невѣжественно и нагло; вплоть до самого Максимиліана господствуетъ кулачное право, т. е. разрѣшеніе всякаго недоумѣнія силой и привычкой къ самоуправству; изъ поученій Лютера и изъ мемуаровъ Ганса Швейнихенъ вы можете увидѣть, до какой степени безобразія у дворянъ и ученыхъ доходило, въ то время, пьянство и грубость нравовъ.—Что до Франціи, то это былъ самый плачевный періодъ въ ея исторіи: страна порабощена и опустошена англичанами; при Карлѣ VII, волки заходятъ въ предмѣстія Парижа; по изгнаніи англичанъ, *живодеры*, предводители бродячихъ шаекъ, живутъ на счетъ крестьянина, грабятъ и раззоряютъ его, сколько душѣ угодно; одинъ изъ этихъ воровскихъ и разбойничьихъ предводителей, Жилль-де-Рэтцъ послужилъ героемъ одной изъ народныхъ легендъ про Синюю-Бороду. До самого конца этого столѣтія, весь цвѣтъ народа, все дворянство, остаются грубыми и невѣжественными. Венеціанскіе посланники говорятъ, что у французскихъ вельможъ ноги изогнуты и искривлены, потому что они всю жизнь проводятъ на лошади. Раблэ вамъ покажетъ, въ срединѣ XVI-го столѣтія, грязную огрубѣлость и изумительное звѣрство готическихъ нравовъ. Графъ Бальтассаръ де-Кастильоне, около 1525 г., писалъ слѣд.: «Французы не знаютъ другаго достоинства,

«кромѣ воинскаго, и все остальное не ставятъ ни во «что, такъ что не только они не уважаютъ ученыхъ, «но гнушаются ими и считаютъ всѣхъ ученыхъ самыми «ничтожными изъ людей; по мнѣнію ихъ, назвать кого-«нибудь *клеркомъ*—значитъ нанесть ему самое большее «оскорбленіе.»

Короче, во всей Европѣ, феодальное правленіе сохраняется еще въ полной силѣ, и люди, какъ хищныя и сильныя животныя, только и дѣлаютъ, что пьютъ, ѣдятъ, дерутся и доставляютъ упражненія членамъ своего тѣла. Напротивъ, Италія—страна почти новой цивилизаціи. Подъ верховной властью Медичи, во Флоренціи возстановляется миръ; буржуазія управляетъ и управляется спокойно; подобно своимъ повелителямъ Медичи, они работаютъ въ фабрикахъ, занимаются торговлей и банковыми операціями и зарабатываютъ деньги, чтобы расходовать ихъ, какъ подобаетъ умнымъ людямъ. Заботы о войнѣ не тревожатъ ихъ ужъ болѣе, какъ прежде, не врываются въ мирное теченіе ихъ жизни въ качествѣ кровавой и трагической катастрофы. Они вели ее наемными руками кондотьеровъ, а тѣ, какъ разумные коммерческіе люди, не замедлили низвести ее до степени «кавалькадъ,» если они и убиваютъ другъ друга, то по неосторожности; приводятъ нѣкоторыя сраженія, гдѣ на площади выставляется три солдата, иногда даже одинъ. Дипломатія замѣняетъ собою силу.» Итальянскіе государи, говоритъ Маккіавели, полагаютъ, что достоинство принца состоитъ въ умѣніи подмѣтить въ сочиненіяхъ какой нибудь остроумный отвѣтъ, составить какое-нибудь литературное произведеніе, обнаружить въ своихъ словахъ живость и утонченность, сплести какую-нибудь интрижку, украсить себя драгоцѣнными камнями и золотомъ, спать и ѣсть съ бо̀льшимъ величіемъ, чѣмъ остальные люди, и окружать себя разнаго рода распутствомъ.» Они дѣлаются знатоками, учеными, любителями ученыхъ бесѣдъ. Впервые послѣ паденія древней цивилизаціи, мы встрѣчаемъ общество, дающее первое мѣсто умственнымъ развлеченіямъ. Замѣчательными людьми этого времени были гуманисты, страстные поклонники возрожденія греческой и римской литературы: Поджіо, Филельфо, Марсиліусъ Фицинусъ, Пикъ-де-Мирандоль, Калкондиль, Ермолао Барбаро, Лаврентій Валла, Политиціанъ. Они раскапываютъ въ Европѣ библіотеки, чтобы открыть и издать манускрипты; они не только разбираютъ и изучаютъ эти рукописи, но вдохновляются ими, сами умомъ и сердцемъ становятся древними греками и римлянами, пишутъ по латыни почти съ такой-же чистотой, какъ современники Цицерона и Виргилія. Стиль вдругъ становится изысканнымъ, а умъ—зрѣлымъ. Когда отъ тяжелыхъ гекзамэтровъ и высокопарныхъ посланій Петрарки мы перейдемъ къ изящнымъ двустишіямъ Полнтиціана или къ краснорѣчивой прозѣ Валла—мы почувствуемъ почти физическое наслажденіе. Пальцы и ухо невольно скандируютъ легкое движеніе поэтическихъ дактилей и широкое развитіе ораторскихъ періодовъ. Сдѣлавшись яснымъ, языкъ, въ тоже время, сдѣлался благогороденъ, а эрудиція, изъ монастырскихъ стѣнъ перейдя во дворцы, перестала быть какой-то машиной словопреній, измѣнившись въ орудіе удовольствія.

Въ самомъ дѣлѣ, ученые эти не составляютъ уже маленькаго, неизвѣстнаго класса, замкнутаго въ библіотекахъ, удаленнаго отъ общественнаго вниманія. Напротивъ, названіе гуманиста въ состояніи, въ это время, вызвать къ человѣку вниманіе и благотворное покровительство принцевъ. Герцогъ Лудовикъ Сфорца въ Миланѣ призываетъ къ своему университету Мерулу и Деметрія Калкондиля и избираетъ себѣ министромъ ученаго Чекко Симонетта. Леонардъ Аретино, Поджіо, Макіавели поочередно были секретарями флорентинской республики. Антоніо Беккаделли былъ секретаремъ неаполитанскаго короля. Папа Николай V былъ самымъ великимъ покровителемъ итальянскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ посылаетъ неаполитанскому королю старинный манускриптъ, и король этотъ благодаритъ его за подарокъ, какъ за величайшую почесть. Козьма Медичи основалъ

философскую академію, а Лаврентій возобновилъ платоническіе пиры. Его другъ Ландино сочиняетъ діалоги, въ которыхъ дѣйствующія лица, отправившись на прогулку въ монастырь камальдулянъ, спорятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней о томъ, какая жизнь выше: дѣйствительная или созерцательная. Петръ, сынъ Лаврентія, учреждаетъ въ Санта-Марія-дель-Фіоре диспуты о истинной дружбѣ и въ награду побѣдителю назначаетъ серебряную корону. Владѣтельныя особы и богатые люди окружаютъ себя философами, художниками и учеными; здѣсь вы встрѣтите имена: Пикъ-де-Мирандоль, Марсиліусъ Фицинусъ, Политиціанъ, Леонардо да-Винчи, Мерула, Помпоній Лётусъ; собираютъ они ихъ для того, чтобы бесѣдовать съ ними въ залѣ, украшенной драгоцѣнными изваяніями, передъ старинными манускриптами, которые начертала древняя мудрость, языкомъ изысканнымъ и изукрашеннымъ, безъ этикета и чинопочитаній, съ тѣмъ ободряющимъ и великодушнымъ любопытствомъ, которое, расширяя и украшая науку, преобразуетъ замкнутость схоластическихъ преній въ широкое празднество мыслящихъ умовъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что народный языкъ, почти совершенно оставленный со временъ Петрарки, составляетъ, съ своей стороны, новую литературу. Лаврентій Медичи, главный капиталистъ и первое лицо въ городѣ, является и первымъ изъ новыхъ итальянскихъ поэтовъ. Рядомъ съ нимъ, Пульчи, Боярдо, Берни, нѣсколько позднѣе Бембо, Макіавели, Аріосто, представляютъ опредѣленные образцы законченнаго стиля, торжественной поэзіи, шаловливой фантазіи, тонкаго веселья, язвительной сатиры и глубокой мысли. Ниже ихъ—множество разсказчиковъ, забавниковъ и гулякъ: Мольца, Бибіена, потомъ Аретино, Франко, Банделло, стараются заслужить благоволеніе принцевъ и привлечь общественное вниманіе своимъ шутовствомъ, выдумками и остротами. Сонетъ—орудіе похвалы или сатиры, ходящее по всѣмъ рукамъ. Художники взаимно обмѣниваются имъ; Челлини разсказываетъ,

что, когда появился его *Персей*, въ тотъ же день оказалось до двадцати стихотвореній, написанныхъ по этому поводу. Въ то время, не обходилось ни полнаго праздника, ни хорошаго обѣда, безъ участія поэзіи; однажды папа Левъ X далъ 500 червонцевъ поэту Тебалдео за эпиграмму, которая ему понравилась. Въ Римѣ, другой поэтъ, Бернардо Аккольти, до того былъ любимъ всѣми, что, когда у него было назначаемо общественное чтеніе, всѣ лавки затворялись, и все стекалось слушать его; онъ читалъ въ большой залѣ, при свѣтѣ факеловъ; тутъже присутствовали прелаты, окруженные стражею изъ швейцарцевъ; его называли *единственнымъ*. Чрезвычайно искусные стихи его блистали тонкими concetti и различными литературными прикрасами, въ родѣ тѣхъ фіоритуръ, которыми итальянскіе пѣвцы испещряютъ свои самыя трагическія пѣсни—все это было такъ близко понятіямъ публики, что дружные аплодисменты раздавались со всѣхъ сторонъ.

И такъ, вотъ умственная культура, нѣжная и всеобщая, новая въ Италіи и появляющаяся въ этой странѣ въ одно время съ новымъ искусствомъ. Я бы хотѣлъ поближе познакомить васъ съ нею, но не въ общихъ словахъ, а раскрывъ предъ вами полную ея картину: обстоятельный примѣръ одинъ можетъ дать точное понятіе объ извѣстномъ явленіи. Есть книга, относящаяся къ этому времени и заключающая въ себѣ полное изображеніе синьора и дамы, т. е. двухъ лицъ, которыхъ современники могли считать для себя образцами; вокругъ этихъ идеальныхъ лицъ, на различномъ разстояніи, вращаются дѣйствительныя лица; предъ вашими глазами—салонъ 1500 года, съ его посѣтителями, его разговорами, украшеніемъ, танцами, музыкой, остротами, преніями,—салонъ, по-истинѣ, болѣе скромный, болѣе рыцарскій и болѣе умный, чѣмъ салоны Рима и Флоренціи; къ тому-же, салонъ этотъ изображенъ вѣрно и оказывается какъ нельзя болѣе кстати для насъ, чтобы въ облагороженныхъ привычкахъ его указать вамъ самую свѣтлую и самую

благородную группу образованныхъ и высшихъ лицъ. Чтобы увидѣть этотъ салонъ, достаточно пробѣжать Il Cortegiano графа Бальтара де-Кастильоне.

Графъ Кастильоне находился на службѣ у Гвидо Убальдо, герцога Урбино, потомъ у наслѣдника его Франческо-Марія-делла-Ровере, и написалъ эту книгу въ воспоминаніе тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ слышалъ у своего перваго господина. Такъ какъ герцогъ Гвидо былъ слабъ и весь разбитъ ревматизмомъ, то каждый вечеръ небольшой кругъ придворныхъ собирался у его супруги герцогини Елисаветы, женщины добродѣтельной и очень умной. Вокругъ нея и ея ближайшаго друга госпожи Эмиліи Піа, стекались разнаго рода порядочные люди, пріѣзжавшіе со всѣхъ сторонъ Италіи: самъ Кастильоне, Бернардо Аккольти д'Арецдо знаменитый поэтъ, Бембо, сдѣлавшійся впослѣдствіи секретаремъ папы и кардинала, синьоръ Оттавіано Фрегозо, Юліанъ Медичи и многіе другіе; папа Юлій II останавливался тамъ на нѣсколько времени въ одно изъ своихъ путешествій. Мѣсто и обстановка бесѣды были достойны такихъ лицъ. Они собирались въ великолѣпномъ, дворцѣ, построенномъ отцомъ герцога; зданіе это, «по отзыву многихъ,» было самое прекрасное въ Италіи. Комнаты были великолѣпно украшены серебряными вазами, золотыми и шелковыми обоями, античными статуями и бюстами изъ мрамора и бронзы, картинами Пietро делла-Франческа и Джіованни Санти, отца Рафаэля. Со всей Европы тамъ собрано было множество латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ книгъ, покрытыхъ, изъ уваженія къ ихъ содержанію, золотыми и серебряными украшеніями. Дворъ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Италіи. Праздники, танцы, единоборства, турниры и диспуты продолжались безпрерывно. «Пріятные разговоры и благородныя развлеченія этого дома, говоритъ Кастильоне, дѣлали изъ него истинный пріютъ веселья.» Обыкновенно, поужинавъ и натанцовавшись, гости забавлялись разнаго рода шарадами; развлеченія эти смѣнялись дружеской бесѣдой, серьезной и, вмѣстѣ, веселой, въ которой принимала участіе герцогиня. Все велось безъ излишней церемоніи; мѣста занимались гдѣ кому угодно; всякій усаживался возлѣ дамы, и начиналась бесѣда, покойная, пріятная, не стѣсненная никакими формальностями; изобрѣтательность и оригинальность не проходили незамѣченными. На одномъ вечерѣ, Бернардо Аккольти, приглашая даму, импровизируетъ премилый сонетъ въ честь герцогини; потомъ герцогиня приглашаетъ госпожу Маргариту и госпожу Констанца Фрегоза начать танцы; обѣ дамы берутся за руки, любимый музыкантъ Барлетта, настроивъ свой инструментъ, начинаетъ играть, и онѣ танцуютъ, подъ звуки музыки сперва медленно, а потомъ нѣсколько живѣе. Проводя въ интересныхъ разговорахъ каждую ночь напролетъ, къ концу четвертыхъ сутокъ, они замѣтили появленіе разсвѣта.

«Со стороны дворца, обращенной къ вершинѣ горы «Катари, были открыты всѣ окна, и они увидѣли, что «на востокѣ уже показывается прелестная аврора цвѣта «розъ. Всѣ звѣзды уже исчезли, кромѣ нѣжной пред«вѣстницы Венеры, которая занимаетъ грань между днемъ «и ночью; отъ нея, казалось, исходило какое-то сладо«стное вѣяніе, своею рѣзкою свѣжестью наполнявшее «небо, а въ глуби шепчущихъ лѣсовъ, раскинутыхъ по «обоимъ берегамъ, начинавшее пробуждать сладостный «концертъ прелестныхъ птичекъ.»

По этому отрывку вы можете уже судить, какъ пріятенъ, изященъ, даже цвѣтистъ этотъ стиль; Бембо, одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ разсказѣ—самый образцовый, самый бóльшій приверженецъ Цицерона и самый благозвучный изъ итальянскихъ прозаиковъ. Общій тонъ бесѣдъ таковъ-же. Тамъ вы найдете множество выраженій вѣжливости, комплименты дамамъ за ихъ красоту, грацію, добродѣтель, комплименты синьорамъ за ихъ храбрость, умъ, знанія. Всѣ уважаютъ и стараются взаимно угождать другъ другу—что составляетъ главное условіе свѣт-

скаго общежитія и самую утонченную прелесть хорошаго общества. Но вѣжливость не исключаетъ собою веселья. Въ качествѣ нѣкотораго рода приправы къ серьезному тону общества, вы встрѣтите тамъ подчасъ легкія ссоры и оживленные споры, да тутъ-же и ловкія, остроумныя изрѣченія, шутки, анекдоты, небольшіе веселые и живые разсказы. Общество бесѣдуетъ о томъ, что̀ такое истинная вѣжливость, и одна дама разсказываетъ, въ видѣ контраста, про недавно бывшаго у нея съ визитомъ какого-то старосвѣтскаго кавалера, человѣка военнаго и нѣсколько огрубѣвшаго подъ вліяніемъ такой жизни; разсказывая, сколько онъ убилъ непріятелей, онъ довелъ наглядность изложенія до того, что захотѣлъ непремѣнно показать ей, какъ именно колятъ и рубятъ шпагой. Улыбаясь, она прибавляетъ, что такое подробное объясненіе нѣсколько тревожило ее, и она съ безпокойствомъ поглядывала на дверь, боясь каждую минуту, чтобы онъ не убилъ ея. Подобныя черты поминутно поддерживаютъ общую серьезность бесѣды. Чисто научное содержаніе, равнымъ образомъ, не рѣдко входитъ въ составъ ихъ. Вы видите, что мужчины хорошо знакомы съ греческой и латинской литературой, знаютъ исторію, многое читали изъ философіи и даже изъ различныхъ философскихъ школъ. Дамы вмѣшиваются въ разговоръ, заявляютъ отчасти неудовольствіе и приглашаютъ обратиться къ болѣе доступнымъ предметамъ; онѣ не слишкомъ долюбливаютъ появленіе въ разговорѣ Аристотеля, Платона и ихъ скучныхъ коментаторовъ, разсужденіе о теоріяхъ тепла и холода, о формѣ и субстанціи. Собесѣдники тотчасъ-же возвращаются къ текущимъ вопросамъ свѣтскаго разговора и пріятными и вѣжливыми разсказами заставляютъ извинить свои книжныя и метафизическія выходки. Прибавьте ко всему этому, что какъ-бы ни было увлекательно содержаніе разговора и какъ бы ни былъ оживленъ споръ, они всегда говорятъ изящно и прекрасно. Они очень осторожны въ выборѣ словъ, разсуждаютъ о качествахъ выраженій; они пуристы, подобно изящнымъ ораторамъ отѣля Рамбулье, современникамъ Vaugelas и основателямъ французской классической литературы. Но ихъ умственный кругозоръ болѣе поэтиченъ, и языкъ ихъ болѣе музыкаленъ. Богатствомъ своихъ кадансовъ и звучныхъ окончаній итальянскій языкъ придаетъ красоту и гармонію самымъ обыкновеннымъ вещамъ и окаймляетъ благороднымъ и плѣнительнымъ украшеніемъ предметы, которые сами по себѣ уже прекрасны. Описываютъ-ли, напр., грустныя впечатлѣнія, производимыя старостью, стиль ихъ, какъ небо Италіи, проливаетъ позолачивающій свѣтъ даже на развалины, и мрачное зрѣлище превращаетъ въ прекрасную картину:

«Въ это время, увядаютъ и опадаютъ въ нашемъ «сердцѣ сладкіе цвѣты радости, какъ осенью древесные «листья. Вмѣсто свѣтлыхъ и ясныхъ мыслей, подобно «мрачной тучѣ, является печаль, сопровождаемая тысячами бѣдствій, такъ что не только тѣло, но и умъ изнываетъ въ болѣзни, и отъ всѣхъ прошлыхъ радостей «сохраняетъ лишь упорное воспоминаніе и образъ того «драгоцѣннаго времени, того нѣжнаго возраста, въ ко«торомъ (если мы вернемся къ нему мысленно), каза«лось, небо, земля и все окружавшее насъ носило ка«кой-то праздничный видъ и улыбалось въ нашихъ гла«захъ, а въ душѣ нашей, какъ въ чудномъ, прелестномъ «саду, распускалась и цвѣла упоительная весна веселья. «Вотъ почему, когда хладная пора нашихъ дней скло«няется къ своему закату, было-бы хорошо, быть мо«жетъ, утерять, вмѣстѣ съ нею, и память, найти ис«кусство, которое научило бы насъ забвенію.»

Предметъ разговора не обезображиваетъ самого разговора. Каждый, по просьбѣ герцогини, начинаетъ объяснять нѣкоторыя изъ качествъ, необходимыхъ кавалеру или дамѣ для полнаго совершенства; собесѣдники стараются опредѣлить, какое именно воспитаніе можетъ лучше всего содѣйствовать образованію души и тѣла не только по отношенію къ обязанностямъ человѣка, какъ гражданина и члена общества, но и относительно развлеченій свѣт-

ской жизни. Посмотрите-ка, что требовалось тогда отъ человѣка хорошо воспитаннаго—какая утонченность, какой тактъ, какое разнообразіе знаній! Мы считаемъ себя вполнѣ цивилизованными, и однакожъ, послѣ трехъ сотъ лѣтъ воспитанія и культуры, многое для насъ тутъ могло бы послужить еще примѣромъ и наставленіемъ.

«Я хочу, чтобы нашъ придворный былъ болѣе чѣмъ «посредственно знакомъ съ произведеніями литературъ, «по крайней мѣрѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя назы-«ваются художественными, и чтобы онъ зналъ не только «латинскій языкъ, но еще и греческій, ради множества «и разнообразія божественныхъ твореній, имѣющихся на «этомъ языкѣ.....; чтобы онъ хорошо зналъ поэтовъ, а «равно ораторовъ и историковъ и, что важнѣе всего, «умѣлъ-бы самъ отлично писать стихами и прозой, глав-«нымъ образомъ, на нашемъ простомъ языкѣ; ибо, кро-«мѣ удовольствія, какое онъ найдетъ въ этомъ для себя «самого, у него не будетъ никогда недостатка въ пріят-«ныхъ выраженіяхъ съ дамами, которыя обыкновенно «любятъ такого рода вещи.»

«Я не буду доволенъ нашимъ кавалеромъ еще, если «онъ не музыкантъ и если, кромѣ умѣлаго и привычнаго «чтенія книгъ, онъ не умѣетъ играть на различныхъ «инструментахъ..... Ибо, кромѣ развлеченія и сглажи-«ванія заботъ, какое музыка доставляетъ каждому, она «часто служитъ забавою дамамъ, которыхъ нѣжныя серд-«ца легко воспринимаютъ гармонію звуковъ и напол-«няются сладостнымъ чувствомъ.» Здѣсь не требуется быть виртуозомъ или обнаружить какое-нибудь исключительное дарованіе. Таланты дѣлаются лишь для свѣта; ихъ нельзя пріобрѣсть педантствомъ, а изъ любезности они предлагаются такими, какіе есть; не должно обнаруживать ихъ съ цѣлью заслужить восторгъ зрителей, но чтобы доставить имъ только удовольствіе. Вотъ почему не слѣдуетъ чуждаться ни одного изъ пріятныхъ искусствъ.

«Есть еще одна вещь, которой я придаю великое «значеніе, и нашъ кавалеръ отнюдь не долженъ остав-«лять этого безъ вниманія—я говорю объ умѣніи рисо-«вать и знаніи живописи.» Живопись есть одно изъ украшеній высшей и цивилизованной жизни, и потому образованный умъ долженъ высоко цѣнить ее, какъ высоко цѣнитъ онъ все изящное. Но въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, не должно быть крайностей. Истинный талантъ, искусство, которому подчиняются всѣ другія—есть тактъ, «извѣстная осторожность, оцѣнка, вѣрный «выборъ, знаніе излишка и недостатка, того, что преу-«величиваетъ или чрезмѣрно уменьшаетъ вещи, умѣнье «избрать предметъ во время и кстати. Напримѣръ, хотя «бы нашъ кавалеръ и зналъ, что приписываемыя ему «похвалы справедливы, не слѣдуетъ открыто признавать «этого.....; но скорѣе со скромностью уклоняться отъ нихъ, «указывая постоянно и дѣйствительно считая главнымъ за-«нятіемъ своимъ искусство владѣть оружіемъ, и прини-«мая другіе таланты лишь какъ украшеніе къ нему. «Когда онъ танцуетъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ «и въ мѣстѣ, наполненномъ зрителями, мнѣ кажется, что «онъ долженъ сохранять извѣстнаго рода достоинство, «умѣряемое, однакоже, непринужденной пріятностью и «граціозностью движеній. Если онъ берется за музыку, «пусть это будетъ для времяпровожденія и какъ-бы не-«хотя......, и хотя онъ господинъ своихъ поступковъ и «знаетъ, что дѣлаетъ, мнѣ бы желательно было, чтобы «онъ сперва поучился и потрудился, такъ какъ для пол-«наго знанія эти вещи необходимы въ каждомъ дѣлѣ. «Дѣлая все очень хорошо, пусть онъ показываетъ, что «не придаетъ особеннаго значенія своей дѣятельности, «такъ, однакоже, чтобы всѣ относились съ полнымъ ува-«женіемъ къ ней.» Ему не слѣдуетъ приписывать себѣ ловкости, которая свойственна лишь людямъ, сдѣлавшимъ изъ этого занятія свое ремесло. Онъ долженъ снискать уваженіе другихъ и самому уважая себя, не забываться, однакоже, а умѣть сдерживать себя, владѣть собою. Лицо его должно быть покойно, какъ у испанца. Онъ

долженъ быть чистъ и опрятенъ съ своей одеждой, вкусъ его, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, долженъ быть мужской, а не женскій, онъ долженъ предпочитать черный цвѣтъ, какъ признакъ болѣе покойнаго и болѣе положительнаго характера. Равнымъ образомъ, онъ не долженъ допускать себя, до увлеченій въ веселости-ли, или въ какомъ-нибудь порывѣ гнѣва, или эгоизма. Ему слѣдуетъ избѣгать разнаго рода грубыхъ выходокъ, рѣзкихъ выраженій, словъ, которыя могутъ заставить покраснѣть дамъ. Онъ долженъ быть вѣжливъ и преисполненъ уступчивости и учтивости къ другимъ. Желательно, чтобы онъ умѣлъ при случаѣ и пошутить, разсказать какую-нибудь забавную исторію, но не выходя изъ границъ скромности. Лучшее правило, какое можно ему дать, состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда управлялъ своими поступками, имѣя въ виду понравиться благовоспитанной дамѣ. Вслѣдствіе такого ловкаго перехода, изображеніе кавалера приближается къ изображенію дамы, и тонкія черты, употребленныя въ первой обрисовкѣ, становятся еще нѣжнѣе во второй картинѣ.

«Такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ двора, какъ бы ни былъ «онъ великъ, который могъ-бы отличаться весельемъ, «блескомъ или красотой безъ женщинъ, и такъ какъ «нѣтъ кавалера, который могъ-бы обладать граціей, «пріятностью, отвагой и сдѣлать какой-нибудь блестящій «подвигъ, равно какъ и нѣтъ кавалера, который могъ-бы «сдѣлаться таковымъ, не посѣщая дамъ и не пользуясь ихъ «любовью и благосклонностью,—то наше изображе«ніе кавалера осталось бы далеко неполнымъ безъ вмѣ«шательства дамъ, которыя сообщаютъ ему частицу той «граціи, при помощи которой они украшаютъ и довер«шаютъ придворную жизнь.

«Я говорю, что дама, живущая при дворѣ, прежде «всего должна обладать извѣстнаго рода привѣтливой лю«безностью, при помощи которой она умѣетъ съ такою «граціей бесѣдовать съ каждымъ въ выраженіяхъ пріят-

«ныхъ, приличныхъ и соотвѣтствующихъ времени, мѣсту «и достоинствамъ лица, съ которымъ она говоритъ. Лег«кія увлеченія ея въ разговорѣ должны быть покойны «и скромны, въ ней должно быть присутствіе извѣстнаго «такта, которымъ ей слѣдуетъ соразмѣрять всѣ свои по«ступки; извѣстнаго рода живость ума, удаляющая отъ «нея столь непріятную тяжеловатость и сухость рѣчей, «должна составлять тоже одну изъ непремѣнныхъ ея при«надлежностей; ко всему этому она должна присоединить «доброту, заставляющую уважать ее не только, какъ жен«щину благоразумную, скромную и кроткую, но и какъ «женщину любезную, разсудительную и тонкую. Поэтому «она должна держаться весьма затруднительной середины, «составленной какъ-бы изъ противорѣчій, и доходить «только до извѣстныхъ предѣловъ, не позволяя себѣ, ни «подъ какимъ видомъ, переступать ихъ.

«И такъ, для того, чтобы заслужить названіе чест«ной и добродѣтельной женщины, дама эта не должна «быть черезчуръ недоступной и совсѣмъ ужъ чуждаться «общества и выраженій даже нѣсколько свободныхъ, убѣ«гая отъ нихъ всякій разъ, когда ей случится встрѣ«титься съ ними—не то могутъ, пожалуй, подумать, что «она притворяется лишь такой строгой, чтобы скрыть въ «себѣ коё-что, что могли бы провѣдать о ней другіе; «къ тому же, дикія выходки вообще противны.—Тѣмъ «болѣе не должна она, чтобы выказать себя свободной и «любезной, произносить неприличныя слова и пускаться «въ извѣстнаго рода невоздержанную и безпорядочную фа«мильярность—иначе она заставитъ подумать о себѣ то, «чего нѣтъ, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ.—Случайно «попавъ въ общество, гдѣ позволяютъ себѣ при ней не«скромныя рѣчи, она должна выслушивать ихъ съ стыд«ливостью и краскою въ лицѣ.» Если это ловкая женщина, она можетъ обратить разговоръ къ предметамъ болѣе приличнымъ и благороднымъ. Ибо образованіе ея стоитъ не многимъ ниже образованія мужчинъ. Она должна также знать литературу, музыку, живопись, хорошо

танцовать, разговаривать съ пріятностью.—Дамы, присутствующія при разговорѣ, къ общимъ правиламъ присоединяютъ и личный примѣръ; ихъ прекрасный вкусъ и умъ обнаруживаются тутъ, на сколько это окажется нужнымъ; они аплодируютъ Бембо и его благороднымъ платоническимъ теоріямъ о всеобъемлющей и чистой любви. Вы встрѣтите, въ то время, въ Италіи женщинъ, у которыхъ, подобно Викторіи Колонна, Вероникѣ Гамбара, Костанцѣ Амальфи, Тулліи Арагонской, герцогинѣ Феррарской, высокіе таланты соединяются съ высокимъ образованіемъ, Если теперь вы припомните себѣ портреты того времени, находящіеся въ Луврѣ—блѣдныхъ и задумчивыхъ венеціанцевъ, одѣтыхъ въ черное, столь пламеннаго и столь неподвижнаго *Молодаго человѣка* работы Франчіа,—нѣжную *Іоанну Неаполитанскую* съ лебединой шеей,—*Молодаго человѣка* кисти Бронзино, всѣ эти разумныя и спокойныя лица, всѣ эти богатыя и строгія одѣянія—вы въ состояніи будете, быть можетъ, составить себѣ понятіе объ изысканной утонченности, богатыхъ дарованіяхъ и превосходной культурѣ общества, которое, тремя столѣтіями раньше насъ, обнаружило извѣстную пытливость ума, понимало красоту и знало правила свѣтской жизни столько же, а, можетъ быть, и болѣе насъ.

IV.

1. Другое условіе необходимое для появленія великой живописи. — Самобытные образы.

2. Сравненіе Италіи XV-го вѣка съ народами новаго времени. — Германія. — Наклонность къ отвлеченной философіи. — Вліяніе спекулятивнаго направленія на нѣмецкую живопись.—Англія.—Преобладаніе дѣловаго характера.—Вліяніе практическихъ занятій на англійскую живопись.—Франція.—Сопоставленіе литературной живописи съ собственно живописью.—Чѣмъ общее настроеніе XIX-го вѣка отличается отъ настроенія XV-го вѣка.—Трудъ, соревнованіе и возбужденіе въ централизованныхъ и промышленныхъ демократіяхъ.

3. Италія въ XV-мъ вѣкѣ.—Умѣренное величіе городовъ. —Умѣренная потребность роскоши.—Дорога менѣе открыта честолюбивымъ стремленіямъ.—Равновѣсіе образовъ и идей.

4. Равновѣсіе образовъ и идей прерывается цивилизацией. — Современное воображеніе недостаточно и болѣзненно. — Воображеніе въ Италіи XV-го столѣтія отличается богатствомъ и здоровьемъ.

5. Подтвержденіе на костюмахъ и нравахъ.—Маскарады, выходы, кавалькады и великолѣпіе обстановки. — Торжества во Флоренціи.

6. Исканіе пріятнаго для глазъ и вообще пріятности для чувствъ.—Эпикуреизмъ и невѣріе.—Мнѣніе Лютера и Савонаролы.—Внутренній міръ и нравы Медичи.—Паганизмъ Римскаго двора.—Охота и празднества Льва X.—Среднее умственное состояніе между культурой недостаточной и слишкомъ развитой.

Отсюда мы обратимся къ разсмотрѣнію другой черты въ этой цивилизаціи и другаго условія великой живописи. Въ иныя времена, умственная культура была стольже утонченна, но живопись не отличалась такимъ блескомъ. Въ наше время, напр., люди, имѣя за собою сверхъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ теченіе XVI-ти вѣковъ, еще три столѣтія новой опытности и изобрѣтеній, несравненно ученѣе и болѣе чѣмъ когда-либо обладаютъ обиліемъ мысли; однакоже, нельзя сказать, чтобы живопись современной Европы производила столь-же прекрасныя созданія, какія мы видимъ въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ великія художественныя произведенія 1500 года, недостаточно обратить вниманіе на живость пониманія и богатство культуры современниковъ Рафаэля; нужно опредѣлить самый родъ этого пониманія и культуры и, сравнивъ Италію съ остальной Европой XV-го вѣка, сравнить ее затѣмъ съ тою Европой, въ которой мы живемъ въ настоящее время.

Войдемъ сперва въ страну, которая, конечно, можетъ быть названа, въ наше время, самою ученою страною Европы—въ Германію. Тамъ, въ особенности въ сѣверной Германіи, всѣ умѣютъ читать; кромѣ того, молодые люди проводятъ въ университетахъ пять или шесть лѣтъ,—не только богатые или достаточные, но и почти всѣ изъ средняго класса и нѣкоторые изъ низшаго, доставляя себѣ это цѣною долгой нищеты и страшныхъ лишеній. Наука тамъ въ такой великой чести, что доходитъ подчасъ до аффектаціи—и нерѣдко до педантства. Многіе молодые люди, имѣя очень хорошіе глаза, носятъ

очки, чтобы придать себѣ болѣе ученую наружность. Въ головѣ двадцати-лѣтняго нѣмца господствуетъ не страстишка пофигурировать на какомъ-нибудь танцовальномъ вечерѣ или въ кондитерской, какъ это мы видимъ во Франціи, но стремленіе выработать въ себѣ какія-нибудь обобщающія воззрѣнія на человѣчество, на міръ, сверхъестественныя силы, природу и на многое другое, короче—составить себѣ полную философію. Нѣтъ другой страны, въ которой вы встрѣтили бы столь великую склонность, столь обычный интересъ и такое врожденное пониманіе высокихъ отвлеченныхъ теорій. Это отечество метафизики и системъ. Но такое преобладаніе высшей мыслительности отразилось вреднымъ образомъ на живописи. Нѣмецкіе живописцы силятся передать на полотнѣ или въ своихъ фрескахъ гуманистическія или религіозныя идеи. Цвѣта и форму они подчиняютъ мысли; произведеніе ихъ есть какой-то символъ; они рисуютъ на стѣнахъ курсъ философіи и исторіи, и если вы отправитесь въ Мюнхенъ, то увидите, что лучшіе изъ нихъ—это философы, случайно заблудившіе въ область живописи, болѣе способные говорить уму, чѣмъ глазамъ, болѣе склонные держать въ рукахъ перо, чѣмъ кисть и палитру.

Перейдемъ въ Англію. Тамъ человѣкъ средняго класса еще очень молодымъ поступаетъ въ магазинъ или въ какое нибудь бюро; онъ работаетъ тамъ по десяти часовъ въ день, беретъ къ себѣ работу еще на домъ и устремляетъ всѣ силы своего ума и сердца на то, чтобы заработать достаточно денегъ. Онъ женится и имѣетъ много дѣтей; трудиться тутъ ему приходится еще болѣе: конкуренція велика, климатъ тяжелъ, а потребностей очень много. Джентльмэнъ, богачъ, дворянинъ имѣетъ тоже немного свободнаго времени. Онъ занятъ дѣлами и озабоченъ важными обязанностями. Политика поглощаетъ всеобщее вниманіе. Миттинги, комитеты, клубы, газеты въ родѣ Times, доставляющія каждое утро цѣлый томъ разнообразнаго чтенія, цифры, статистическія данныя, тяжелая масса неудобопевариваемыхъ фактовъ, которые

приходится проглотить и усвоить; кромѣ того, трудныя религіозныя дѣла, учрежденія, предпріятія, безпрерывныя заботы объ улучшеніи народнаго быта и благосостоянія отдѣльныхъ личностей, финансовые вопросы, свобода совѣсти, утилитарныя или нравственныя соображенія—такова пища, даваемая уму. Слѣдовательно, живопись и другія искусства, обращающіяся къ чувствамъ, остаются на заднемъ планѣ или сами собою занимаютъ низшее мѣсто. Некогда заниматься ими, мысли заняты болѣе важными и болѣе спѣшными дѣлами; на искусствѣ останавливаютъ вниманіе только ради моды или приличія; оно составляетъ предметъ простаго любопытства и можетъ возбудить интересъ къ изученію развѣ въ нѣсколькихъ любителяхъ. Находятся и тутъ покровители, дающіе деньги на устройство музеевъ, покупку оригинальныхъ картинъ, на учрежденіе школъ; но деньги эти были бы пожертвованы ими и на всякое иное благотворительное дѣло, напр. на распространеніе Евангелія, на содержаніе покинутыхъ дѣтей, на богадѣльни и больницы. Къ тому же, эти покровители болѣе имѣютъ въ виду общественные и соціальные интересы; они полагаютъ, что музыка смягчаетъ нравы черни и уменьшаетъ пьянство по праздникамъ, а живопись подготовляетъ хорошихъ работниковъ для мануфактурныхъ фабрикъ и ювелирнаго искусства. Во всемъ чувствуется отсутствіе вкуса; чутье красивыхъ формъ и изящныхъ цвѣтовъ является здѣсь лишь плодомъ воспитанія, какимъ-то тепличнымъ померанцемъ, съ трудомъ взрощеннымъ въ жаркой оранжереѣ и чаще всего кислымъ или прогорклымъ. Современные живописцы въ этой странѣ—работники, съ точнымъ и узкимъ талантомъ; они изобразятъ вамъ кучу сѣна, складку одежды, какой-нибудь верескъ, съ сухостью и поразительной мелочностью; долгое усиліе и безпрерывная напряженность всего ихъ физическаго и нравственнаго механизма нарушили у нихъ равновѣсіе ощущеній и образовъ; они сдѣлались нечувствительны къ гармоніи цвѣтовъ;—они выливаютъ горшками на полотно зеленую краску, деревья дѣлаютъ изъ цинка или листоваго желѣза, тѣла рисуютъ краскою

кровянаго цвѣта; за исключеніемъ изученія лицъ и нравственныхъ характеровъ, живопись ихъ вообще непріятно поражаетъ зрителя, и ихъ національныя выставки представляютъ глазамъ иностранцевъ собраніе красокъ столь же рѣзкихъ, нескладныхъ и противныхъ, какъ любой кошачій концертъ.

Многіе отвѣтятъ, что люди эти, нѣмцы и англичане,—народъ серьезный, протестанты, люди ученые или дѣловые, но что въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, имѣютъ вкусъ и ищутъ удовольствія. Правда, Парижъ, въ настоящее время, является городомъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, любятъ поговорить, почитать, побесѣдовать объ искусствахъ, подмѣтить различные оттѣнки прекраснаго, и въ которомъ иностранцы находятъ самую пріятную, самую разнообразную, самую веселую жизнь. И однакоже, французская живопись, превосходя живопись другихъ странъ, не можетъ сравниться, по отзыву самихъ французовъ, съ итальянской живописью временъ Возрожденія. Во всякомъ случаѣ, она иная; произведенія ея указываютъ иные умы и обращаются къ инымъ умамъ. Она несравненно болѣе заключаетъ въ себѣ поэзіи, историческихъ или драматическихъ элементовъ, чѣмъ собственно живописныхъ. Уступая въ пониманіи красоты нагого тѣла, пониманіи прекрасной, простой жизни, она успѣла выработать въ себѣ искусство изображенія дѣйствительныхъ сценъ и точнаго наряда самыхъ отдаленныхъ странъ и глубокой древности, трагическихъ волненій души, увлекательныхъ пейзажей. Она сдѣлалась соперницею литературы; она работала и рылась на томъ-же полѣ; она также обратилась къ ненасытной пытливости, къ археологическому вкусу, потребности сильныхъ ощущеній, къ утонченной и болѣзненной чувствительности. Она преобразилась, чтобы заговорить языкомъ понятнымъ горожанину, истомленному трудомъ, замкнутому въ сферѣ сидячей жизни, изнемогающему подъ бременемъ сложныхъ мыслей, толпящихся въ его головѣ, жадному до новостей, документовъ, ощущеній, а также до полнаго спокойствія. Въ промежуткѣ между XV-мъ и XIX-мъ столѣтіями, со-

вершилась громадная перемѣна; меблировка и домашнее устройство помѣщенія усложнились до невѣроятной степени. Въ Парижѣ и во Франціи нужно крѣпко поломать голову надъ двумя заботами. Во-первыхъ, жизнь сдѣлалась дорога. Бездна маленькихъ удобствъ стала теперь насущной потребностью. Ковры, занавѣсы, кресла, необходимы даже человѣку суровому и одинокому; послѣ женитьбы, ему, сверхъ того, понадобятся этажерки, покрытыя бездѣлушками, красивое и недешевое помѣщеніе;различнаго рода домашнія мелкія вещи, на добытіе которыхъ нужны деньги, такъ какъ вещи эти нельзя украсть на большой дорогѣ или добыть себѣ грабежемъ, какъ въ XV-мъ столѣтіи, а самыя деньги пріобрѣтаются тяжелымъ трудомъ. Такимъ образомъ, большая часть жизни расходуется на трудовыя усилія. Кромѣ того, являются желанія выбиться на лучшую дорогу; Франція составляетъ одну большую демократію, гдѣ мѣста раздаются по конкурсу, добываются постоянствомъ, ловкостью, и потому каждый изъ французовъ имѣетъ смутныя надежды сдѣлаться министромъ или милліонеромъ, а это рвеніе удвояетъ наши занятія, наши заботы и наши тревоги.

Съ другой стороны, въ Парижѣ обитаетъ болѣе $1\frac{1}{2}$ миллiона человѣкъ—это много и даже слишкомъ много. Такъ какъ въ столицѣ скорѣе всего можно добиться своей цѣли, то всѣ люди съ умомъ, честолюбіемъ и энергіей стекаются сюда и толпятся здѣсь. Такимъ образомъ, столица эта становится всеобщимъ мѣстомъ свиданія для всѣхъ лучшихъ людей страны, для всѣхъ спеціалистовъ; они складываютъ сообща тутъ всѣ свои открытія и изобрѣтенія; здѣсь они усердно пикируютъ другъ друга; чтеніе, театръ, разнаго рода бесѣды доводятъ ихъ до лихорадочнаго состоянія; мозгъ у парижанъ не можетъ быть въ правильномъ и здоровомъ состояніи, онъ слишкомъ разгоряченъ, надорванъ, возбужденъ, и созданія его, въ живописи или въ литературѣ, носятъ на себѣ отпечатокъ такого состоянія, подчасъ и кстати, но чаще всего ко вреду для себя.

Не такъ было въ Италіи. Тамъ вы не увидите милліоны людей, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ, но множество городовъ въ пятьдесятъ, сто или двѣсти тысячъ душъ; нѣтъ такого громаднаго накопленія честолюбія, такого сосредоточенія силъ, такой напряженной дѣятельности. Городское населеніе было отборнымъ, а не смѣшанной толпой, какъ у насъ. Сверхъ того, потребность въ роскоши была невелика; тѣла были еще грубоваты; путешествія совершались верхомъ, и люди прекрасно жили себѣ подъ открытымъ небомъ. Большіе дворцы того времени были великолѣпны; но я не знаю, согласится ли какой-нибудь горожанинъ изъ Парижа, въ наше время, поселиться въ нихъ; они неудобны и холодны; скульптурныя сидѣнія, устроенныя на головахъ львовъ и танцующихъ сатировъ, представляютъ верхъ совершенства по отношенію къ искусcной работѣ, но вы нашли бы ихъ нѣсколько твердоватыми, и самая маленькая квартира, комнатка привратника въ богатомъ домѣ, съ ея теплой печью, несравненно конфортабельнѣе дворцевъ Льва X и Юлія II. Имъ не нужны были всѣ тѣ маленькія удобства, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись въ настоящее время; всю роскошь свою они соединяли съ обладаніемъ красоты, а не пользы и удобства жизни; они мечтали о строго-правильныхъ колоннадахъ и статуяхъ, а не объ экономическомъ пріобрѣтеніи китайскаго фарфора, дивановъ и экрановъ. Наконецъ, такъ какъ мѣста были открыты воинской удачѣ или милости государя для нѣсколькихъ знаменитыхъ разбойниковъ, для пяти-шести грабителей повыше, для немногихъ льстивыхъ паразитовъ, то и въ обществѣ не видно было такого жаднаго соревнованія, такой муравьиной суетливости, такого неустаннаго и долгаго остервенѣнія, съ какимъ каждый изъ насъ силится превзойти другаго.

Отсюда мы можемъ заключить, что умъ человѣческій находился въ то время въ большемъ равновѣсіи, чѣмъ въ той Европѣ и томъ Парижѣ, гдѣ мы живемъ. По крайней мѣрѣ, равновѣсіе его было благопріятнѣе для живописи. Искусство живописи требуетъ для своего процвѣтанія почву, которая не была-бы подъ паромъ, но

и не была бы очень обработана. Въ феодальной Европѣ общія качества ума отличались массивностью и твердостью; теперь умъ поизмятъ немного; прежде цивилизація не достаточно еще избороздила его плугомъ, теперь борозды ея увеличились до-безконечности, до-крайности. Чтобы геніально-простыя формы взошли на полотно подъ рукою какого-нибудь Тиціана и Рафаэля, необходимо, конечно, чтобы формы эти производило вокругъ художниковъ сперва общее умственное состояніе даннаго общества; а чтобы онѣ явились въ умѣ человѣческомъ, необходимо, чтобы *образы* въ немъ не заглушались и не искажались *идеями*.

Позвольте мнѣ на минуту остановиться на этомъ словѣ, потому что оно весьма важно. Свойство чрезмѣрной культуры состоитъ въ томъ, что она все болѣе и болѣе сглаживаетъ образы въ пользу идей. Подъ непрерывнымъ усиліемъ воспитанія, разговора, размышленія и науки, первичное представленіе обезображивается, разлагается и исчезаетъ, уступивъ мѣсто чистымъ идеямъ, словамъ, хорошо классифицированнымъ, нѣкотораго рода алгебрѣ. Текущее направленіе ума, съ того времени, становится уже чистымъ мышленіемъ. Если умъ и возвращается къ образамъ, то это стоитъ ему усилій, достигаетъ онъ этого при помощи болѣзненнаго и ужаснаго скачка, путемъ безпорядочной и опасной галлюцинаціи. Таково настоящее наше умственное состояніе. Тутъ, конечно, намъ трудно быть живописцами Мозгъ нашъ наполненъ какими то смѣшанными, туманными, многочисленными и противорѣчивыми идеями; всѣ цивилизаціи нашей страны,—иноземныя, прошлыя и настоящія—вторгнулись сюда и оставили свои обломки. Произнесите, напр., передъ какимъ-нибудь человѣкомъ новаго времени слово *дерево*,—онъ будетъ знать, что дѣло идетъ не о собакѣ, не о ягненкѣ и не о мебели; онъ помѣститъ этотъ знакъ въ своей головѣ въ особомъ ящикѣ съ особымъ ярлыкомъ; вотъ это, въ наше время, называется пониманіемъ. Чтеніе наше и знанія наполнили нашъ умъ отвлеченными знаками; наша привычка къ порядку пра-

вильно и логично приводитъ насъ отъ одного къ другому. Мы только и дѣлаемъ, что по даннымъ частямъ предугадываемъ цвѣтныя формы; онѣ держатся непрочно въ насъ—смутно выливаются онѣ на внутреннемъ полотнѣ и тотчасъ-же исчезаютъ. Если мы и успѣемъ удержать и точно опредѣлить ихъ, то достигается это силою воли, послѣ долгаго навыка и перевоспитанія, которое насиловало-бы наше обыкновенное воспитаніе; это страшное усиліе оканчивается страданіемъ и лихорадкою; наши величайшіе колористы, литераторы или живописцы—не болѣе какъ надсадившіеся или разбитые мечтатели *). Напротивъ, худужники временъ Возрожденія—люди ясно видящіе. То же слово *дерево*, услышанное людьми еще здоровыми и простыми, тотчасъ вызоветъ въ ихъ умѣ представленіе цѣлаго дерева, съ круглой и движущейся массой его листьевъ, съ черными углами тѣней, которыхъ вѣтви его рисуютъ на синевѣ неба, съ его морщинистымъ стволомъ, пронизаннымъ толстыми жилами, съ его корнями, глубоко засѣвшими въ землю въ защиту отъ вѣтра и бури,—такъ что то, что составляетъ для насъ лишь извѣстный значокъ и цифру, для нихъ будетъ живое и цѣлостное зрѣлище. Безъ усилій остановятся они на немъ и безъ усилій возвратятся къ нему; они изберутъ въ немъ самое существенное; не станутъ они съ какой-то мучительной и упорной щепетильностью держаться мелочей; они будутъ наслаждаться своими прекрасными образами, не вырывая и конвульсивно не выбрасывая ихъ изъ себя какъ лоскутокъ, бьющійся одною жизнью съ ними. Своеобразно изображаютъ они, какъ лошадь бѣгаетъ, птица летаетъ; краски, въ такомъ случаѣ, являются естественнымъ язы-

*) Генрихъ Гейне, Викторъ Гюго, Шелли, Китсъ, Елисавета Броунингъ, Эдгаръ Поэ, Бальзакъ, Делакруа, Декамъ и многіе другіе. У ходожниковъ нашего времени было немало прекрасныхъ характеровъ. Почти всѣ они пострадали вслѣдствіе своего воспитанія или вліянія среды. Одинъ Гете остался неприкосновеннымъ, благодаря его уму, правильной жизни и вѣчной власти надъ самимъ собою.

комъ ума; любуясь ими въ какой-нибудь фрескѣ или на полотнѣ, зрители видѣли ихъ уже въ себѣ самихъ, они узнаютъ ихъ; для нихъ это не чуждые образы, искусственно выведенные на сцену при помощи какой-нибудь ученой комбинаціи, силы воли или школьнаго преданія; образы эти до того близки имъ, что они вносятъ ихъ съ собою въ свою домашнюю жизнь и въ общественныя церемоніи. Они окружаютъ себя ими и живыя картины ставятъ на ряду съ картинами рисованными.

Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на костюмъ: какая разница между нашими панталонами, нашими плащами, мрачнымъ чернымъ цвѣтомъ, и ихъ обшитой галунами симарой, ихъ бархатными и шелковыми куртками, ихъ кружевными воротниками, ихъ кинжалами, дамасскими шпагами, изукрашенными арабесками, ихъ золотымъ шитьемъ, бриллиантами и токами съ перьями. Вся эта выставка великолѣпія, въ настоящее время, предоставленная женщинамъ, блестѣла тогда на одеждѣ дворянъ. Взгляните также на живописныя празднества, дававшіяся во всѣхъ городахъ, торжественные выходы, маскарады, доставлявшіе наслажденіе народу и государямъ. Напримѣръ, Галеаццо Сфорца, герцогъ Миланскій посѣщаетъ Флоренцію въ 1471 году; ему сопутствуютъ: сто рыцарей, пятьсотъ человѣкъ пѣхоты, пятьсотъ пѣшихъ лакеевъ, одѣтыхъ въ шелки и бархатъ, свита въ двѣ тысячи дворянъ и слугъ, пятьсотъ паръ собакъ и безчисленное множество соколовъ. Эта прогулка стоитъ ему 200,000 червонцевъ золотомъ. Піетро Ріаріо, кардиналъ де-Санъ-Систо, истрачиваетъ 200,000 червонцевъ на одно празднество въ честь герцогини Феррарской; затѣмъ предпринимаетъ путешествіе въ Италію съ такою многочисленной свитой и такимъ великолѣпіемъ, что его можно было бы принять за папу, его брата. Лаврентій Медичи придумываетъ во Флоренціи маскарадъ, изображающій торжество Камилла. Множество кардиналовъ стекаются посмотрѣть на него. Лаврентій проситъ у папы слона, и тотъ—вмѣсто слона, занятаго другимъ дѣломъ, посылаетъ ему двухъ леопардовъ и одну пантеру; папа сожалѣетъ, что его санъ не позволяетъ ему пріѣхать на такое величественное зрѣлище. Герцогиня Лукреція Борджія въѣзжаетъ въ Римъ въ сопровожденіи двухсотъ великолѣпно разодѣтыхъ наѣздницъ и двухсотъ кавалеровъ. Величавость, костюмы, выставка вельможъ и государей, повсюду даютъ понятіе о роскошномъ торжествѣ суровыхъ актеровъ. Заглянувъ въ хроники и мемуары, вы увидите, что итальянцы хотятъ превратить жизнь въ чудное празднество. Другія заботы имъ казались неестественными. Наслаждаться, наслаждаться благородно, величественно, всѣми своими чувствами, въ особенности глазами—вотъ чего добивались они. Въ самомъ дѣлѣ, имъ и нечего болѣе дѣлать. Имъ неизвѣстны наши политическія и гуманитарныя занятія; у нихъ нѣтъ парламента, митинговъ, большихъ періодическихъ изданій; замѣчательные или сильные люди не имѣютъ надобности руководить мыслящей толпой, соображаться съ общественнымъ мнѣніемъ, поддерживать жаркія пренія, выводить статистическія цифры, горячиться надъ нравственными или соціальными разсужденіями. Италія управляется маленькими тиранами, силою пріобрѣвшими себѣ власть и сохраняющими ее въ томъ видѣ, въ какомъ она досталась имъ. Въ свободныя минуты, они велятъ строить и рисовать. Богачи и дворянство, подобно имъ, думаютъ только о забавахъ, о томъ, какъ-бы добыть красивыхъ любовницъ, накупить статуй, картинъ, изящныхъ нарядовъ, завести при дворѣ своихъ повѣренныхъ, которые предваряли бы ихъ въ случаѣ доноса и слѣдующаго за нимъ смертнаго приговора.

Точно также ихъ не волнуютъ и не занимаютъ религіозныя идеи; друзья Лаврентія Медичи, Александра VI или Лудовика Мора не думаютъ о миссіонерствѣ, о мѣрахъ къ обращенію язычниковъ, о подпискахъ на образованіе и «поднятіе уровня нравственности» въ народѣ; Италія въ то время не была особенно ревностна въ этомъ отношеніи, даже менѣе ревностна, чѣмъ въ чемъ бы то ни было другомъ. Лютеръ, считавшій Италію, исполненною духа вѣры и страха божія, пришелъ въ не-

годованіе и говорилъ по возвращеніи: «Итальянцы самые нечестивые изъ людей; они насмѣхаются надъ истинной религіей и подшучиваютъ надъ нами, христіанами, потому что мы вѣримъ всему въ Писаніи...... Входя въ церковь, они обыкновенно говорятъ: «Пойдемъ, нужно приноравливаться къ народному духу... слѣдуетъ принять приличную наружность и не всему вѣрить»... Дѣйствительно, народъ, по характеру—язычники, а люди хорошо образованные, вслѣдствіе самаго воспитанія,—отличаются невѣріемъ. «Итальянцы, съ ужасомъ говоритъ также Лютеръ,—или эпикурейцы, или суевѣры. Народъ болѣе боится св. Антонія и св. Севастіана, чѣмъ Іисуса Христа, потому что святые эти посылаютъ бѣдствія... Вотъ какимъ образомъ живутъ они въ крайнемъ суевѣріи, не зная слова Божія, не вѣря ни въ воскресеніе тѣлъ, ни въ вѣчную жизнь и боясь лишь земныхъ каръ». Нѣкоторые философы тайно или почти открыто противятся откровенію и безсмертію души. Католическій аскетизмъ и ученіе объ изможденіи плоти отвращаютъ отъ всего. Вы найдете у поэтовъ: Аріосто, венеціанца Людовичи, Пульчи, самыя сильныя нападки на монаховъ и самыя беззастѣнчивыя насмѣшки надъ догматами....

Противу этого сенсуализма и атеизма, моралисты и проповѣдники того времени вооружаются всѣми силами. Савонарола говоритъ флорентицамъ, которыхъ онъ хотѣлъ обратить на путь истинный въ три или четыре года: «Ваша жизнь—это жизнь свиньи, вся она проходитъ у васъ на постели, въ сплетняхъ, въ прогулкахъ, въ оргіяхъ и развратѣ.» Поуменьшимъ описаніе всего этого на столько, на сколько это всегда необходимо сдѣлать, когда говоритъ проповѣдникъ или моралистъ, нарочно возвышающій голосъ, чтобы его услыхали—уменьшимъ въ какой хотите степени, и все еще останется кое-что. Біографіи вельможъ того времени, циническія или изощренныя развлеченія герцоговъ Феррарскаго и Миланскаго, тонкій эпикуреизмъ или открыто вольное поведеніе Медичи во Флоренціи, показываютъ, до чего доходило искапіе всякаго рода развлеченій. Эти Медичи были капиталистами, частью силой, частью ловкостью сдѣлавшимися первыми лицами и дѣйствительными представителями республики. Они содержали при себѣ поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ, ученыхъ; они давали въ своемъ дворцѣ представленія, изображающія охоту и миѳологическую любовь; въ дѣлѣ живописи, они предпочитали наготу Делло и Поллайоло и изощряли великій и благородный паганизмъ на острeѣ сладострастнаго сенсуализма. Вотъ почему они были очень снисходительны къ шалостямъ своихъ живописцевъ. Вы знаете исторію Фра Филиппо Липпи, который укралъ монахиню; родители стали жаловаться, на что Медичи усердно расхохотались. Тотъ-же Фра Филлипо, работавшій у нихъ, до того увлекался своими любовницами, что, когда его для окончанія работы запирали въ комнатѣ, онъ уходилъ чрезъ окно по веревочной лѣстницѣ, связанной имъ изъ простынь. Въ Римѣ было хуже; я не стану разсказывать вамъ развлеченій Александра VI; ихъ нужно прочесть въ дневникѣ, веденномъ его капелланомъ Бурхардомъ; одинъ только Латинскій языкъ можетъ передать сцены и вакханаліи. Что до Льва X, то это человѣкъ со вкусомъ, любящій хорошую латынь и ловкія эпиграммы; но это не мѣшаетъ ему открыто предаваться веселью и свободному физическому наслажденію. Вокругъ него, Бембо, Мольца, Аретино, Барабалло, Кверно, множество поэтовъ, музыкантовъ, прихлебателей, ведутъ жизнь далеко не поучительную—стихи ихъ обыкновенно болѣе чѣмъ нескромны; кардиналъ Бибіена приказываетъ представлять передъ нимъ комедію *Каландра*, которую теперь не дерзнулъ бы поставить у себя на сценѣ ни одинъ театръ. Самъ онъ забавляется подаваніемъ своимъ гостямъ блюдъ, приготовленныхъ въ видѣ обезьянъ и воронъ. За шута онъ держитъ при себѣ нищаго монаха Маріано, страшнаго обжору, который въ одинъ пріемъ проглатываетъ цѣлаго голубя, варенаго или жаренаго, и можетъ, говорятъ, съѣсть за-разъ сорокъ яицъ и двадцать курченковъ. Грубое веселье, фантастическія и безпорядочные по-

леты воображенія нравятся ему; животный восторгъ и сила преобладаютъ въ немъ, какъ и у другихъ; въ сапогахъ со шпорами страстно охотится онъ за оленями и вепрями по дикимъ холмамъ Чивита-Веккьи; даваемыя имъ празднества такъ же мало носятъ духовный характеръ, какъ и его нравы. Секретарь герцога Феррарскаго, очевидецъ, вотъ какъ описываетъ одинъ изъ его дней. Сравните эти забавы съ забавами нашего времени, и тогда только вы увидите, на сколько увеличилось господство приличій, на сколько оказываются подавленными свободные и сильные инстинкты природы, на сколько живое воображеніе подчинено чистому мышленію и какое разстояніе раздѣляетъ насъ отъ этихъ полу-языческихъ временъ, всецѣло чувственныхъ, но и всецѣло живописныхъ, гдѣ умственная жизнь не первенствовала еще передъ тѣлесной.

«Въ Воскресенье вечеромъ я былъ на комедіи*); высо«копочтеннѣйшій г. Рангони**) дозволилъ мнѣ войти туда, «гдѣ былъ папа съ своими юными кардиналами, въ одну «изъ переднихъ залъ Чибо***). Его святѣйшество изволи«ли прохаживаться тамъ, дозволяя вводить то тѣхъ, то «другихъ, общественное положеніе которыхъ оказывалось «достаточно для этого приличнымъ, а, добравшись до «опредѣленной имъ цифры, всѣ отправились въ помѣ«щеніе, назначенное для комедіи; святой отецъ нашъ «помѣстился у дверей и безъ шуму, давая свое благо«словеніе, разрѣшалъ входъ кому ему было угодно. Бу«дучи разъ допущены въ залу, вы находили съ одной «стороны ея сцену, а съ другой площадку со ступень«ками, на которой поставлено было кресло папы; когда «свѣтскіе вошли въ залу, папа усѣлся на своемъ мѣстѣ, «на пять ступеней возвышающемся надъ всѣми, сопро«вождаемый прелатами, кардиналами и посланниками, «которые по рангу заняли мѣста вокругъ кресла. Едва «только собралась толпа, доходившая, быть можетъ, до «двухъ тысячъ человѣкъ, какъ при звукѣ флейтъ, спусти«ли занавѣсъ, на которомъ былъ нарисованъ братъ Марі«ано*) со множествомъ дьяволовъ, заигрывавшихъ съ нимъ «по обѣимъ сторонамъ занавѣса, въ срединѣ котораго «красовалась надпись: «Вотъ прихоти брата Маріано». «Заиграла музыка, и папа, сквозь свои очки, любовался «сценой, которая была восхитительна и написана рукою «Рафаэля; со входа открывались дѣйствительно превос«ходные виды перспективы, которыми всѣ тогда восхи«щались. Его святѣйшество любовался также небомъ, «чудесно изображеннымъ; канделябры составлены были «изъ буквъ, а каждая буква поддерживала пять факеловъ. «выражавшихъ: «Leo X, Pont. Maximus.» На сценѣ по«казался нунцій, и началъ говорить. Онъ осмѣялъ за«главіе комедіи Suppositi до того, что папа разсмѣялся «отъ чистаго сердца вмѣстѣ съ присутствующими (зри«телями), ибо, какъ я слыхалъ, сюжетъ Suppositi при«велъ въ нѣкоторое смущеніе французовъ. Началась ко«медія, которую читали (играли) хорошо, и за каждымъ «актомъ давалась музыкальная интермедія на дудкахъ, во«лынкахъ, двухъ рожкахъ, віолахъ, лютняхъ и маленкомъ «органѣ съ чрезвычайно пріятными звуками, и давалась «она папѣ однимъ весьма знаменитымъ господиномъ съ «богатой памятью; въ то же время была одна флейта и «одинъ голосъ, которые очень понравились всѣмъ; былъ «также тамъ концертъ пѣвчихъ, не удавшійся, по мое«му, такъ-же, какъ другія музыкальныя вещи». Послѣд-

*) Напечатана первый разъ въ Gazette des beaux arts маркизомъ Іосифомъ Кампори.

**) Геркулъ Рангони, кардиналъ.

***) Кардиналъ Иннокентій, сынъ Франческетто Чибо и Магдалины Медичи, сестры Льва X.

*) Братъ Маріано Фетти, свѣтскій доминиканецъ, смѣнившій Браманте, предшественника Себастіано въ церкви *Піомбо* (plomb), вмѣстѣ съ Барабалло, Кверно и подобными имъ, бывшій однимъ изъ самыхъ веселыхъ и забавныхъ лицъ при дворѣ Льва X, а вмѣстѣ съ тѣмъ отличавшійся покровительствомъ и дружбою къ художникамъ.

«нею интермедіей была *Мавританка*, изображавшая «басню Горгона—очень хороша, но не въ такой степе-«ни совершенства, какъ я видѣлъ ее представленною во «дворцѣ; такъ окончился праздникъ. Слушатели начали «уходить съ такой поспѣшностью и въ такой большой «толпѣ, что злая моя судьба натолкнула меня на ма-«ленькую скамеечку, и я едва не сломалъ себѣ ноги. «Бондельмонтъ получилъ ужаснѣйшій толчокъ отъ како-«го-то испанца и, пока первый началъ отсчитывать ку-«лакомъ удары второму, мнѣ удалось ускользнуть изъ «залы; несомнѣнно, что нога моя подвергалась великой «опасности; впрочемъ, я нашелъ нѣкоторую награду за «это несчастіе въ великомъ благословеніи и привѣтливой «улыбкѣ, какими удостоилъ меня святой отецъ.

«Въ день, предшествовавшій этому вечеру, были «конскія скачки, на которыхъ мы видѣли толпу наѣздни-«ковъ съ господиномъ Корнеромъ во главѣ, одѣтымъ «мавританкой въ какомъ-то пестромъ костюмѣ, и за-«тѣмъ другую толпу испанцевъ, одѣтыхъ въ александрій-«скій атласъ съ мѣняющеюся шелковой подкладкой, ка-«пюшономъ и полукафтаньемъ, имѣя во главѣ Серапику, «со множествомъ лакеевъ въ качествѣ прислуги. Послѣд-«няя состояла изъ двадцати верховыхъ; папа пожало-«валъ сорокъ пять червонцевъ каждому изъ кавалеровъ; «и, по истинѣ, то была прекрасная свита съ гайдуками «и трубачами, одѣтыми въ шелкъ тѣхъ же цвѣтовъ. При-«бывъ на площадь, они стали по-двое скакать къ две-«рямъ дворца, въ окнѣ котораго стоялъ папа; когда «окончилась такая скачка обѣихъ труппъ, компанія Се-«рапики собралась на одной сторонѣ площади, а компа-«нія Корнера—около Св. Петра; первая, взявъ палки, «напала на вторую, которая тоже успѣла запастись «ими; компанія Серапики швырнула палками въ компа-«нію Корнера, что и та, въ свою очередь, сдѣлала от-«носительно своихъ противниковъ, и обѣ онѣ, напавъ «другъ на друга, смѣшались въ одну массу, на что бы-«ло очень хорошо и не опасно смотрѣть. Замѣчено было «у наѣздниковъ нѣсколько превосходныхъ коней и же-

«ребцовъ. Въ послѣдующій день былъ бой быковъ; я «присутствовалъ тамъ вмѣстѣ съ синьоромъ Антоніо, «о чемъ и писалъ уже: трое человѣкъ убито и ранено «пять лошадей, двѣ на смерть и, между прочими, одна, «бывшая подъ Серапикой, великолѣпный испанскій же-«ребецъ, сбросившій его на землю и подвергнувшій боль-«шой опасности, ибо быкъ былъ уже надъ нимъ, «и еслибы животное это не кольнули пикой, оно не-«оставило бы дѣла такъ и непремѣнно умертвило бы его. «Увѣряютъ, что папа вскрикнулъ: «Бѣдный Серапика!» «и крѣпко опечалился. Сегодня пришла очередь играть «въ кольцо передъ дверями дворца, а папа смотрѣлъ на «это изъ своихъ оконъ; награды были уже написаны на «вазахъ. Настали затѣмъ бѣги буйволовъ: пресмѣшно «смотрѣть, какъ бѣгаютъ эти противныя животныя, то «наклоняясь впередъ, то отшатываясь всѣмъ тѣломъ на-«задъ; чтобы достигнуть указаннаго мѣста, имъ нужно «много времени, ибо они дѣлаютъ шагъ впередъ и че-«тыре назадъ, такъ что для нихъ весьма трудно выиграть «призъ. Послѣдній, выполнившій условія скачки, былъ «тотъ, который опередилъ другихъ, и ему присудили «награду; всѣхъ ихъ находилось тамъ десять, и, право, «это была презабавная шутка. Затѣмъ я отправился къ «Бембо; ходилъ съ визитомъ къ его святѣйшеству и «встрѣтилъ тамъ одного епископа. Только и разговору «было что о маскахъ, да о веселыхъ предметахъ.

«Изъ Рима, сегодня, 8 марта MDXVIIII г., въ чет-«вертомъ часу ночи.

«Вашей Высокоименитой Свѣтлости
«нижайшій слуга Альфонсъ Паулуцо.»

Таковы забавы карнавала при дворѣ, который, по-видимому, долженъ бы быть самымъ степеннымъ и самымъ скромнымъ въ Италіи; тамъ бывали также бѣганья «нагихъ людей», подобныя древнимъ греческимъ играмъ, бывали и срамныя картины, какъ въ циркахъ древней Римской имперіи. Съ воображеніемъ, столь круто обращеннымъ къ физическимъ зрѣлищамъ, съ цивилизацiей,

ставящею наслажденіе, какъ цѣль человѣческой жизни, при столь полномъ освобожденіи отъ всякихъ политическихъ заботъ, тревогъ промышленныхъ и умственныхъ занятій, привязывающихъ, въ настоящее время, умы къ положительнымъ интересамъ и отвлеченнымъ идеямъ,— при такихъ условіяхъ, неудивительно, что народъ, отъ природы склонный къ искусствамъ и достаточно къ этому подготовленный воспитаніемъ, постигъ, открылъ и довелъ до совершенства искусство, изображающее чувственныя формы. Возрожденіе—это единственный моментъ, занимающій срединное положеніе между средними вѣками и новымъ временемъ, между недостаточной культурой и культурой чрезмѣрно великой, между господствомъ голыхъ инстинктовъ и господствомъ зрѣлыхъ идей. Въ то время, человѣкъ перестаетъ уже быть грубымъ животнымъ, воиномъ, хищникомъ, только и знающимъ что упражнять свои члены; но это еще не свѣтлый кабинетный или салонный умъ, только и знающій что упражнять свое мышленіе и свой языкъ. Онъ причастенъ двумъ натурамъ. У него есть смутныя и продолжительныя мечтанія, какъ у варвара; есть у него и проницательная, тонкая пытливость, какъ у человѣка образованнаго. Подобно первому, онъ думаетъ образами; подобно второму, онъ находитъ нѣкоторую стройность и порядокъ. Подобно первому, онъ ищетъ чувственнаго наслажденія; подобно второму, ему нужно уже нѣчто повыше грубаго восторга. У него есть побужденія, но есть и нѣкоторая разборчивость въ нихъ. Его интересуетъ то, что находится за предѣлами вещественнаго міра, но онъ требуетъ отъ всего совершенства. Прекрасныя формы, которыя разсматриваетъ онъ въ произведеніяхъ своихъ великихъ художниковъ, лишь вызываютъ у него смутные образы, которыми полна его голова, и удовлетворяютъ глухимъ инстинктамъ, которыми волнуется его сердце.

V.

1. Третье условіе живописи.—Обстоятельства, которыя привели искусство къ изображенію человѣческаго тѣла.

2. Характеры въ Италіи въ эпоху Возрожденія.—Нравы, образовавшіе ихъ.—Отсутствіе суда и полиціи.—Пособіе силы и призывъ къ самому себѣ.—Убійство и насиліе.—Оливеретто де-Фермо и Цезарь Борджія.—Теорія убійства и вѣроломства.—*Государь* Маккіавели.—Послѣдствія этихъ нравовъ на характерахъ.—Развитіе энергіи, привычка къ трагическимъ страстямъ.

3. Бенвенуто Челлини.—Сила темперамента.—Богатство способностей.—Широкій пылъ и восторги.—Живость воображенія.—Насиліе и самоуправство.

4) Какимъ образомъ нравы и характеры эти подготовляютъ людей къ пониманію изображенія человѣческаго тѣла.—Личная и привычная опытность по отношенію къ тѣлу.—Способность пониманія энергическихъ и простыхъ формъ.—Чувственность къ прекрасному.—Жизнь и вкусы современнаго человѣка въ сравненіи съ жизнью и вкусами итальянца временъ Возрожденія.

Остается узнать, почему этотъ великій талантъ живописи избралъ главнымъ предметомъ своимъ тѣло человѣка, какого рода опытами, какими привычками, какими страстями подготовленъ былъ въ человѣчествѣ интересъ къ мускуламъ, отчего на этомъ большомъ полѣ искусства

глаза ихъ съ предпочтенiемъ остановились на здоровыхъ, сильныхъ, дѣятельныхъ лицахъ, которыхъ послѣдующiе вѣка или совсѣмъ не умѣли открыть, или ограничились рутинной копировкой.

Для этого, указавъ вамъ общее состоянiе умовъ, я постараюсь опредѣлить преобладающiй родъ характеровъ. Подъ состоянiемъ умовъ понимаютъ родъ, количество и качество мыслей, заключающихся въ головѣ человѣческой и составляющихъ нѣкотораго рода ея меблировку. Но меблировка головы, какъ и меблировка дворца, мѣняется безъ особаго труда; не касаясь дворца можно поставить въ немъ другiе обои, буффеты, другую бронзу и ковры; равнымъ образомъ, не касаясь внутренняго склада души, можно вложить въ нее другiя мысли; достаточно для этого измѣненiя въ условiяхъ жизни или воспитанiя; у человѣка невѣжественнаго и просвѣщеннаго, у плебея и дворянина мысли совершенно различны. Слѣдовательно, въ человѣкѣ есть нѣчто болѣе важное, чѣмъ идеи—это самый строй его, т. е. характеръ, и, иными словами, его природные инстинкты, его врожденныя страсти, величiе его чувства, степень энергiи,—короче, сила и направленiе его внутренняго механизма. Чтобы показать вамъ такого рода глубокую структуру итальянскихъ умовъ, я хочу открыть предъ вами обстоятельства, привычки и потребности, произведшiя ее: исторiя этой структуры уяснитъ ее вамъ лучше, чѣмъ отвлеченное ея опредѣленiе.

Первая черта, замѣчаемая тогда въ Италiи,—это недостатокъ прежняго и постояннаго мира, точнаго правосудiя и бдительной полицiи, въ родѣ той, къ какой привыкли мы во Францiи и другихъ образованныхъ странахъ. Мы съ трудомъ можемъ вообразить себѣ такую крайнюю степень тревоги, безпорядковъ и насилiй. Слишкомъ давно находимся мы въ противоположномъ состоянiи. У насъ столько жандармовъ и полицейскихъ, что мы склонны такое количество считать скорѣе неудобнымъ,

чѣмъ полезнымъ. У насъ, если человѣкъ пятнадцать соберется на улицѣ поглазѣть на собаку, переломившую ногу, тотчасъ-же является какой-нибудь усатый господинъ и говоритъ: «господа, сборища воспрещены,—не угодно-ли вамъ разойтись.» Это мы находимъ излишнимъ, стѣснительнымъ; мы бранимся и забываемъ обратить вниманiе на то, что эти же усачи доставляютъ и самому богатому и самому бѣдному возможность безопасно ходить одному и безъ оружiя въ полночь по самымъ глухимъ улицамъ. Мысленно уничтожимъ этихъ усачей и представимъ себѣ страну, въ которой полицiя безсильна или бездѣятельна. Подобныя мѣста вы найдете въ Австралiи, въ Америкѣ, напримѣръ, на этихъ placers, куда толпою стекаются искатели золота и живутъ тамъ наудачу, не составляя еще изъ себя правильно организованнаго государства. Тамъ, если вы испугаетесь чего-нибудь, если кто ударитъ васъ или нанесетъ какое-нибудь оскорбленiе, вамъ не остается ничего болѣе какъ тотчасъ-же разрядить на соперникѣ или противникѣ свой револьверъ. Противникъ защищается, подчасъ въ битвѣ принимаютъ участiе и сосѣди. Ежеминутно приходится защищать свое имущество или жизнь, и безпрерывное выжиданiе опасности, ужасной и мгновенной, тѣснитъ и подавляетъ человѣка со всѣхъ сторонъ.

Таково было, около 1500 года, положенiе дѣлъ въ Италiи; тамъ совершенно не знали еще ни о чемъ подобномъ той великой организацiи управленiя страной, которая, въ наше время, усовершенствовавшись послѣ четырехъ столѣтiй опыта, считаетъ первою обязанностью своею обезпечить за каждымъ не только его имущество и жизнь, но также спокойствiе и полную безопасность. Государи Италiи были маленькiе тираны, узурпаторы власти, обыкновенно добивавшiеся ея путемъ убiйствъ, отравленiй, или, по крайней мѣрѣ, насилiй и вѣроломства. Конечно, первою заботою ихъ было—удержать за собою подолѣе эту власть. Что же до безопасности гражданъ, то они не обращали на это никакого вниманiя.

Частныя лица должны были сами защищать себя и, кромѣ того, сами чинить надъ собою судъ и расправу; имѣя какого-нибудь слишкомъ упорнаго должника, повстрѣчавшись на улицѣ съ какимъ-нибудь грубіяномъ, считая кого-либо для себя опаснымъ или враждебнымъ, граждане находили совершенно естественнымъ освободиться отъ него какъ можно скорѣе.

За примѣрами ходить не далеко; стоитъ пробѣжать нѣсколько мемуаровъ того времени, чтобы увидѣть, какъ глубоко укоренена была тогда привычка къ насилію и самоуправству.

«Двадцатаго сентября, говоритъ Стефано Инфессу-«ра, произошло великое смятеніе въ городѣ Римѣ, и всѣ «купцы закрыли свои лавки. Бывшіе на поляхъ или въ «виноградникахъ торопливо возвратились домой, и всѣ, «какъ римскіе граждане, такъ и чужеземцы, взялись за «оружіе, потому что въ городѣ стали положительно ут-«верждать за достовѣрное, что папа Иннокентій III-й «умеръ.»

Слабыя узы, соединяющія общество, порывались, человѣчество возвращалось къ дикому состоянію; каждый пользовался минутой, чтобы освободиться отъ своихъ враговъ. Замѣтьте, что и въ обыкновенное время явленія насилія, встрѣчаясь не такъ часто, были однако же не менѣе жестоки. Частныя войны между фамиліями Колонна и Орсини велись вокругъ Рима; эти вельможи имѣли своихъ воиновъ и призывали крестьянъ; каждая шайка раззоряла непріятельскія земли; всякое перемиріе тотчасъже нарушалось, и каждый предводитель, облачаясь въ свой діассо, посылалъ сказать папѣ, что его противникъ былъ зачинщикомъ несогласія.

«Въ самомъ городѣ, днемъ и ночью, происходило «много убійствъ и не проходило ни одного дня, чтобы «кто-нибудь не былъ убитъ.... Въ третій день сентября

«нѣкто Сальвадоръ напалъ на своего непріятеля, синьора «Бенеаккадуто, съ которымъ у него однакоже былъ заклю-«ченъ миръ, обезпеченный залогомъ въ 500 червонцевъ».

Это значитъ, что оба они представили по 500 червонцевъ, которые должны быть потеряны тѣмъ изъ нихъ, кто первый нарушитъ перемиріе. Гарантировать такимъ образомъ данную клятву было дѣломъ обыкновеннымъ въ то время; не было другаго средства, чтобы поддержать хоть нѣсколько общественное спокойствіе. Въ расходной книгѣ Челлини собственноручно записана имъ слѣдующая замѣтка: «Замѣчаю для памяти, что сегодня, 26 октября «1556 г., я, Бенвенуто Челлини, вышелъ изъ тюрьмы и «заключилъ съ моимъ непріятелемъ перемиріе на годъ. «Каждый изъ насъ представилъ залогу по 300 экю.» Но денежная гарантія слишкомъ ничтожна противу силы темперамента и жестокости нравовъ. Поэтому Сальвадоръ и не могъ удержаться, чтобы не напасть на Бенеаккадуто. «Онъ дважды ударилъ его шпагой и смертель-«но ранилъ, такъ что тотъ умеръ.»

Здѣсь уже вмѣшиваются оскорбленныя власти и принимаетъ участіе народъ почти такъ-же, какъ это происходитъ и теперь въ Санъ-Франциско при исполненіи закона Линча. Въ Санъ-Франциско, если разбойники становятся слишкомъ многочисленными, купцы, болѣе важныя и почтенныя лица въ городѣ, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ горожанъ, которые хотятъ принять въ этомъ участіе, отправляются и забираютъ виновныхъ въ тюрьму, гдѣ и вѣшаютъ ихъ во время присутствія. Подобно это-«му, на четвертый день, папа послалъ своего вице-ка-«мерарія со стражей и всѣмъ народомъ, чтобы раззорить «домъ Сальвадора. Раззоривъ его, они, того-же четвер-«таго сентября, повѣсили Іеремію, брата сказаннаго «Сальвадора,» вѣроятно потому, что самъ Сальвадоръ ускользнулъ отъ ихъ рукъ. Когда судьею и палачемъ бываетъ толпа народа, то разумѣется каждый является отвѣтчикомъ не только за себя, но и за всѣхъ своихъ,

Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка, люди того времени слишкомъ привыкли къ насилію, и я говорю не только о черни, но и о лицахъ, которыя, занимая высокое положеніе или обладая извѣстнымъ образованіемъ, казалось-бы, должны имѣть нѣкоторую власть надъ собою. Гвичардини разсказываетъ, что однажды Тривульчіо, губернаторъ Милана, поставленный французскимъ королемъ, собственноручно убилъ на рынкѣ нѣсколькихъ мясниковъ, «которые съ грубостью, свойственною такого рода люкдямъ, воспротивились сбору податей, отъ которыхъ они «не были изъяты.»—Вы привыкли, въ настоящее время, смотрѣть на художниковъ, какъ на свѣтскихъ людей, мирныхъ гражданъ, которымъ совершенно умѣстно надѣть вечеромъ черное платье и бѣлый галстухъ. Въ мемуарахъ Челлини вы встрѣтите одного ювелира по имени Пилото, «человѣка мужественнаго,» но занимающаго должность предводителя разбойничьей шайки. Въ другомъ мѣстѣ, ученики Рафаэля принимаютъ рѣшимость убить Россо, потому что Россо, человѣкъ невоздержный на языкъ, сказалъ что-то дурное про Рафаэля; Россо благоразумно убѣгаетъ изъ Рима; послѣ такихъ угрозъ, путешествіе настоятельно необходимо. Самой ничтожной причины достаточно въ то время, чтобы убить человѣка. Челлини разсказываетъ еще, что Васари имѣлъ обыкновеніе носить очень длинные ногти и что однажды, ночуя на одной постели со своимъ ученикомъ Манно, «онъ, «желая почесать себѣ колѣно, нечаяннно оцарапалъ Манно «ногу своей рукой, послѣ чего тотъ непремѣнно хо«тѣлъ убить Васари». Поводъ невеликъ. Но въ то время человѣкъ до того былъ запальчивъ, такъ привыкъ къ кулачной расправѣ, что кровь мгновенно бросается ему въ глаза и онъ мечется взадъ и впередъ, какъ разъяренный быкъ, ежеминутно готовый пырнуть васъ рогами; человѣкъ тогда постоянно готовъ былъ пустить въ дѣло кинжалъ.

Зрѣлища, разъигрываемыя въ Римѣ и его окрестностяхъ, по истинѣ, ужасны. Наказанія достойны временъ Восточной монархіи. Сочтите-ка, если можете, всѣ убій-

ства, совершенныя рукою этого изящнаго и умнаго це«зяря Борджія, сына папы и герцога Валентинуа, «портретъ котораго вы увидите въ Римѣ, въ Боргезской галлереѣ. Это человѣкъ одаренный большимъ вкусомъ, великій политикъ, любитель празднествъ и тонкой бесѣды; тонкій станъ обхваченъ курткою изъ чернаго бархата; руки у него прелестны, взглядъ покоенъ, какъ у знатнаго вельможи.—Но онъ умѣетъ заставить уважать себя, и собственными своими руками расправляется со шпагой и кинжаломъ.

«Прошлаго воскресенья, говоритъ Бурхардъ, папскій «камерарій, въ Борго, какой-то человѣкъ въ маскѣ про«изнесъ нѣсколько оскорбительныхъ выраженій противу «герцога Валентинуа. Герцогъ узналъ объ этомъ, велѣлъ «его схватить; ему отрубили руку и кончикъ языка, ко«торый и былъ привязанъ къ мизинцу отрубленной руки,» безъ сомнѣнія, въ примѣръ прочимъ. Въ другой разъ, подобно качегарамъ 1799 года, «слуги того-же герцога «повѣсили за руки двухъ стариковъ и восемь старухъ, «предварительно зажегши подъ ихъ ногами огонь, чтобы «вынудить у нихъ признаніе, гдѣ спрятаны деньги, и тѣ, «не зная этого или не желая открыть имъ, умерли въ «невыразимомъ мученіи».

Въ одно прекрасное утро, герцогъ приказалъ привести на дворцовую площадь осужденныхъ «gladiandi» и разряженный въ самомъ изящномъ костюмѣ, передъ многочисленнымъ и избраннымъ кружкомъ зрителей, самолично перестрѣлялъ ихъ изъ лука. «Онъ убилъ также, подъ «плащемъ папы, Перотто, бывшаго фаворитомъ папы, «такъ что кровь забрызгала его святѣйшество». Въ семействѣ этомъ много рѣзни. Онъ со шпагою въ рукѣ напалъ на своего двоюроднаго брата, но папа велѣлъ спрятать раненаго; «тогда герцогъ сказалъ: чего не успѣли «сдѣлать къ обѣду, сдѣлается къ ужину. И однажды 17-го «августа, онъ вошелъ въ его комнату, когда молодой «человѣкъ уже всталъ и велѣлъ вывести его жену и сестру;

«потомъ, призвавъ трехъ убійцъ, приказалъ задавить «названнаго молодаго человѣка». Кромѣ того, онъ умертвилъ своего роднаго брата, герцога Гандія, и тѣло его велѣлъ выбросить въ Тибръ. Послѣ многихъ поисковъ было открыто, что какой-то рыбакъ находился на берегу во время совершенія преступленія. Когда его спросили, почему онъ не объявилъ о случившемся правителю города, «онъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, это не стоило «труда, такъ какъ въ жизни своей ему случалось по но«чамъ видѣть болѣе ста труповъ, выброщенныхъ въ «томъ-же мѣстѣ, и никто никогда объ нихъ не заботился».

Безъ сомнѣнія, всѣ Борджія, эта привилигированная фамилія, обладали особенной склонностью и особеннымъ талантомъ по части разнаго рода отравленій и убійствъ;но вы найдете, въ маленькихъ итальянскихъ государствахъ, множество частныхъ лицъ, принцевъ и принцессъ, достойныхъ быть современниками Борджія. Принцъ Фаенца подалъ поводъ къ ревности своей женѣ; она прячетъ подъ кроватью четырехъ убійцъ; тѣ устремляются на него, когда онъ ложится; принцъ храбро защищается, тогда она соскакиваетъ съ постели, хватаетъ кинжалъ, висѣвшій у изголовья, и сама, зайдя съ тылу, убиваетъ своего мужа. За это ее лишили причастія, но отецъ ея проситъ Лаврентія Медичи, пользующагося большимъ довѣріемъ папы, походатайствовать объ избавленіи ея отъ церковнаго покаянія, приводя въ основаніе своей просьбы, между прочимъ, то, что онъ «имѣетъ «намѣреніе снабдить ее другимъ мужемъ».—Въ Миланѣ герцогъ Галеаццо былъ зарѣзанъ тремя молодыми людьми, имѣвшими привычку читать Плутарха; одинъ изъ нихъ былъ убитъ на мѣстѣ совершенія преступленія, и трупъ его выбросили свиньямъ; другіе, передъ четвертованіемъ, объявили, что они затѣяли убійство потому, что «герцогъ не только насиловалъ женщинъ, но и «разглашалъ потомъ повсюду ихъ безчестіе; не только «убивалъ людей, но предварительно подвергалъ ихъ са«мымъ неслыханнымъ истязаніямъ». Въ Римѣ, папа Левъ X

едва не былъ убитъ своими кардиналами; его хирургъ, подкупленный ими, долженъ-былъ отравить его при посредствѣ корпіи, которая закладывалась въ его фистулу; кардиналъ Петруччи, главный зачинщикъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. Теперь, если мы разсмотримъ домъ Малатеста въ Римини или домъ Эсте въ Феррарѣ, то найдемъ и тамъ подобныя же наслѣдственныя привычки къ убійству и отравленію. Если наконецъ вы обратитесь къ странѣ, управленіе которой представляетъ, повидимому, болѣе правильности, къ Флоренціи, глава которой, одинъ изъ Медичи, человѣкъ умный, либеральный, честный, то и здѣсь вы встрѣтите кулачную расправу, столь же кровавую, какъ и тѣ, о которыхъ мы только что говорили. Напримѣръ, Пацци, раздраженные тѣмъ, что вся власть находится въ рукахъ Медичи, составляютъ съ епископомъ изъ Пизы заговоръ умертвить обоихъ Медичи-Юліана и Лаврентія; папа Сикстъ IV является соучастникомъ. Они назначаютъ часъ совершенія убійства во время отправленія обѣдни въ церкви Санта-Репарата, сигналомъ должно послужить подъятіе чаши. Одинъ изъ заговорщиковъ, Бандини, пронзилъ кинжаломъ Юліана Медичи, послѣ чего Франческо-деи-Пацци съ такою яростью устремился на трупъ, что самъ себя ранилъ въ ногу; онъ убилъ затѣмъ одного изъ друзей дома Медичи. Лаврентій былъ раненъ, но заговорщики имѣли на этотъ разъ дѣло съ человѣкомъ храбрымъ; онъ успѣлъ выхватить шпагу, обернулъ вокругъ руки свой плащъ вмѣсто щита, всѣ друзья окружили его и своими шпагами и тѣломъ защитили его такъ удачно, что онъ успѣхъ скрыться въ ризницѣ. Однокоже, остальные заговорщики, съ епископомъ во главѣ, въ числѣ тридцати, овладѣли городскимъ замкомъ, чтобы захватить въ руки и самыя бразды правленія. Но губернаторъ, еще при самомъ вступленіи своемъ въ должность, позаботился устроитъ двери такимъ образомъ, чтобы запереть ихъ, которыя потомъ нельзя бы уже было отворить извнутри. Заговорщики были пойманы какъ въ мышеловку. Народъ вооруженный сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Схватили епископа и повѣсили его въ

церковныхъ одеждахъ рядомъ съ Франческо-деи-Пацци, главою заговора; почтенный прелатъ въ ярости, болтаясь на висѣлицѣ и готовясь умереть, вцѣпился зубами въ тѣло своего соучастника и искусалъ ему все плечо. «Около двадцати лицъ изъ семейства Пацци были тогда же «разорваны на части толпой народа, столько же пострадало и изъ дома епископа, а передъ окнами дворца по«вѣшено было шестьдесятъ человѣкъ.» Одинъ живописецъ, исторію котораго я разсказывалъ вамъ, Андреа-де-Кастаньо, убійца своего друга съ цѣлью украсть у него изобрѣтеніе масляной живописи, долженъ былъ срисовать картину этой громадной висѣлицы, почему позднѣе и дали ему названіе—*Андреа-висѣльниковъ*.

Долго можно было бы приводить вамъ изъ жизни того времени происшествія, отличающіяся такимъ же ужасающимъ характеромъ; вотъ однакоже вамъ еще одно, которое я избираю потому, что дѣйствующее въ немъ лицо сейчасъ должно предстать на сцену и потому, что разсказчикомъ тутъ является Маккіавели: «Олеверетто «да-Фермо, оставшись въ малолѣтствѣ сиротою, былъ «воспитанъ однимъ изъ дядей своихъ по матери, именемъ Джіовіанни Фольяни.» Потомъ онъ научился искусству владѣть оружіемъ у его братьевъ. «Обладая отъ «природы умомъ и будучи ловокъ и силенъ тѣломъ и «душою, онъ, въ короткое время, сдѣлался однимъ изъ «первыхъ людей въ его шайкѣ. Но, разсудивъ, что уни«зительно быть затертымъ въ толпѣ, онъ рѣшился, при «помощи нѣсколькихъ гражданъ изъ Фермо, овладѣть го«родомъ, и написалъ своему дядѣ, что, пробывъ нѣсколь«ко лѣтъ вдали отъ своего отечества, онъ желалъ бы «возвратиться, чтобы увидѣть его и городъ, да взглянуть «кстати и на родину. Онъ прибавлялъ, что если онъ вы«несъ столько трудовъ, то для того лишь, чтобы стяжать «для себя славу, а чтобы сограждане не упрекнули его «въ напрасной потерѣ времени, онъ намѣревался пріѣ«хать въ сопровожденіи ста всадниковъ, его друзей и «слугъ, и просилъ дать приказъ, чтобы люди Фермо встрѣ«тили его почтительно, что сдѣлаетъ честь не только «ему, Оливеретто, но и самому Джіованни, который ре«бенкомъ принялъ Оливеретто къ себѣ на воспитаніе. «Джіованни не оставилъ безъ исполненія ничего изъ то«го, о чемъ его просили; онъ велѣлъ людямъ Фермо при«нять его съ честью и поселилъ въ своемъ домѣ..... Оли«веретто, въ теченіе нѣсколькихъ дней успѣвъ распоря«диться относительно всего необходимаго для его зло«дѣянія, задалъ торжественное празднество, на которое «пригласилъ Джіованни и всѣхъ первѣйшихъ гражданъ «въ Фермо; къ концу..... умышленно заведя разговоръ «о важныхъ предметахъ, о величіи папы Александра и «его сына, о предпріятіяхъ ихъ, онъ вдругъ всталъ и «сказалъ, что нужно болѣе таинственное мѣсто, чтобы го«ворить о подобныхъ вещахъ. Онъ отправился въ какую«то комнату, куда послѣдовали за нимъ Джіованни и «всѣ другіе. Едва усѣлись они, какъ изъ потайныхъ «мѣстъ, скрытыхъ въ этой комнатѣ, вышли солдаты, «умертвили Джіованни и всѣхъ прочихъ. Послѣ этого «душегубства, Оливеретто, сѣлъ на лошадь, отправился «въ городъ и осадилъ главный магистратъ въ городскомъ «замкѣ, такъ что, страха рада, жители вынуждены были «повиноваться ему и признать правительство, главою ко«тораго онъ поставилъ себя. Онъ предалъ смерти всѣхъ «недовольныхъ, которые могли вредить ему... и въ одинъ «годъ успѣлъ сдѣлаться грозою для своихъ сосѣдей.»

Предпріятія подобнаго рода встрѣчаются часто; жизнь цезаря Борджія полна ими, самое подчиненіе Романьи св. престолу было рядомъ измѣнъ и убійствъ. Таковъ дѣйствительный феодальный бытъ, при которомъ каждый человѣкъ, предоставленный самому себѣ, нападаетъ на другаго или защищается, доводя до самой крайней степени свое честолюбіе, разбойничьи инстинкты или мщеніе, и не боясь ни правительственнаго вмѣшательства, ни преслѣдованія закона.

Но, между Италіей XV-го вѣка и средневѣковой

Европой, громадное различіе составляетъ то обстоятельство, что итальянцы обладали, въ то время, значительной культурой. Вы только что видѣли многочисленныя доказательства этой исключительной культуры. Въ силу какого-то необыкновеннаго контраста, не смотря на то, что внѣшность сдѣлалась изящною и вкусы утончились, характеры и сердца остались свирѣпыми. Люди эти были писателями, знатоками, краснорѣчивыми, вѣжливыми, знакомыми съ салонной жизнью и въ тоже время—солдатами, разбойниками и убійцами. У нихъ поступки, достойные дикарей, стоятъ на ряду съ разсужденіями людей цивилизованныхъ; это—разумные волки. Теперь, вообразите, что волкъ пускается въ разсужденія по поводу своей породы; весьма вѣроятно, что онъ составитъ цѣлый кодексъ убійствъ. То же самое случилось въ Италіи: философы возвели въ теорію ту обычную дѣятельность, которой они были свидѣтелями, и кончили тѣмъ, что порѣшили, какъ говорили, что, для добытія себѣ возможности существовать или для успѣховъ въ этомъ свѣтѣ, необходимо дѣйствовать въ качествѣ разбойника. Самымъ глубокимъ изъ этихъ теоретиковъ былъ Маккіавели, великій человѣкъ, даже честный человѣкъ, патріотъ, высоко-геніальная личность, написавшій книгу «*Государь*,» *) чтобы оправдать или, по крайней мѣрѣ, упрочить вѣроломство и грабежъ. Впрочемъ онъ скорѣе не оправдываетъ и не упрочиваетъ ничего; онъ слишкомъ увлекся негодованіемъ и оставилъ въ сторонѣ совѣсть; онъ анализируетъ, объясняетъ по-ученому, какъ знатокъ людей; онъ сообщаетъ документы и комментируетъ ихъ; онъ посылаетъ городскому начальству Флоренціи руководящіе и положительные мемуары, написанные тономъ покойнымъ, какъ разсказъ о какой-то хирургической операціи. Донесеніе свое онъ озаглавливаетъ такъ:

*) Русскій переводъ жизни Маккіавели «Государь» Н. Курочкина, изданъ въ Петербургѣ, въ 1869 году.

«Описаніе того, какимъ именно образомъ герцогъ «Валентинуа умертвилъ Вителлоцо Вителли, Оливеретто «де-Фермо, синьора Паголо и герцога Гравина Орсини».

«Высокоименитые государи, поелику ваша милость «не получили всѣхъ моихъ писемъ, въ которыхъ заклю«чалась большая часть дѣла Синигалья, то я счелъ «умѣстнымъ описать его въ подробности и полагаю, что «сіе будетъ пріятно вамъ по причинѣ самаго качества «дѣла, во всѣхъ отношеніяхъ, рѣдкаго и достопамятнаго».

Герцогъ былъ разбитъ этими вельможами и бороться съ ними оказалось для него не подъ силу. Онъ заключилъ миръ, наобѣщалъ имъ много, кое-что далъ изъ этого, разсыпался въ самыхъ дружескихъ увѣреніяхъ, сдѣлался ихъ союзникомъ и наконецъ предложилъ имъ совѣщаніе по одному общему дѣлу. Имѣя нѣкоторыя опасенія, они долго колебались. Но его обѣщанія были такъ соблазнительны, онъ такъ ловко умѣлъ подстрекнуть ихъ надежды и жадность, прикинулся такимъ тихимъ и прямодушнымъ, что они явились, правда, съ войсками, и допустили увесть себя, подъ предлогомъ гостепріимства, во дворецъ, занимаемый герцогомъ въ Синигальи. Они въѣзжаютъ, сидя верхомъ на лошадяхъ, и герцогъ дружески привѣтствуетъ ихъ; но «едва сошли съ лошадей «у квартиры герцога и вошли съ нимъ въ потайную «комнату, какъ тотчасъ же были сдѣланы его плѣнниками.»

«Герцогъ тотчасъ-же сѣлъ на коня и повелѣлъ «истребить людей Оливеретто и Орсини. Но солдаты гер«цога, не удовольствовавшись тѣмъ, что перебили людей «Оливеретто, принялись опустошать Синигалью, и если«бы герцогъ не сдержалъ ихъ наглость тѣмъ, что пере«билъ многихъ изъ нихъ, они раззорили-бы ее всю».

Меньшіе дѣйствовали по-разбойнически точно также, какъ и старшіе; то было всемірное господство силы

«Когда настала ночь и смятеніе утихло, герцогъ при-
«зналъ удобнымъ порѣшить съ Вителлоцо и Оливеретто
«и, повелѣвъ отвести ихъ въ безопасное мѣсто, гдѣ онъ при-
«казалъ ихъ удавить. Вителлоцо просилъ умолить папу,
«чтобы тотъ далъ ему полное разрѣшеніе грѣховъ. Оли-
«веретто плакалъ, сваливая на Вителлоцо все зло, какое
«они сдѣлали герцогу. Паголо и герцогъ Гравина были
«оставлены въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока герцогъ не
«узналъ, что папа овладѣлъ кардиналомъ Орсино, архіе-
«пископомъ Флоренціи и мессиромъ Джакопо де-Санта-
«Кроче. Когда новость эта сдѣлалась извѣстною, 18-го
«генваря, въ замкѣ Піэве, они были удавлены такимъ
«же образомъ.»

Это еще только разсказъ; въ другомъ мѣстѣ, Мак-
кіавели не ограничивается сообщеніемъ факта и выво-
дитъ свои заключенія. По образцу *Киропедіи* Ксенофон-
та, онъ пишетъ вполовину вымышленную и вполовину
правдоподобную книгу, подъ заглавіемъ «*Жизнь* Каструччьо
Кастракани», котораго предлагаетъ итальянцамъ какъ об-
разецъ совершеннѣйшаго государя. Этотъ Каструччьо Ка-
стракани найденышъ, за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ, сдѣлался
правителемъ Лукки и Пизы и достигъ такого могущества,
что могъ внушать нѣкоторыя опасенія Флоренціи. Онъ со-
вершилъ «много дѣлъ, которыя, по своей благотворности,
«могутъ служить прекрасными образцами», и «оставилъ
«по себѣ такую добрую память, что друзья его сожалѣли
«объ немъ болѣе чѣмъ о какомъ бы то ни было государѣ
«и въ какое бы то ни было время.» Вотъ одинъ изъ
«прекрасныхъ поступковъ этого героя столь любимаго и
достойнаго такой хвалы.

Когда фамилія Поджіо возмутилась противу него въ
Луккѣ, Стефано Поджіо, «человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и
миролюбивый,» остановилъ мятежниковъ и обѣщалъ имъ
свое заступничество. «Складываютъ они тогда оружіе
«стольже неосторожно, какъ и подняли:» Каструччьо
возвращается. «Стефано, полагая что Каструччьо возъи-

«мѣетъ къ нему нѣкоторое уваженіе, отправился къ нему
«и, полагая ненужнымъ просить его о себѣ лично, сталъ
«ходатайствовать о другихъ членахъ своего дома, умо-
«ляя его быть снисходительнымъ къ молодости, уважать
«старую службу и то почетное значеніе, какое онъ, Ка-
«струччьо, всегда имѣлъ въ его семействѣ. На это мило-
«стиво отвѣтилъ Каструччьо и обнадѣжилъ старика во
«всѣхъ отношеніяхъ, говоря, что въ немъ сильнѣе радость
«по поводу того, что бунтъ пріостановленъ, чѣмъ месть
«за то, что его затѣяли. Онъ ободрилъ Стефано и про-
«силъ привести къ нему всѣхъ виновныхъ, прибавивъ,
«что онъ благодаритъ Бога за ниспосланіе ему случая
«выказать свою милость и великодушіе. Довѣрившись
«слову Стефано и Каструччьо, они явились и были всѣ
«до единаго, вмѣстѣ съ Стефано, посажены въ тюрьму
и казнены.»

Другой герой Маккіавели—цезарь Борджія, этотъ
величайшій разбойникъ и самый ловкій плутъ своего вре-
мени, человѣкъ совершенный въ своемъ родѣ, всегда
смотрѣвшій на миръ какъ гуроны и ирокезцы смотрѣли
на войну, т. е. какъ на состояніе, въ которомъ при-
творство, обманъ, измѣна, злоумышленіе составляютъ пра-
во, долгъ и подвигъ. Онъ пускалъ ихъ въ ходъ относи-
тельно всѣхъ на свѣтѣ, даже относительнс своего се-
мейства и своихъ приверженцевъ. Однажды, желая по-
давить толки, ходившіе объ его жестокости, онъ велѣлъ
схватить своего губернатора въ Романьи, Ремиро д' Орко,
оказавшаго ему грамадныя услуги, такъ что Борджія
обязанъ былъ ему за усмиреніе всей страны. На другой
день, граждане съ радостью и ужасомъ увидѣли на пуб-
личной площади Ремиро д' Орко разрубленнымъ на
двѣ половины съ окровавленнымъ ножемъ близь него.
Герцогъ велѣлъ сказать, что онъ наказалъ его за слиш-
комъ большую строгость, и пріобрѣлъ репутацію доб-
раго государя, покровителя и защитника народа. Мак-
кіавели разсуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ обра-
зомъ:

«Каждому извѣстно, до какой степени похвально для «государя сдержать данное слово и жить правдою, а не «коварствомъ. Тѣмъ не менѣе опытъ нашего времени ука«зываетъ намъ, что тѣ изъ государей ознаменовали себя «великими дѣлами, которые немного значенія придавали «своему слову и умѣли, при посредствѣ коварства, во«рочать умами людей, а въ концѣ концовъ истребили «тѣхъ, которые основывались на ихъ совѣсти..... Бла«горазумный властитель не можетъ и не долженъ ис«полнять своего слова, когда это ему вредитъ и когда «мотивы, вынудившіе у него обѣщаніе, болѣе не суще«ствуютъ. Къ тому же у государя никогда не можетъ «быть недостатка въ законныхъ причинахъ, чтобы при«красить свое вѣроломство. Но необходимо спрашивать «получше и быть большимъ хитрецомъ и притворщи«комъ.....А люди такъ просты и такъ сильно подчиня«ются текущей необходимости, что обманщикъ всегда «еще можетъ отъискать кого-нибудь, кто позволитъ «себя надуть.»

Ясно, что подобные нравы и подобныя убѣжденія имѣютъ большое вліяніе на образованіе характеровъ. Прежде всего—абсолютное отсутствіе правосудія и полиціи, своевольство грабежей и разбоевъ, необходимость мстить безъ милосердія и быть страшнымъ, чтобы существовать, неустанно напряженное состояніе души; человѣкъ привыкаетъ къ крайне и внезапной рѣшимости; высоко ставится умѣнье убивать и заставлять убивать вдругъ.

Кромѣ того, живя подъ страхомъ постоянной и ужасной опасности, человѣкъ преисполненъ тревогъ и самыхъ трагическихъ страстей; онъ не забавляется тонкимъ распознаваніемъ всѣхъ оттѣнковъ въ своихъ чувствахъ; онъ не можетъ быть покойнымъ критикомъ. Волненія, наполняющія его, и велики, и просты. Дѣло идетъ не о какой-нибуль мелочи изъ общихъ его соображеній и не о части его состоянія; тутъ вся жизнь его и

его родныхъ. Съ самой высоты онъ можетъ пасть какъ хотите низко и, подобно Ремиро, Поджіо, Гравина, Оливеретто, пробудиться подъ ножемъ или кинжаломъ убійцы. Жизнь бурлива и воля слишкомъ напряженна. Душа должна быть сильнѣе, чтобы вынести самую разнообразную и неустанную дѣятельность.

Мнѣ хотѣлось-бы собрать всѣ эти черты и представить вамъ не отвлеченную идею, но живую личность. Есть одинъ человѣкъ, оставившій намъ мемуары, написанные собственной его рукой, самымъ простымъ языкомъ и тѣмъ болѣе пригодные для насъ въ данномъ случаѣ, что они лучше всякой другой книги покажутся вамъ, какъ чувствовали, думали, жили его современники. Бенвенуто Челлини можно считать самымъ рельефнымъ собраніемъ яростныхъ страстей, случайностей жизни, самопроизвольнаго и могущественнаго духа, богатыхъ и опасныхъ способностей, которыя произвели въ Италіи Возрожденіе и, потряся общество, породили искусства.

Первое, что поражаетъ въ немъ, это—сила внутренней упругости, энергическій, мужественный характеръ, могучій починъ, привычка къ внезапной и самой крутой рѣшимости, великая способность дѣйствовать и страдать, короче—неукротимая сила цѣльнаго темперамента. Таково было чудное животное начало, все подчиняющее себѣ и всему противящееся, которое вскормили суровые нравы среднихъ вѣковъ и которое было смягчено у насъ водвореніемъ спокойствія и установленіемъ полиціи. Ему было шестьнадцать лѣтъ, а брату его Джіованни—четырнадцать. Однажды Джіованни, будучи оскорбленъ другимъ молодымъ чевовѣкомъ, вызвалъ его на дуэль. Они отправились къ городскимъ воротамъ и начали драться на шпагахъ. Джіованни обезружилъ своего противника и ранилъ; въ это время являются родные раненаго и осыпаютъ побѣдителя ударами шпагъ и камней до того, что бѣдное израненное дитя падаетъ на землю. Подходитъ Челлини, поднимаетъ шпагу и нападаетъ на про-

тивниковъ, уклонясь, по мѣрѣ возможности, отъ каменьевъ и не покидая брата ни на шагъ; смерть близка уже была отъ него, какъ нѣсколько проходившихъ солдатъ, прійдя въ восхищеніе отъ его храбрости, вмѣшались въ дѣло и помогли ему освободиться. Тогда онъ взялъ брата на плечи и перенесъ его въ родительскій домъ.—Вы найдете о немъ сотни разсказовъ, обнаруживающихъ подобную-же энергію. Если онъ двадцать разъ не былъ убитъ, такъ это чудо; въ рукахъ у него всегда шпага, винтовка или кинжалъ, на улицахъ, по дорогамъ, противу личныхъ враговъ, бѣглыхъ солдатъ, разбойниковъ, соперниковъ разнаго рода; онъ обороняется, а чаще всего нападаетъ. Самое изумительное изъ его похожденій—это бѣгство изъ замка Св. Ангела; его заперли туда послѣ какого-то убійства. Онъ спустился съ этой громадной вышины при помощи веревокъ, которыя сдѣлалъ изъ простынь, всрѣтилъ караульный обходъ, который устрашился его ужасной рѣшимости и притворился не замѣтившимъ бѣглеца; при посредствѣ какой-то перекладины перелѣзъ черезъ вторую ограду, привязалъ послѣднюю веревку и началъ было спускаться, но веревка оказалась слишкомъ короткою,—онъ упалъ и переломилъ ногу пониже колѣна; тогда онъ перевязываетъ себѣ ногу и, истекая кровью, ползетъ по направленію къ городскимъ воротамъ,—ворота заперты; прорывъ себѣ землю кинжаломъ, онъ проползаетъ подъ ними; нападаютъ на него собаки—и онъ распарываетъ брюхо одной и, повстрѣчавъ наконецъ носильщика, приказываетъ нести себя къ одному посланнику, бывшему его пріятелемъ. Заручившись словомъ папы, онъ считаетъ себя уже внѣ опасности; вдругъ его хватаютъ и сажаютъ въ гнилое подземелье, куда дневной свѣтъ заходитъ лишь на два часа въ теченіе дня. Является палачъ и тронутый жалостью, щадитъ его на этотъ разъ. Затѣмъ наказаніе ему ограничили одной тюрьмой; вода просачивается по стѣнамъ, солома гніетъ, раскровавленныя раны еще болѣе разростаютъ. Такимъ образомъ, проводитъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ; сила его выдерживаетъ все. Тѣло и душа, сформи-

рованныя подобнымъ образомъ, кажутся сдѣланными изъ мрамора и гранита, тогда какъ наши—изъ мѣлу и гипса.

Но богатство природы въ немъ такъ-же велико, какъ и крѣпость сложенія. Ничего не можетъ быть подвижнѣе и богаче этихъ новыхъ, свѣжихъ душъ. Образецъ для себя онъ находилъ въ своемъ семействѣ. Отецъ его былъ архитекторъ, хорошій рисовальщикъ, страстный музыкантъ, играющій на віолѣ и поющій одинъ для своего удовольствія; онъ дѣлалъ превосходные деревянные органы, клавикорды, віолы, лютни, арфы; хорошо вырѣзывалъ изъ кости, былъ весьма искусенъ въ постройкѣ машинъ, игралъ на флейтѣ съ придворными флейтщиками, зналъ немного по-латыни и писалъ стихи. Люди того времени были годны на всѣ руки. Не говоря про Леонардо да-Винчи, Пикъ-де-Мирандоля, Лаврентія Медичи, Лео Батиста Альберти и высшихъ геніальныхъ людей, даже такія личности, какъ дѣловые люди и негоціанты, монахи, ремесленники, по своимъ вкусамъ и привычкамъ, возвышались въ то время надъ уровнемъ занятій и развлеченій, которыя теперь кажутся исключительнымъ достояніемъ самыхъ образованныхъ людей и самыхъ утонченныхъ натуръ. Челлини былъ изъ числа ихъ. Онъ сдѣлался превосходнымъ игрокомъ на флейтѣ и рожкѣ противъ воли, чувствуя отвращеніе отъ этихъ инструментовъ и занимаясь ими лишь въ угодность отцу. Сверхъ того, очень рано онъ сдѣлался прекраснымъ рисовальщикомъ, ювелиромъ, оправщикомъ металловъ подъ чернью и эмалью, ваятелемъ и литейщикомъ. Въ то же время, вы находите его инженеромъ и оружейникомъ, строителемъ машинъ, укрѣпленій, вѣчно хлопочущимъ, сооружающимъ и отдѣлывающимъ все, что хотите, не хуже мастеровъ—спеціалистовъ. При осадѣ Рима коннетаблемъ Бурбономъ, своими бомбами онъ производитъ страшныя опустошенія въ непріятельской арміи. Чудный стрѣлокъ изъ мушкета, онъ своею рукою убилъ коннетабля; оружіе и порохъ онъ самъ дѣлалъ и попадалъ пулею въ птицу въ двухстахъ шагахъ. Умъ его былъ такъ изобрѣтателенъ, что

въ каждомъ искусствѣ и въ каждомъ промыслѣ онъ открывалъ какіе-нибудь особенные пріемы, которые содержалъ въ тайнѣ и которые вызывали «восхищеніе цѣлаго свѣта». Это вѣкъ великаго изобрѣтенія; все здѣсь самобытно, рутины и слѣда нѣтъ, а умы до того плодотворны, что не могутъ прикоснуться къ какому нибудь предмету, не передавъ и ему своей плодотворности.

Когда природа столь сильна, одарена такимъ богатствомъ, такъ производительна, когда способности имѣютъ такое широкое и правильное примѣненіе, когда дѣятельность отличается такимъ постоянствомъ и величіемъ, въ то время обычнымъ душевнымъ тономъ является избытокъ радости, могучій восторгъ и веселье. Мы видимъ, напр., Челлини, какъ онъ, послѣ трагическихъ и ужасныхъ приключеній, отправляется въ путь; въ теченіе всей дороги, какъ онъ говоритъ, «я не переставалъ пѣть и смѣяться». Такое быстрое душевное обновленіе составляетъ не рѣдкость въ Италіи, особенно въ томъ возрастѣ, когда душа сохраняетъ еще всю наивную простоту дѣтства. «Моя сестра Липерата, говоритъ онъ, «поплакавъ немного со мной, отцомъ, сестрою и му- «жемъ надъ потерею маленькаго ребенка, позаботилась «о приготовленіи ужина. Въ теченіе всего вечера о смер- «ти уже болѣе не было рѣчи, а о множествѣ веселыхъ «и потѣшныхъ вещей, поэтому и ужинъ у насъ былъ очень «пріятный». Кулачная перепалка, разбитіе лавокъ, опасность быть убитымъ или отравленнымъ тѣми, среди которыхъ онъ живетъ въ Римѣ, ежеминутно перемѣшиваются съ ужинами, маскарадами, смѣхотворными затѣями, любовными похожденіями, до того открытыми, до того грубыми, настолько изъятыми отъ всякой деликатности и таинственности, что они напоминаютъ великую наготу венеціанцевъ и флорентинцевъ на современныхъ картинахъ. Вы прочтете ихъ въ его книгѣ; это слишкомъ нагія вещи, чтобы можно было открыто говорить о нихъ; но онѣ только нагія; ихъ не портитъ плоская или непристойная шутка; человѣкъ поддается смѣху и легкому

веселью, какъ вода течетъ по скату; здоровье души и нетронутыхъ, юныхъ чувствъ, избытокъ животнаго пыла блестятъ въ его страсти, равно какъ и въ его произведеніяхъ и во всей дѣятельности.

Такая нравственная и физическая структура, разумѣется, приводитъ къ такому живому воображенію, которое я вамъ только что описалъ. Человѣкъ, образовавшійся такимъ образомъ, не замѣчаетъ предметы по частямъ и при посредствѣ словъ, какъ мы дѣлаемъ, но —оптомъ и при помощи образовъ. Мысли его не раздроблены на составныя части, не классифицированы, не опредѣлены отвлеченными формулами, какъ наши; онѣ вырываются у него цѣлыми, раскрашенными и живыми. Мы разсуждаемъ, а онъ *видитъ*. Поэтому ему часто случается быть ясновидящимъ. Эти головы, столь полныя, населенныя живописными образами, находятся вѣчно въ какомъ-то возбужденномъ, дурномъ настроеніи. У Бенвенуто встрѣчаются дѣтскія вѣрованія,—онъ суевѣренъ, какъ простолюдинъ. Нѣкто Піэрино, презиравшій его и семейство его, въ порывѣ гнѣва воскикнулъ: «Если слова мои несправедливы, пусть домъ мой обрушится на меня!» Черезъ нѣсколько времени, домъ его, въ самомъ дѣлѣ, развалился и онъ сломалъ себѣ при этомъ ногу. Бенвенуто не замедлилъ признать это происшествіе за дѣйствіе Провидѣнія, желавшаго наказать Піэрино за ложь. Онъ разсказываетъ весьма серьозно, что, будучи въ Римѣ, онъ познакомился съ однимъ магикомъ, который, заведя его ночью въ Колизей, бросилъ какой-то порошокъ на уголья и произнесъ заклинанія; тотчасъ-же вся зала наполнилась чертями. Очевидно, въ этотъ день у него была галлюцинація. Въ тюрмѣ голова его кипитъ; если онъ выдерживаетъ страданія отъ ранъ и испорченный воздухъ, то благодаря его религіозному увлеченію. У него происходятъ долгія бесѣды съ его ангеломъ-хранителемъ; онъ пожелалъ увидѣть солнце во снѣ или наяву, и вотъ однажды онъ чувствуетъ невидимую силу, переносящую его напротивъ чудеснаго солнца, откуда вы-

ходитъ Іисусъ Христосъ и потомъ Пресвятая Дѣва; они показываютъ ему знакомъ помилованіе и видитъ онъ отверзтое небо съ сонмомъ ангеловъ. Такія видѣнія были часты въ то время въ Италіи. Послѣ разгульной жизни, часто въ моменты самаго крайняго разврата, съ человѣкомъ мгновенно дѣлается переворотъ. Герцогъ Феррарскій, заболѣвъ весьма опасной болѣзнью, «прибѣгнулъ къ Бо«гу и пожелалъ, чтобы немедленно-же исполнили всѣ срочные платежи». Геркулъ д'Эсте, по окончаніи оргіи, отправлялся пѣть обѣдню съ хоромъ французскихъ музыкантовъ; передъ продажею своихъ плѣнниковъ, онъ приказывалъ вырывать глаза или отрубливать руку двумъ стамъ восьмидесяти человѣкамъ, а въ Великій четвертокъ отправлялся мыть ноги бѣднымъ. Равнымъ образомъ, папа Александръ, узнавши про злодѣянія своего сына, ударялъ себя въ грудь и исповѣдывалъ свои грѣхи передъ собраніемъ кардиналовъ. Воображеніе, вмѣсто того, чтобы работать въ пользу удовольствія, работаетъ въ пользу страха, и, въ силу подобнаго-же механизма, ихъ умъ поражается религіозными образами столь-же живо, какъ и чувственными, которые овладѣвали имъ.

Изъ этого пыла и лихорадочной дѣятельности ума, изъ этого внутренняго потрясенія, которымъ поглощающіе и ослѣпляющіе образы приводятъ въ содроганіе всю душу и весь тѣлесный механизмъ,—изъ всего этого порождается особый родъ поступковъ, свойственный людямъ того времени. Это—уничтожающая, непреодолимая дѣятельность, прямо и быстро идущая ко всему, что есть болѣе крайняго, т. е. на битву, убійство и кровь. Въ жизни Бенвенуто есть сотни примѣровъ такихъ бурь и вспышенъ. Онъ поспорилъ въ двумя ювелирами—соперниками, которые начали его безславить.

«Но такъ какъ мнѣ неизвѣстно, какого цвѣта страхъ, «то я и не заботился объ ихъ угрозахъ... Между тѣмъ, «пока я говорилъ, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ, по имени Джерардо Гваскони, подученый, быть можетъ,

«ими, уловивъ минуту, когда близь насъ проходилъ оселъ, «навьюченный кирпичемъ, толкнулъ его на меня съ та«кою силой, что причинилъ мнѣ немалую боль. Я тот«часъ же обернулся, и, увидя его смѣхъ, ударилъ такъ «сильно кулакомъ въ високъ, что онъ безъ чувствъ по«валился какъ мертвый». Вотъ, закричалъ я его брать«ямъ, какъ поступаютъ съ подлыми мошенниками вашей «породы». Затѣмъ, такъ какъ они показали видъ, что «хотятъ броситься на меня, ибо ихъ было много, я воспы«лалъ гнѣвомъ, выхватилъ маленькій ножъ и сказалъ имъ: «если который нибудь изъ васъ ступитъ за порогъ лавки, «пусть другой бѣжитъ за священникомъ, ибо доктору «тутъ нечего уже будетъ дѣлать». Слова эти навели на «нихъ такой ужасъ, что никто изъ нихъ не осмѣлился «сдѣлать ни одного движенія на помощь двоюродному «брату».

Послѣ этого его потребовали въ трибуналъ Восьми, засѣданіе судей, въ рукахъ которыхъ сосредоточено было все правосудіе Флоренціи, и онъ приговоренъ былъ къ штрафу въ четыре мѣры муки.

«Придя въ негодованіе, дрожа отъ бѣшенства, я «сдѣлался аспидомъ, и принялъ самое отчаянное рѣше«ніе... Я обождалъ, пока всѣ Восемь отправятся на обѣдъ; «тогда, оставшись одинъ и видя, что сбиръ не присма«триваетъ за мной, я вышелъ изъ дворца и побѣжалъ «въ свою лавочку, гдѣ вооружился кинжаломъ. Потомъ «полетѣлъ къ дому моихъ противниковъ. Я засталъ ихъ «за столомъ. Молодой Джерардо, главный виновникъ «ссоры, тотчасъ же бросился на меня. Я нанесъ ему «въ грудь ударъ кинжаломъ, который прошелъ сквозь «его плащъ, куртку и рубаху, не оцарапавъ даже кожи «и не причинивъ ему никакого зла. По легкости, съ ка«кою проникло мое оружіе, и по треску платья, разор«ваннаго желѣзомъ, я полагалъ, что мнѣ удалось опасно «ранить моего врага, который со страха упалъ на зем«лю. Подлецы, вскричалъ я, сегодня я всѣхъ васъ пе-

«ребью! «Отецъ, мать, сестры, полагая, что для нихъ «прозвучалъ часъ послѣдняго суда, бросились на колѣни, «испуская страшные вопли и умоляя помиловать ихъ. «Видя, что они не смѣютъ защищаться, а Джерардо ва«ляется на полу какъ трупъ, я счелъ позорнымъ ихъ «тронуть, но, будучи не въ силахъ совладать со своимъ «гнѣвомъ, бросился внизъ по лѣстницѣ. На улицѣ я на«шелъ остальную часть семейства, состоявшую, по край«ней мѣрѣ, изъ двѣнадцати человѣкъ. У одного была «желѣзная лопата, у другаго—большая труба изъ того«же металла, у тѣхъ—молотки или клещи, у другихъ—«палки. Подобно разъяренному быку, бросился я въ сре«дину ихъ и съ одного удара свалилъ четыре или пять «человѣкъ; раздѣлавшись съ каждымъ изъ нихъ, я про«должалъ играть кинжаломъ направо и налѣво».

Всегда у него движеніе и удары моментально слѣдуютъ за мыслью, какъ выстрѣлъ вслѣдъ за искрой. Слишкомъ сильное смягченіе уничтожаетъ разсудокъ, боязнь, чувство справедливости, всякое участіе расчета и соображенія, которыя въ головѣ образованнаго человѣка или человѣка съ флегматическимъ темпераментомъ, полагаютъ интервалъ и какъ-бы легкую преграду между первымъ порывомъ гнѣва и окончательнымъ рѣшеніемъ. Въ какой-то гостинницѣ, подозрительный (и имѣвшій, конечно, на то свои основанія) хозяинъ потребовалъ денегъ прежде, чѣмъ доставить ему все нужное: «Я не могъ «сомкнуть глазъ ни на одно мгновеніе, говоритъ онъ, «всю ночь провелъ я, пріискивая средство отмстить. «Сперва я думалъ было поджечь домъ, потомъ—передушить «лучшихъ лошадей, какія стояли на конюшняхъ хозяина. «Все это мнѣ казалось удобоисполнимымъ, но я боялся, «что мнѣ потомъ съ товарищемъ не легко будетъ спас«тись». Ему показалось достаточнымъ порубить и изрѣзать ножемъ четыре постели.—Другой разъ, въ то время, когда онъ во Флоренціи занимался отливкою своего *Персея*, съ нимъ случилась лихорадка; чрезмѣрный жаръ и безсонныя ночи, проведенныя имъ въ наблюденіи за

плавкою металла, до того изнурили его, что домашніе отчаявались за его жизнь. Слуга прибѣгаетъ и кричитъ, что плавка вышла неудачно. «Я испустилъ до того ужас«ный крикъ, что его вѣрно слышно было на седьмомъ «небѣ. Соскочилъ я съ кровати, схватилъ платье и на«чалъ одѣваться, руками и ногами раздавая цѣлый потокъ «ударовъ моимъ служанкамъ, мальчикамъ и всѣмъ тѣмъ, «кто появлялся мнѣ на глаза». Однажды онъ заболѣлъ и докторъ запретилъ давать ему пить; служанка изъ жалости поднесла ему воды. «Мнѣ разсказывали позднѣе, «что узнавъ объ этомъ, мой бѣдный Феличе едва не упалъ «навзничь. Онъ взялъ потомъ палку и принялся усердно «колотить ею служанку, крича: «А! подлая, ты его убила!» Слуги были такъ-же скоры на удары, какъ и господа, и не только на палочные, но и на расправу шпагой. Когда Бенвенуто былъ въ тюрьмѣ въ замкѣ Св. Ангела, ученикъ его Асканіо повстрѣчался съ какимъ-то Михаиломъ, который посмѣялся надъ нимъ и сказалъ, что Бенвенуто, безъ сомнѣнія, умеръ. «Онъ живъ, возразилъ ему «Асканіо, но ты умрешь!» и тотчасъ-же «онъ влѣпилъ «ему два удара саблей по головѣ. Первый положилъ его «на землю, а послѣдній ползая отрѣзалъ у своего побѣди«теля три пальца на правой рукѣ». Подобныхъ приключеній безконечное множество. Бенвенуто ранитъ или убиваетъ своего ученика Луиджи, любовницу Пенстесилею, своего врага Помпейо, трактирщиковъ, вельможъ, разбойниковъ, во Франціи, въ Италіи, повсюду. Возьмемъ одно изъ этихъ происшествій, и тщательно разсмотримъ—малѣйшія подробности разсказа, характеризующія чувства того времени.

Разносится слухъ, что Бертино Альдобранди, ученикъ брата Бенвенуто, убитъ.

«Бѣдный братъ мой испустилъ тогда до того страш«ный крикъ бѣшенства, что онъ вѣрно былъ слышенъ за «десять миль оттуда. Затѣмъ онъ говоритъ Джіовани: «по крайней мѣрѣ, не можешь ли ты мнѣ указать того

«человѣка, который убилъ его? Джіовани отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что онъ носитъ мечъ и на шляпѣ имѣетъ голубое перо. Бѣдный братъ мой отправился въ путь и, отыскавъ по этимъ признакамъ убійцу, бросается на него, окруженнаго стражей, съ свойственной ему быстротой и чудесной неустрашимостью; прежде чѣмъ его могли остановить, онъ нанесъ этому человѣку сильный ударъ шпагою въ животъ, прокололъ его навылетъ и толкнулъ на землю, оставивъ оружіе въ тѣлѣ своего врага. Онъ напалъ затѣмъ на стражу съ такою отвагой, что самъ одинъ обратилъ бы ихъ въ бѣгство, если-бы какой-то мушкатеръ, защищая себя, не выстрѣлилъ въ него и не задѣлъ пулею по выше праваго колѣна этого храбраго и несчастнаго молодаго человѣка. Онъ упалъ, а стража поспѣшно разбѣжалась, боясь, чтобы не явился какой-нибудь другой столь-же опасный «забіяка».

Бѣднаго молодаго человѣка приносятъ въ домъ Челлини: операція, сдѣланная ему, оказалась неудачною; хирурги въ то время были невѣжественны, и онъ умираетъ отъ раны. Тогда бѣшенство овладѣваетъ Челлини, кровь бросается ему въ голову.

«Единственнымъ утѣшеніемъ моимъ было *высматривать, какъ любовницу*, мушкатера, который убилъ моего брата... Замѣтивъ, что страсть часто видѣть его «отняла у меня сонъ и аппетитъ, да и не можетъ повести «къ добру, я рѣшился избавить себя отъ такого мученія, не обращая вниманія на то, похвально ли такое «предпріятіе».

«Я ловко подошелъ къ нему съ огромнымъ кинжаломъ, похожимъ на охотничій ножъ. Я разсчитывалъ съ «тылу прорубить ему голову, но онъ такъ быстро обернулся, что мое оружіе задѣло лишь его лѣвое плечо и «растрощило кость. Онъ поднялся, уронилъ свою шпагу «и, изнемогая отъ страданія, пустился бѣжать. Я бросился за нимъ въ догонку, въ четыре скачка настигъ «его и поднялъ кинжалъ надъ его головой, которую онъ «пагнулъ очень низко, такъ что оружіе мое прошло между шейной костью и затылкомъ до того глубоко, что, «при всѣхъ усиліяхъ, я не могъ вытащить его оттуда».

Послѣ этого на него пожаловались папѣ; но онъ позаботился изготовить нѣсколько прелестныхъ золотыхъ вещицъ передъ тѣмъ, какъ итти во дворецъ. «Когда я «явился передъ папою, онъ бросилъ на меня грозный «взглядъ, отъ котораго я задрожалъ; но какъ только «увидѣлъ онъ мое издѣлье, лицо его стало проясняться». Въ другой разъ, послѣ убійства еще менѣе извинительнаго, папа такъ отвѣчалъ друзьямъ убитаго, приходившимъ жаловаться на Челлини: «Знайте, что люди, единственные въ своемъ искусствѣ, какъ Челлини, не должны «быть подчинены законамъ, а онъ менѣе всякаго другаго, «ибо я знаю на сколько онъ правъ».

Это доказываетъ вамъ, до какой степени привычка къ убійству укоренилась тогда въ Италіи. Глава государства, служитель Бога, находитъ естественнымъ самоуправство и покрываетъ убійцу своимъ равнодушіемъ или индульгенціей, своимъ участіемъ или прощеніемъ.

Такое нравственое и умственное состояніе порождаетъ много послѣдствій для живописи. Прежде всего, люди того времени вынуждены интересоваться предметомъ, который уже намъ не извѣстенъ болѣе, потому что мы не видимъ его или не обращаемъ вниманія, какъ то тѣло, мускулы и различныя положенія, которыя принимаетъ человѣкъ при движеніи. Ибо въ то время человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, обязанъ быть воинственнымъ, хорошо владѣть шпагой и кинжаломъ для своей защиты; поэтому самъ не зная того, онъ запечатлѣваетъ въ своей памяти всѣ формы и всѣ положенія движущагося или сражающагося тѣла. Графъ Бальтазаръ де-Кастильоне, дѣлая описаніе благовоспитаннаго

общества, перечисляетъ упражненія, которыя хорошо должны быть извѣстны воспитанному человѣку. Вы увидите, что дворяне того времени получали воспитаніе, слѣдовательно, и кругъ понятій не только человѣка воинственнаго, но—тореадора, гимнастика, конюшаго и рыцаря.

«Я желаю, чтобы нашъ придворный былъ прево-«сходнымъ кавалеристомъ на всякомъ сѣдлѣ, и такъ какъ «особенное достоинство итальянцевъ состоитъ въ умѣніи «хорошо управлять лошадью на поводѣ, правильно ѣздить «въ особенности на черезчуръ рѣзвыхъ лошадяхъ, бро-«сать копьемъ и ломать копье, то онъ долженъ быть «однимъ изъ лучшихъ между итальянцами».

«Что до турнировъ, фехтованья, бѣговъ передъ барь-«еромъ, то пусть онъ будетъ лучшимъ изъ лучшихъ «французовъ... Что до игры палкою, боя быковъ, бро-«санья дротикомъ и копьемъ, то пусть онъ будетъ пре-«краснымъ между испанцами .. Приличествуетъ ему еще «умѣть прыгать и бѣгать. Доброе благородное упражне-«ніе есть игра въ мячъ, волтижированію на лошади я не «придаю особаго значенія»..

Это не простыя правила, принятыя въ разговорѣ или въ книгахъ—имъ строго слѣдуютъ въ жизни; нравы величайшихъ людей согласуются съ ними. Юліанъ Медичи, убитый Пацци, восхваляется его біографомъ не только за талантъ поэта и тактъ знатока, но и за ловкость въ управленіи лошадью, въ борьбѣ и бросаньи копья. Цезарь Борджія, этотъ величайшій разбойникъ и великій политикъ, имѣлъ и руки столь же могучія, какъ и разумъ и волю. Его портретъ показываетъ намъ щеголя, а его исторія—дипломата; но въ одной частной біографіи его изображаютъ однимъ изъ тѣхъ храбрецовъ, какихъ не мало было въ Испаніи, откуда онъ родомъ. «Ему двадцать семь лѣтъ, говоритъ одинъ современникъ, «онъ очень красивъ тѣломъ, и папа, его отецъ, очень «боится своего сына. Онъ убилъ шесть дикихъ быковъ, «сражаясь на лошади съ пикой, а одному изъ нихъ раз-«мозжилъ голову однимъ ударомъ».

Посмотрите на людей, подобнымъ образомъ воспитанныхъ, имѣющихъ навыкъ и склонность къ тѣлеснымъ упражненіямъ; всѣ они подготовлены къ воспроизведенію тѣла, т. е. къ живописи и скульптурѣ; изгибъ туловища, ноги, поднятая рука, ткань сухожилій, всѣ движенія и всѣ формы человѣческаго тѣла вызываютъ въ нихъ внутренніе, предварительные образы. Ихъ могутъ заинтересовать члены тѣла, и по инстинкту, сами не зная того, они являются, въ этомъ отношеніи знатоками.

Съ другой стороны, отсутствіе правосудія и полиціи, воинственная жизнь, постоянное присутствіе крайней опасности, наполняютъ душу энергіей, простыми и высокими чувствами. Итакъ, душа оказывается склонною постигнуть положенія и лица, энергію, простоту и величіе; ибо вкусъ имѣетъ источникомъ своимъ симпатію, а чтобы намъ нравился какой-нибудь выразительный предметъ, необходимо полное соотвѣтствіе между выраженіемъ его и нашимъ нравственнымъ состояніемъ.

Наконецъ и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, чувствительность у нихъ живѣе; ибо она оттѣснена во внутрь силою страшнаго преслѣдованія всѣхъ грозныхъ призраковъ, окружающихъ жизнь человѣческую. Чѣмъ болѣе человѣкъ настрадался, запуганъ или загнанъ трудомъ, тѣмъ охотнѣе онъ готовъ забыться. Чѣмъ болѣе душа его истерзана страшными потрясеніями или мрачными думами, тѣмъ больше испытываетъ онъ наслажденіе передъ гармонической и благородной красотой. Чѣмъ болѣе онъ напрягалъ свои силы или, скрывая, вынужденъ былъ обуздывать ихъ, тѣмъ болѣе онъ доволенъ, когда можетъ развернуться въ открытую или открыто защищать себя. Спокойная и цвѣтущая мадонна въ своемъ альковѣ, бодрое тѣло молодаго человѣка на пьедесталѣ съ большимъ удовольствіемъ останавливаютъ его глаза

на себѣ послѣ потрясающихъ занятій и темныхъ думъ. Легкая, свободная и частая бесѣда, всегда новая и разнообразная, не существуетъ тамъ, чтобы дать возможность ему излить въ ней накопившіяся чувства; въ молчаніи, охватывающемъ его, онъ ведетъ внутреннюю бесѣду съ цвѣтами и формами; обычная суровость его жизни, бездна опасностей и трудность дать волю открыться своему сердцу лишь дѣлаютъ живѣе и утонченнѣе впечатлѣнія, производимыя на него искусствомъ.

Постараемся собрать эти разнообразныя черты характера и разсмотримъ, съ одной стороны, человѣка нашего времени, богатаго и хорошо воспитаннаго, съ другой — знатнаго вельможу 1500 года, обоихъ возьмемъ изъ того класса, въ которомъ вы берете судей. Нашъ современникъ встаетъ въ восемь часовъ утра, натягиваетъ свой халатъ, выпиваетъ шоколадъ, отправляется въ библіотеку, гдѣ переворачиваетъ нѣсколько связокъ бумагъ, если это дѣловой человѣкъ, или перелистываетъ нѣсколько новыхъ книгъ, если это свѣтскій человѣкъ; послѣ чего, съ умомъ покойнымъ, невозмутимо пройдясь нѣсколько разъ по мягкому ковру и позавтракавъ въ хорошенькой комнатѣ, огрѣваемой тепловодными трубами, онъ отправляется погулять на бульваръ, покуриваетъ сигару, заходитъ въ читальню заглянуть въ газеты, поболтаетъ о литературѣ, о биржевыхъ дѣлахъ, о политикѣ или о желѣзныхъ дорогахъ. Возвращаясь къ себѣ, хотя бы то было въ часъ утра и пѣшкомъ, онъ знаетъ очень хорошо, что бульваръ охраняется полицейскими солдатами и что съ нимъ не случится ничего. У него душа покойна, и онъ засыпаетъ, подумывая, что завтра придется пережить такимъ-же образомъ день. Такова жизнь въ настоящее время. Что могъ видѣть этотъ человѣкъ по части тѣла? Ходилъ онъ въ купальню и разсматривалъ эту безобразную лужу, въ которой барахтаются разныя человѣческія уродства; быть можетъ, если онъ любопытенъ, случалось ему три или четыре раза въ жизни видѣть ярморочныхъ атлетовъ; все, что онъ могъ видѣть самаго голаго, это—оперныя плясуньи. По части сильныхъ страстей какого рода испытаніямъ подвергался онъ? быть можетъ, угрызеніямъ самолюбія или денежнымъ тревогамъ.—Не удалась какая-нибудь спекуляція на биржѣ, не получилъ мѣста, на которое разсчитывалъ, пріятели распустили по свѣту, что у него не достаетъ ума, жена мотаетъ деньги, или сынъ надѣлалъ глупостей. Но ему неизвѣстны великія страсти, которыя ставятъ на одну карту всю жизнь его или семейства, могутъ положить его голову на плаху, могутъ ввергнуть его въ тюрьму или повести къ мученіямъ и пыткѣ. Онъ слишкомъ покоенъ, слишкомъ обезпеченъ, слишкомъ раздробился на мелкія, тонкія и пріятныя ощущенія; за исключеніемъ столь рѣдкой случайности дуэли, сопровождаемой церемоніями и обмѣномъ вѣжливости, онъ ничего не знаетъ о внутреннемъ состояніи человѣка, который идетъ съ тѣмъ, чтобы убить или быть убитымъ. Разсмотрите, напротивъ, одного изъ тѣхъ вельможъ, о которыхъ я вамъ только что говорилъ: Оливеретто дель-Фермо, Альфонсъ д'Эсте, цезарь Борджія, Лаврентій Медичи, ихъ придворные и всѣ, стоящіе во главѣ дѣлъ,—всѣ они одиниковы. Для дворянина или кавалера временъ Возрожденія первою заботою было—стать утромъ, раздѣвшись до-нага, съ своимъ учителемъ фехтованья, имѣя кинжалъ въ одной рукѣ и шпагу въ другой; ихъ изображаютъ такимъ образомъ на эстампахъ. Чему посвятилъ онъ свою жизнь и въ чемъ заключается его главное удовольствіе? Это—кавалькады, маскарады, торжественныя вступленія въ городъ, миѳологическія празднества, турниры, пріемы государей, на которыхъ онъ присутствуетъ, сидя на лошади, великолѣпно одѣтый, выставляя на видъ свои кружева, бархатное полукафтанье, золотое шитье, гордясь красотою своей осанки и мощнымъ видомъ, которыми, какъ и другіе его товарищи, онъ поддерживаетъ достоинство своего государя. Выходя куда-нибудь въ теченіе дня, онъ большею частью имѣетъ у себя подъ плащемъ толстую кольчугу; нужно-же ему предохратить себя отъ кинжала и шпаги, которые могутъ встрѣтить его на углу какой-

нибудь улицы. Даже въ своемъ дворцѣ онъ не покоенъ; громадные каменные наугольники, окна, защищенныя толстой желѣзной рѣшоткой, воинственная прочность всей постройки, показываютъ, что и домъ, какъ панцырь, долженъ охранять своего господина отъ ударовъ. Подобный человѣкъ, покрѣпче запершись у себя и ставъ лицомъ къ лицу передъ изображеніемъ прекрасной куртизанки или дѣвы, геркулеса или какого-нибудь маститаго старца, величественно драпированаго или снабженнаго мощной мускулатурой, болѣе чѣмъ мы, люди современные, способенъ понять ихъ красоту и ихъ тѣлесное совершенство. Безъ предварительной ученой подготовки, силою безотчетной симпатіи, онъ почувствуетъ героическую наготу и ужасную мускулатуру Микель Анджело, здоровье, невозмутимость и спокойный взглядъ мадонны Рафаэля, смѣлую и естественную жизненность бронзы Донателло, окруженное, причудливо-увлекательное положеніе лица Винчи, чудную живописную страсть, величественное движеніе, силу и атлетическое веселье лицъ Джіорджіоне и Тиціана.

VI.

1) Выводъ изъ указанныхъ фактовъ.—Самобытное и повсемѣстное зарожденіе искусства живописи.—Живопись составляетъ лишь часть общаго украшенія.—Уличныя живыя картины.—*Торжество золотаго вѣка.*—Карнавальныя пѣсни. —*Торжество Вакха и Аріадны.*

2) Общія условія, необходимыя для возникновенія всѣхъ великихъ произведеній. — Личная своеобразность. — Симпатическая группировка. — Примѣры. — Пуритане — основатели Соединенныхъ Штатовъ.—Французская война въ эпоху революціи.

3) Мастерская художника временъ Возрожденія.—Художникъ, какъ ученикъ и помощникъ.—Товарищества мастеровъ. —Ужины *Шодрона.*—Маскарады въ товариществѣ Лопатки.—Муниципальный духъ.—Празднество во Флоренціи на вступленіе Льва X.—Празднества, заказы и соперничество кварталовъ и корпорацій.

4) Провѣрка указаннаго закона.—Соотвѣтствующія примѣненія среды и самого искусства.—Мистическая школа.—Натуралистическая школа и точное подражаніе.—Натуралистическая школа и изобрѣтеніе идеальной формы.—Венеціанская школа.—Школа Карраччи.—Древняя Греція.—Значеніе искусства въ чужихъ странахъ. — Указанная связь не случайна, но составляетъ неизбѣжное условіе.

Извѣстная наклонность умовъ къ живописи, т. е. умственное состояніе, занимающее средину между чистыми идеями и чистыми образами, энергическіе характеры и жестокіе нравы, способные познакомить и породить вкусъ къ красивымъ формамъ тѣла,—таковы обстоятельства, которыя, въ соединеніи съ врожденными инстинктами племени, породили въ Италіи великую и совершенную живопись человѣческаго тѣла. Намъ остается теперь лишь пойти на улицы или заглянуть въ мастерскія; мы увидимъ тамъ, какъ она зарождается сама собою. Она не составляетъ, какъ у насъ, созданія школы, занятія критиковъ или досуга любопытныхъ и страсти любителей; не составляетъ искусственнаго растенія, взлелѣяннаго цѣною дорогихъ затратъ, зачахнувшаго, не смотря на всевозможныя удобренія, чуждаго и съ трудомъ удерживающагося на почвѣ и въ воздухѣ, которымъ свойственно поддерживать у себя науки, литературу, промышленность, жандармовъ и черное платье. Она не болѣе какъ часть, совмѣщающаяся въ цѣломъ. Города, покрывающіе свои дома и храмы ея разрисованными лицами, ставятъ вокругъ нея сотни живыхъ картинъ болѣе преходящихъ, но и болѣе роскошныхъ; она только резюмируетъ ихъ. Люди въ то время были любителями живописи не на одинъ часъ, не въ теченіе одного какого-нибудь момента въ своей жизни, но—неустанно вплоть до гробовой доски и въ своихъ религіозныхъ процессіяхъ, и на своихъ народныхъ празднествахъ, общественныхъ выходахъ, въ дѣлахъ и забавахъ.

Посмотримъ на нихъ за работой; здѣсь насъ можетъ затруднить развѣ выборъ; сословія, общины, государи, священники всю свою славу и развлеченіе видятъ въ пышныхъ торжествахъ и живописныхъ кавалькадахъ. Я изберу одну изъ нихъ. Представьте себѣ общій видъ улицъ и площадей, которыя наполняются подобной роскошью нѣсколько разъ въ годъ.

«Лаврентій Медичи пожелалъ, чтобы товарищество «Брончона, главою котораго былъ онъ, превзошло въ «великолѣпіи товарищество Алмаза. Онъ прибѣгнулъ къ «содѣйствію Джакопо Нарди, благороднаго и ученаго «флорентинскаго дворянина, который устроилъ ему шесть «колесницъ.»

«Первая колесница, везомая двумя быками, которые «были покрыты зеленью, представляла вѣкъ Сатурна и «Януса. На верху колесницы находились Сатурнъ съ ко«сой и Янусъ, держащій въ рукахъ ключи отъ храма «Мира. У подножія этихъ боговъ, Понтормо нарисовалъ «Ярость, закованную въ цѣпяхъ, и нѣсколько аттрибу«товъ Сатурна. Колесница была окружена двѣнадцатью «пастухами, одѣтыми въ куньи и горностаевые мѣха, «обутыми въ античные полусапожки, украшенными гир«ляндами цвѣтовъ и съ корзинками въ рукахъ. Лошади, «на которыхъ сидѣли эти пастухи, вмѣсто сѣдла, были «покрыты кожами льва, тигра и рыси съ позлащенными «когтями; хвосты были убраны золотыми шнурками; стре«мена имѣли форму головы барана, собаки или другихъ «животныхъ; уздечки состояли изъ серебряныхъ тесе«мокъ, убранныхъ листьями. Вокругъ каждаго пастуха «шли четыре пастушки, менѣе богато нарядныя и дер«жащія въ рукахъ факелы, которые были похожи на «сосновыя вѣтви.»

«Четыре вола, покрытые роскошными тканями, вез«ли вторую колесницу. На ихъ позлащенныхъ рогахъ «развѣвались гирлянды цвѣтовъ и бусъ. На колесницѣ «возсѣдалъ Нума Помпилій, второй царь Рима, окружен«ный богослужебными книгами, всѣми священными укра«шеніями и орудіями, необходимыми для жертвоприноше«нія. Затѣмъ шествовали шесть священниковъ верхами на «великолѣпныхъ мулахъ. Покрывала, украшенныя листья«ми плюща, вышитыми золотомъ и серебромъ, наброше«ны были на ихъ головахъ. Ихъ платье античнаго по«кроя было обшито золотой бахромой. Одни изъ нихъ «держали въ рукахъ сосудъ, наполненный благовоніями; «другіе—золотую вазу или что нибудь иное въ этомъ же «родѣ. По бокамъ ихъ шли служителя, неся въ рукахъ «канделабры античной формы.»

«На третьей колесницѣ, везомой лошадьми необыкно-

«венной красоты и украшенной рисунками Понтормо, «находился Титъ Манлій Торкватъ, который былъ консуломъ послѣ войны съ Кареагенянами и мудрое правле- «ніе котораго поставило Римъ въ цвѣтущее состояніе. Ко- «лесницѣ этой предшествовали верхомъ на лошадяхъ, покрытыхъ золотой парчей, двѣнадцать сенаторовъ; а вокругъ «нея шла толпа ликторовъ, неся въ рукахъ связки прутьевъ, топоры и другіе знаки правосудія.»

«Четыре буйвола, переряженные слонами, везли «четвертую колесницу, на которой помѣщался Юлій Це- «зарь. Знаменитѣйшіе подвиги этого побѣдителя были изо- «бражены Понтормо на колесницѣ, за которою слѣдовало «двѣнадцать рыцарей, одѣтыхъ въ блестящее вооруже- «ніе, богато украшенное золотомъ. Каждый изъ нихъ «имѣлъ копье, опертое въ бедро. Оруженосцы несли за «ними факелы, выражавшіе побѣду.»

«На пятой колесницѣ, везомой крылатыми конями, «которые были похожи на грифовъ, возсѣдалъ цезарь Ав- «густъ. Двѣнадцать поэтовъ, украшенныхъ лаврами, вер- «хомъ сопутствовали императору, обязанному безсмерті- «емъ своимъ ихъ произведеніямъ. Каждый изъ этихъ поэ- «товъ имѣлъ шарфъ, на которомъ было написано его имя».

«На шестой колесницѣ, разрисованной Понтормо и «везомой восемью телицами въ богатой сбруѣ, возсѣдалъ «императоръ Траянъ. Ей предшествовали верхами двѣ- «надцать докторовъ или юрисконсультовъ, одѣтыхъ въ «длинныя тоги. Книжники, переписчики, книгохранители, «держали въ одной рукѣ факелъ, а въ другой—книги.

«Вслѣдъ за этими шестью колесницами, ѣхала еще «одна колесница или торжество золотаго вѣка, нарисо- «ванное Понтормо и украшенное Баччіо Бандинелли «многочисленными рельефными изображеніями, въ числѣ «которыхъ находилось четыре главныхъ добродѣтели. По- «среди колесницы помѣщался громадный золотой шаръ, «на которомъ былъ распростертъ мертвецъ, покрытый «заржавѣвшимъ желѣзнымъ вооруженіемъ. Изъ этого тру- «па выходилъ нагой младенецъ весь позолоченный, изо- «бражающій возрожденіе золотаго вѣка и конецъ желѣз-

«наго, которымъ міръ обязанъ ревностной преданности «Льва X дѣлу папства. Засохшая лавровая вѣтвь, листья «которой снова зазеленѣли, выражала туже мысль, хотя «многіе предполагали тутъ намекъ на Лаврентія Медичи, «герцога Урбино. Я долженъ сказать, что дитя, которое «позолотили здѣсь, вскорѣ умерло отъ глазной опера- «ціи, рѣшившись на нее, чтобы заработать десять экю.»

Смерть этого ребенка составляетъ комическое и, вмѣстѣ, мрачное интермеццо въ общемъ составѣ этого грандіознаго зрѣлища. Какъ ни сухо описаніе, оно обнаруживаетъ все-таки общую наклонность къ живописи, господствовавшую въ то время. Она не составляла достоянія однихъ дворянъ и богатыхъ; народъ тоже имѣлъ ее; Лаврентій давалъ эти празднества, чтобы удержать за собою власть. Были и иныя зрѣлища, называвшіяся Пѣніями или рыцарскимъ Торжествомъ. Лаврентій расширилъ и придалъ имъ разнообразіе; онъ самъ принималъ въ нихъ участіе, часто пѣвалъ тамъ свои стихи и красовался въ первыхъ рядахъ этой пышной церемоніи. Обратите, мм. гг., вниманіе, что Лаврентій Медичи, въ то время, былъ самымъ крупнымъ капиталистомъ, самымъ либеральнымъ покровителемъ искусствъ, первымъ промышленникомъ въ городѣ и, въ тоже время, первымъ представителемъ въ немъ власти. Въ одной своей особѣ онъ соединялъ качества, какія вы встрѣчаете теперь, напр., у герцога Люинь, у Ротшильда, у префекта Сены, у президентовъ академіи художествъ, академіи надписей, акедеміи нравственныхъ и политическихъ наукъ и французской академіи. И подобная-то личность не считала унизительнымъ для своего достоинства шествовать по улицамъ во главѣ маскарадовъ. Вкусъ времени высказался до того рѣшительно и живо въ этомъ отношеніи, что такое усердіе скорѣе дѣлало ему честь, чѣмъ казалось страннымъ. Къ концу дня, триста всадниковъ и триста пѣшихъ выходили изъ его дворца съ факелами въ рукахъ и до 3-хъ—4-хъ часовъ утра блуждали по улицамъ Флоренціи. Между ними бывали и хоры пѣвчихъ въ десять, двѣнадцать и пятнадцать голосовъ;

небольшія поэмы, распѣвавшіяся на этихъ маскарадахъ, напечатаны и составляютъ два объёмистыхъ тома. Я приведу изъ нихъ одну, подъ заглавіемъ *Вакхъ и Аріадна*, сочиненную имъ самимъ. Относительно чувства прекраснаго и морали, поэма эта можетъ быть названа совершенно языческою. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, мы видимъ цвѣтущее возрожденіе древняго паганизма съ его духомъ и его искусствами.

«Какъ прекрасна юность!—Но она скоро убѣгаетъ.
«Кто хочетъ быть счастливъ, пусть имъ будетъ тотчасъ-
«же.—Будущее полно сомнѣній.
«Вотъ Вакхъ и Аріадна,—прекрасные и влюблен-
«ные другъ въ друга.—Такъ какъ время бѣжитъ и обма-
«нываетъ насъ,—то они всегда счастливы вмѣстѣ.
«Тѣ и другія нимфы—счастливы, поджидая.—Кто
«хочетъ быть счастливъ, пусть будетъ.—Будущее полно
«сомнѣній.
«Эти рѣзвые, маленькіе сатиры—влюблены въ нимфъ,
«—наставили имъ пропасть ловушекъ въ пещерахъ и лѣ-
«сахъ;—воспламененные Вакхомъ, теперь—они пляшутъ
«и прыгаютъ, поджидая.—Кто хочетъ быть счастливъ,
«пусть будетъ.—Будущее полно сомнѣній.
«Женщины и юноши,—да здравствуетъ Вакхъ, да
«здравствуетъ любовь!—Играйте на инструментахъ, тан-
«цуйте и пойте;—пусть сердце воспламенится сладостью
«любви;—да исчезнетъ горе и страданія.—Кто хочетъ
«быть счастливъ, пусть будетъ тотчасъ-же.—Будущее
«полно сомнѣній.
«Какъ прекрасна юность!—Но она скоро убѣгаетъ.»

Кромѣ этого хора, тамъ было много и другихъ; одни пѣлись золотошвеями, другіе—нищими, молодыми женщинами, пустынниками, сапожниками, погонщиками муловъ, барышниками, торговцами масла, пряничниками. Различныя сословія города принимали участіе въ празд никѣ. Зрѣлище было-бы почти таково въ настоящее время, если бы въ теченіе многихъ дней сряду, опера, комическая опера, Шатле и Олимпійскій циркъ въ Парижѣ, давали свои представленія на улицахъ, съ тою лишь раз-

ницею, что во Флоренціи кортежъ составляли не фигуранты, бѣдняки, которымъ платили за то, чтобы они наряжались въ костюмъ, имъ не принадлежавшій; тамъ городъ самъ задавалъ себѣ праздникъ, самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и самъ распоряжался на этихъ представленіяхъ, счастливый тѣмъ, что можетъ насмотрѣться и налюбоваться на себя, подобно какой-нибудь красавицѣ-дѣвушкѣ, во всемъ великолѣпіи выставляющей на показъ свои прелести.

Ничего не можетъ быть дѣйствительнѣе, чтобы дать самый энергическій толчекъ способностямъ человѣческимъ, какъ подобная общность идей, чувствъ и вкусовъ. Замѣчено, что для произведенія великихъ твореній необходимы два условія: первое—живость чувства, самобытнаго и своеобразнаго, которое выражаютъ такъ, какъ испытываютъ, не стѣсняясь никакимъ контролемъ и не подчиняясь никакому направленію; второе кроется во внѣшней и безпрерывной поддержкѣ со стороны однородныхъ идей, которыя подготовляютъ, вскармливаютъ, доканчиваютъ, умножаютъ и ободряютъ тѣ смутныя идеи, какія человѣкъ носитъ въ себѣ. Истина эта примѣнима повсюду —въ религіозныхъ основахъ и въ предпріятіяхъ военныхъ, въ литературныхъ произведеніяхъ и въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Душа подобна тлѣющей головнѣ; чтобы загорѣться, ей нужно, прежде всего, внутри самой себя сохранить искру огня и затѣмъ встрѣтить вокругъ себя другія головни, которыя были бы охвачены пламенемъ. Взаимное соприкосновеніе ихъ другъ къ другу придастъ имъ болѣе силы и значительно увеличившійся жаръ ихъ разольется тогда пожаромъ во всѣ стороны. Взгляните на небольшія секты отважныхъ протестантовъ, которыя, покинувъ Англію, основали Соединенные Штаты Америки; онѣ состояли изъ людей, которые дерзали вѣрить, чувствовать глубоко, своеобразно и съ какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, каждый руководствуясь сильнымъ и своимъ собственнымъ убѣжденіемъ; соединившись вмѣстѣ, проникнутыя одинаковыми чувствами и поддерживаемыя энтузіазмомъ, онѣ въ силахъ были колонизоровать дикія страны и основать образованныя государства.

Тоже мы видимъ и въ войскахъ. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія, французская армія, столь плохо организованная, столь мало опытная въ искусствѣ веденія войны, подчиненная офицерамъ въ такой-же степени невѣжественнымъ, какъ и солдаты, увидѣла себя лицомъ къ лицу передъ стройными полками остальной Европы,—что поддержало ее въ то время, выдвинуло впередъ и наконецъ доставило побѣду, какъ не гордость и сила внутренней увѣренности, какою одушевленъ былъ каждый солдатъ ея, считавшій себя выше непріятеля, видѣвшій какое-то святое призваніе въ своемъ подвигѣ. То было слѣдствіемъ благороднаго товарищества, взаимной довѣренности, единства симпатій и надеждъ, въ силу которыхъ каждый, отъ перваго до послѣдняго, простой рядовой, офицеръ и генералъ, чувствовали себя преданными общему дѣлу. Каждый добровольно шелъ въ охотники, каждый понималъ положеніе, опасность, нужды, каждый былъ готовъ исправить ошибку, сдѣланную товарищемъ, —вся армія слилась во-едино и составила одну душу и одну волю, но волю крѣпкую, непреодолимую.

Тѣхъ же результатовъ слѣдуетъ ожидать не только въ сферѣ серьезныхъ интересовъ и дѣлъ, но и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается искусства и наслажденія. Умные люди обнаруживаютъ самую бóльшую умственную силу, когда дѣйствуютъ сообща. Чтобы получить художественное произведеніе, необходимы прежде всего художники, но необходимы тоже мастерскія. Въ то время, существовали мастерскія, а художники составляли изъ себя корпораціи. Все держалось другъ—друга, и въ большемъ обществѣ члены маленькихъ и свободныхъ кружковъ тѣсно и свободно сливались во-едино. Дружескія отношенія сближали ихъ между собою, а соперничество подстрекало и дѣлало эту связь еще болѣе сильною. Мастерская въ то время была просто лавкою, а не параднымъ салономъ, какъ теперь, убраннымъ съ цѣлью вызвать заказъ. Ученики были помощниками, раздѣлявшими и трудъ, и славу съ своимъ хозяиномъ, а не любителями, которые, уплативъ за урокъ, пользуются за-

тѣмъ полной свободой. Дитя въ школѣ обучалось читать, писать и кое-чему изъ орѳографіи; затѣмъ тотчасъ-же, въ 12-ть или 13-ть лѣтъ, оно поступало къ живописцу, ювелиру, архитектору или скульптору; обыкновенно мастеръ брался за все это разомъ, и молодой человѣкъ изучалъ, подъ его руководствомъ, не одну только отрасль искусствъ, а всѣ вмѣстѣ. Онъ работалъ за него, исполняя болѣе легкія вещи,—фонъ картинъ, мелкія украшенія, изображенія второстепенныхъ лицъ; онъ принималъ горячее участіе въ художественномъ произведеніи и интересовался имъ, какъ своимъ собственнымъ дѣломъ; онъ былъ сыномъ и слугою хозяина дома; его называли креатурой (il creato) мастера. Обѣдалъ онъ за его столомъ, исполнялъ его порученія, спалъ подъ нимъ на доскахъ, получалъ отъ него удары и пинки отъ его жены *).

«Я оставался, говоритъ Рафаэлло ди-Монтелупо, «съ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, т. е. въ теченіе «двухъ лѣтъ, у Микель Аньоло Бандинелли, и большую «часть времени проводилъ въ раздуваніи мѣха въ то вре«мя, когда хозяинъ работалъ; изрѣдка занимался рисо«ваніемъ. Однажды хозяинъ велѣлъ мнѣ переплавить, т. е. «снова бросить въ огонь нѣсколько золотыхъ пуговицъ, «которыя приготовлялись для Лаврентія Медичи, герцога «Урбино. Онъ разбивалъ ихъ на паковальнѣ, и пока онъ «возился съ одной, я раскалялъ другую. Занявшись раз«говоромъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и не замѣ«тивъ, что въ это время я принялъ холодную пуговицу, «а на ея мѣсто положилъ раскаленную, онъ взялся за «нее и обжегъ себѣ два пальца, которыми прикоснулся «къ ней; послѣ чего, крича и прыгая по всей лавкѣ, «онъ хотѣлъ поколотить меня;—ловко увертываясь отъ «него то туда, то сюда, я не допустилъ поймать себя. Но, «когда настала пора обѣдать и я проходилъ мимо дверей, «въ которыхъ стоялъ хозяинъ, онъ схватилъ меня за во«лоса и задалъ добрую трёпку».

Таковы нравы въ общинахъ слесарей или каменьщи-

*) Назовемъ, напр., хоть Лукрецію, жену Андреа дель Сарто.

ковъ, простыхъ, открытыхъ, веселыхъ и дружныхъ; ученики странствуютъ вмѣстѣ съ хозяиномъ и на ряду съ нимъ дерутся кулаками и шпагой по большимъ дорогамъ. Они защищаютъ его отъ нападенія и клеветы—вы знаете уже, какъ ученики Рафаэля и Челлини обнажили кинжалы и шпаги въ защиту чести дома.

Хозяева между собой обнаруживаютъ такое-же товарищество и такую-же искренность въ отношеніяхъ. Одна изъ ихъ ассоціацій во Флоренціи называлась товариществомъ Шодрона и состояла только изъ двѣнадцати членовъ; главными тамъ были: Андреа дель-Сарто, Джіанъ Франческо Рустичи, Аристотель де-Санъ-Галло, Доменико Пулиго, Франческо ди-Пеллегрино, граверъ Робетта и музыкантъ Доменико Бачелли. Каждый изъ нихъ имѣлъ право привести съ собою трехъ или четырехъ человѣкъ гостей. Каждый изъ нихъ приносилъ по кушанью своего изобрѣтенія, а не выполнившій этого условія платилъ пеню. Взгляните, какъ глубоко и съ какою силою эти оживленныя головы были преданы другъ другу и какимъ образомъ живопись находила мѣсто у нихъ даже за ужиномъ. Однажды Джіанъ Франческо избираетъ, вмѣсто стола, громадный чанъ и гостей помѣщаетъ внутри его; изъ центра чана поднималось дерево, на вѣтвяхъ котораго предлагалось каждому его блюдо, между тѣмъ какъ подъ чаномъ музыканты давали концертъ. Предложенное имъ блюдо былъ огромныхъ размѣровъ пирогъ, въ которомъ присутствующіе увидали «Улисса, приказывающаго сварить своего отца, чтобы возвратить ему молодость» *); оба лица изображаютъ жареные каплуны, убранные на подобіе людей и обставленные разнаго рода вкусными вещами. Андреа дель-Сарто приноситъ храмъ о восьми фасадахъ, поддерживаемыхъ колоннами; вмѣсто мостовой, служитъ большое блюдо студеню, раздѣленнаго на отдѣленія, изображающія мозаику; колоннами, которыя казались сдѣланными изъ порфира, были большія

*) Васари не слишкомъ точенъ въ миѳологіи, принимая Улисса за Эзона, отца Язонова.

и толстыя колбасы; базисы и капители были изъ пармезана, карнизы изъ сладкаго пирожнаго, а галереи изъ марципановъ. Посрединѣ находился налой изъ холодной говядины, съ развернутой на немъ книгою изъ вермишели, причемъ буквы и музыкальныя ноты выложены были на ней изъ зеренъ перца; вокругъ размѣщены были пѣвчіе—жареные дрозды съ раскрытыми носами; сзади ихъ два жирныхъ голубя изображали басовъ, а шесть маленькихъ овсянокъ—дискантовъ. Доменико Пулиго приноситъ поросенка, изображающаго крестьянку, занимающуюся шитьемъ и вмѣстѣ стерегущую циплятъ; Спилло доставляетъ большаго гуся въ образѣ слесаря.—Вы слышите раскаты хохота и фантастической, шутливой веселости.—Другое, товарищество Лопатки, къ ужинамъ присоединяетъ еще маскарады. Забавляясь, гости представляютъ то похищеніе Прозерпины Плутономъ, то любовь Венеры и Марса, то Мандрагору Маккіавели, Suppositi Аріосто, Каландру кардинала Бибіены. Въ другой разъ, такъ какъ эмблемою ихъ товарищества служитъ лопатка, то президентъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ членамъ явиться въ одеждѣ каменщика со всѣми необходимыми орудіями этого ремесла, и заставляетъ ихъ выстроить зданіе изъ говядины, хлѣба, пирожковъ и сахару. Избытокъ воображенія находитъ исходъ для себя въ такихъ живописныхъ проказахъ. Человѣкъ представляется здѣсь ребенкомъ, до того душа его еще молода; повсюду онъ вноситъ любимыя свои тѣлесныя формы; онъ превращается въ актера и мимика и забавляется своимъ искусствомъ, до того весь организмъ его переполненъ имъ.

Кромѣ такихъ довольно ограниченныхъ собраній, въ то время бывали и болѣе широкія ассоціаціи, соединявшія всѣхъ художниковъ въ одномъ общемъ усиліи. Вы только что видѣли въ ихъ ужинахъ веселье, откровенность, товарищество, простоту отношеній и шутливый смѣхъ составляющіе принадлежность рабочихъ; у нихъ проявлялся также и муниципальный патріотизмъ рабочихъ. Они говорятъ съ гордостью о своей «славной Флорентинской школѣ». По мнѣнію ихъ, нѣтъ другой школы, которая

могла бы научить живописи. «Сюда, говоритъ Васари, «стекаются люди совершенные во всѣхъ искусствахъ, въ «особенности же въ живописи, такъ какъ въ этомъ го«родѣ васъ подстрекаютъ съ трехъ сторонъ. Во первыхъ, «сильная и упорная критика, ибо самый воздухъ страны «содѣйствуетъ образованію свободныхъ отъ природы умовъ, «которые не могутъ удовлетвориться посредственностями «и которые чувствуютъ уваженіе ко всему доброму и «прекрасному скорѣе, чѣмъ къ имени автора.—Во вто«рыхъ, потребность трудиться, чтобы жить, т. е. тутъ «необходимо безпрестанно задавать работу воображенію «и разсудку, быть осторожнымъ и скромнымъ въ своихъ «потребностяхъ, короче—умѣть жить, ибо страна, не бу«дучи ни богатою, ни обильною, не можетъ, какъ въ «другихъ мѣстахъ, дешево прокормить человѣка. Въ треть«ихъ,—и это не менѣе важно, чѣмъ двѣ предъидущія при«чины—самый воздухъ страны поселяетъ въ людяхъ всѣхъ «возможныхъ занятій жажду славы и почестей до того «великую, что они приходятъ въ бѣшенство при мысли «стать наравнѣ, я ужь не говорю ниже, съ тѣми, ко«торыхъ они признаютъ мастерами, но считаютъ такими «же людьми, какъ и сами они; честолюбіе и соревнова«ніе тутъ такъ велики, что люди, отъ природы благора«зумные и добрые, становятся неблагодарными и зло«словными». Зашла-ли рѣчь о томъ, чтобы прославить чѣмъ нибудь свой городъ,—и всякій спѣшитъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ, а соревнованіе, подзадоривающее каждаго превзойти другихъ, доводитъ всѣхъ до совершенствованія. Когда папа Левъ X, въ 1515 году, пожелалъ посѣтить Флоренцію, свою родину, городъ пригласилъ всѣхъ художниковъ, чтобы принять его съ возможнымъ великолѣпіемъ. Въ городѣ воздвигнуто было двѣнадцать тріумфальныхъ арокъ, украшенныхъ статуями и живописью; въ промежуткахъ между ними стояли, какъ въ Римѣ, различные монументы, обелиски, колонны и группы статуй. «На Piazza dei Signori Антоніо де-Санъ-Галло по«строилъ храмъ съ восемью фасадами, а Баччіо Банди«нелли, на площади Лоджіа, поставилъ статую исполина.

«Между Бадія и дворцомъ Подеста, Граначчіо и Аристо«тель де-Санъ-Галло выстроили тріумфальную арку, а на «углу Бишери—Россо воздвигъ другую со множествомъ «различныхъ фигуръ, превосходно расположенныхъ. Но «болѣе всего вызвалъ удивленіе фасадъ Санта-Марія-дель«Фіоре, сдѣланный изъ дерева, на которомъ Андреа дель«Сарто нарисовалъ въ полу-свѣтѣ нѣсколько историческихъ «картинъ, лучше которыхъ и желать было невозможно. «Архитекторъ Джакопо Сансовино украсилъ этотъ фасадъ «многочисленными историческими барельефами и скульп«турной работой по плану покойнаго Лаврентія Медичи, «отца папы. Тотъ-же Джакопо поставилъ на площади «Санта-Марія Новелла лошадь такую, какъ въ Римѣ, ока«завшуюся необыкновенно красивой. Помѣщеніе для папы «въ улицѣ делла-Скала было тоже убрано безчисленнымъ «множествомъ орнаментовъ, а половина этой улицы была «наполнена превосходными историческими картинами, при«думанными по плану многихъ художниковъ, но нари«сованными, большею частью, Баччіо Бандинелли.»

Вы видите, какъ полонъ здѣсь снопъ талантовъ и на какую высоту подняла его дружная ассоціація. Городъ трудится, чтобы сдѣлать себя прекраснымъ; сегодня весь онъ занятъ какимъ нибудь карнаваломъ или пріѣздомъ принца; завтра и въ теченіе года онъ будетъ работать по кварталамъ, корпораціямъ, братствамъ или монастырямъ. Каждая небольшая группа находитъ одушевленіе въ своемъ рвеніи, каждая «болѣе богата сердцемъ, чѣмъ деньгами» *), отличается въ одно и тоже время суевѣріемъ и популярностью, всю славу свою поставляетъ въ томъ, чтобы поизящнѣе украсить свою капеллу или монастырь, свой портикъ или мѣсто собранія, свои костюмы и знамена турнировъ, свои колесницы и значки св. Іоанна. Никогда взаимное возбужденіе не достигало такой всеобщности и силы, никогда температура, порождающая живопись, не была столь благотворною, никогда мы не увидимъ такого

*) См. въ жизненности Андреа дель-Сарао, Васари, условія и положеніе заказовъ.

момента и такой среды. Стеченіе обстоятельствъ—единственны въ своемъ родѣ: племя, одаренное ритмическимъ и богатымъ воображеніемъ, достигаетъ въ своемъ развитіи степени новѣйшей культуры, сохранивъ феодальные нравы, примиряетъ энергическіе инстинкты съ утонченными идеями, мыслитъ чувственными образами и, силою самобытнаго, полнаго симпатіи, мощнаго порыва небольшихъ свободныхъ товариществъ, изъ которыхъ составилось это племя,—силою этого порыва достигаетъ самой высокой степени своего генія, изобрѣтаетъ идеальный образецъ, одно тѣлесное совершенство котораго можетъ выразить благородный паганизмъ, возрождаемый этимъ племенемъ на время. Отъ такого соединенія условій зависитъ всякое искусство, изображающее формы тѣла. Отъ этого соединенія условій зависитъ великая живопись. Является недостатокъ или искаженіе въ этихъ условіяхъ—обнаруживается недостатокъ или искаженіе и въ самой живописи. Она не могла возникнуть до тѣхъ поръ, пока они не были собраны вполнѣ; едва стали они исчезать, какъ и она исказилась. Шагъ за шагомъ слѣдила она за ихъ образованіемъ, пополненіемъ, разложеніемъ и разрушеніемъ. Она оставалась символической и мистической до конца XIV-го столѣтія, подъ вліяніемъ теологическихъ идей. Символическая и мистическая школа продержалась до половины XV-го столѣтія *), въ теченіе долгой борьбы католицизма съ язычествомъ. Въ срединѣ XV-го столѣтія, живопись нашла себѣ чуднаго истолкователя въ святой душѣ Беато Анджелико, предохранившаго себя отъ соблазновъ новаго паганизма въ тиши монастырскихъ стѣнъ. Съ первыхъ годовъ XV-го столѣтія, вслѣдъ за скульптурой, открытіемъ перспективы, изученіемъ анатоміи, совершенствованіемъ слѣпка, примѣненіемъ портретной живописи, употребленіемъ масляныхъ красокъ, и сама живопись заинтересовалась реальнымъ и крѣпкимъ тѣломъ; между тѣмъ, въ то же время, смягче-

*) Еще въ 1444 году, Парро Спинелли и Биччи занимались подобной живописью.

ніе воинственныхъ настроеній, установленіе покойной городской жизни, развитіе промышленности, возрастаніе богатства и благосостоянія, возрожденіе древней литературы и идей, обратили къ вопросамъ текущей жизни глаза, обращенные къ будущему, и вѣру въ неземное блаженство замѣнили исканіемъ человѣческаго счастія. Отъ точнаго подражанія живопись перешла къ прекрасному вымыслу, когда въ эпоху Леонардо да Винчи и Микель Анджело, Лаврентія Медичи и Франческо делла-Ровере, окончательная культура, расширивъ умственный кругозоръ и довершивъ развитіе мысли, произвела, на ряду съ классическимъ возрожденіемъ, народную литературу и, сверхъ огрубѣлаго эллинизма—полнѣйшій паганизмъ. Долѣе чѣмъ гдѣ либо, на цѣлое полустолѣтіе она продержалась въ Венеціи, этомъ оазисѣ, въ которомъ удержались варвары, независимомъ городѣ, въ которомъ терпимость поддерживалась на глазахъ папы, патріотизмъ—на глазахъ Испаніи и воинственные нравы—предъ лицомъ турковъ. Живопись смягчилась при Корреджіо и охладѣла при послѣдователяхъ Микель Анджело, когда накопившееся горе и увеличившіяся вторженія непріятелей надломили пружину человѣческой воли, когда свѣтская монархія, клерикальная инквизиція и академическій педантизмъ обузили и уменьшили источникъ народнаго вымысла, когда нравы получили скромную наружность, а умы приняли сантиментальный оборотъ, когда живописецъ, ремесленникъ по рожденію, превратился въ вѣжливаго кавалера, когда лавка и мастерскія уступили мѣсто «академіямъ», когда свободный и гордый художникъ, забавлявшійся и выкидывавшій свои шутки на ужинахъ Лопатки *), сдѣлался придворнымъ дипломатомъ, убѣжденнымъ въ своемъ значеніи, блюстителемъ этикета, за-

*) «Праздники, которые они давали такимъ образомъ, говоритъ Вазари, повторялись весьма часто; но теперь эти товарищества, такъ сказать, разстроились.»—См., для сравненія, жизнеописанія Гвидо, Карачи и Ланфранка. Людовикъ Карачи первый, вмѣсто Messer, велѣлъ называть себя Magnifico.

щитникомъ разнаго рода мелочныхъ правилъ, тщеславнымъ льстецомъ прелатовъ и вельможъ. Такое точное и безпрерывное соотвѣтствіе показываетъ вамъ, что одновременное появленіе великаго искусства и его среды не есть результатъ случайнаго совпаденія: напротивъ, огрубѣніе, развитіе, зрѣлость, порча и разложеніе среды влечетъ за собою неминуемо соотвѣтственныя измѣненія искусства, совершающіяся, независимо отъ случайностей, вызываемыхъ великимъ человѣческимъ смѣшеніемъ, и независимо отъ непредвидѣннаго вмѣшательства личной своеобразности. Среда приноситъ и уноситъ вслѣдъ за собою искусство, какъ болѣе или менѣе значительное охлажденіе осаждаетъ или уничтожаетъ росу, какъ болѣе или менѣе слабый свѣтъ поддерживаетъ или изсушаетъ зеленыя части растеній. Подобные нравы и, въ своемъ родѣ, еще болѣе совершенные произвели нѣкогда подобное же и еще болѣе совершенное искусство въ маленькихъ воинственныхъ городахъ и въ благородныхъ гимназіяхъ древней Греціи. Подобные-же нравы, но, въ своемъ родѣ, нѣсколько менѣе совершенные, устанавливаясь, производятъ въ Испаніи, Фландріи и даже во Франціи подобное же искусство, хотя съ тѣми измѣненіями и уклоненіями, какія мотивируются различными своеобразностями народовъ, среди которыхъ оно водворяется,—отсюда можно съ увѣренностью прійти къ заключенію, что появленіе на аренѣ человѣческой дѣятельности снова подобнаго же искусства возможно лишь въ томъ случаѣ, когда общее теченіе времени установитъ предварительно на ней подобную-же среду.

ИСКУССТВО ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

И. ТЭНА.

(Посвящается Густаву Флоберу).

ОТЪ АВТОРА.

Двѣ группы народовъ европейской цивилизаціи.—Итальянцы въ средѣ романскихъ народовъ.—Фламандцы и голландцы въ средѣ германскихъ народовъ.—Національный характеръ фламандскаго и голландскаго искусства.

Въ трехъ предъидущихъ курсахъ я излагалъ вамъ исторію живописи въ Италіи; въ этомъ году мнѣ предстоитъ познакомить васъ съ исторіею живописи въ Нидерландахъ. Двѣ группы народовъ были и остаются до сихъ поръ главными рабочими новѣйшей цивилизаціи: съ одной стороны, латинскіе или латинизированные народы, итальянцы, французы, испанцы и португальцы; съ другой—германскіе народы, бельгійцы, голландцы, нѣмцы, датчане, шведы, норвежцы, англичане, шотландцы и американцы. Въ группѣ латинскихъ народовъ итальянцы являются, безспорно, лучшими художниками; въ группѣ германскихъ народовъ такими, безспорно, должны быть названы фламандцы и голландцы,—такъ что, изучая исторію искусства у этихъ двухъ народовъ, мы изучаемъ исторію новѣйшаго искуства въ его самыхъ великихъ и самыхъ противоположныхъ представителяхъ.

Дѣло столь обширное и разнообразное, живопись, продержавшаяся около четырехсотъ лѣтъ, искусство, въ которомъ насчитывается столько великихъ произведеній, запечатлѣнныхъ однимъ общимъ и своеобразнымъ характеромъ,—такое дѣло не можетъ не быть народнымъ; оно тѣсно связано со всею жизнью народа, корень его беретъ начало въ самомъ характерѣ этого племени. Оно есть цвѣтъ, издалека и глубоко подготовленный постепенною обработкою силы, сообразно данному строенію и первичной природѣ растенія, которое ею обладало. Согласно нашему методу, мы сперва изучимъ ту внутреннюю и предварительную исторію, которая объяснитъ намъ внѣшнюю и окончательную. Я покажу вамъ, прежде всего, зерно, т. е. племя съ его основными, неизгладимыми качествами, обнаруживающимися при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ и во всякомъ климатѣ; затѣмъ—растеніе, т. е. самый народъ съ его первобытными, пріобрѣтенными или опредѣлившимися уже качествами, во всякомъ случаѣ, усвоенными имъ и измѣненными его исторіей и въ его средѣ; наконецъ—цвѣтъ т. е. искусство и именно живопись, вокругъ которой вращается все развитіе этого народа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Постоянныя причины.

I.

Племя. — Противоположность германскихъ племенъ латинскимъ.—Тѣло.—Животные инстинкты и способности.—Недостатки германскихъ племенъ.—Преимущества ихъ.—Наклонность къ труду и къ свободной ассоціаціи.—Потребность истины.

Люди, населяющіе Нидерланды, принадлежатъ, большею частью, къ тому племени, которое овладѣло Римской имперіей въ V-мъ вѣкѣ, и тогда же впервые, на ряду съ романскими народами, потребовало себѣ мѣста въ средѣ образованныхъ европейцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Галіи, Испаніи и Италіи, они доставили только предводителей и поддержку прежнему населенію. Въ другихъ странахъ, напр. въ Англіи и Нидерландахъ, они прогнали, истребили и совершенно замѣнили собою старыхъ обитателей, и ихъ чистая или почти чистая кровь течетъ и теперь въ жилахъ людей, которые занимаютъ, въ настоящее время, эту страну. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, Нидерланды назывались Нижне-Германіей. Бельгійскій и Голландскій языки—нарѣчія нѣмецкаго, и, за исключеніемъ Валлонской страны, гдѣ говорятъ испорченнымъ Французскимъ языкомъ, они составляютъ народный языкъ всего края.

Разсмотримъ черты, общія всему этому германскому племени, и качества, составляющія отличіе его отъ народовъ романскихъ. Въ физическомъ отношеніи, мы находимъ болѣе и болѣе нѣжное тѣло, глаза обыкновенно голубые, часто цвѣта фаянсовой лазури или свѣтлые, и чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ свѣтлѣе, а подчасъ, въ Голландіи, стекловатые; волосы блѣдно-льнянаго цвѣта, у маленькихъ дѣтей почти бѣлые;—еще древніе римляне удивлялись этому и говорили, что у германцевъ дѣти имѣютъ

волоса стариковъ. Цвѣтъ кожи у молодыхъ дѣвушекъ чудно-розовый, безконечно нѣжный, у юношей, а иногда даже и у пожилыхъ людей онъ оживленъ румянцемъ; впрочемъ, обыкновенно, въ рабочихъ классахъ и въ зрѣломъ возрастѣ, я встрѣчалъ блѣдноватый цвѣтъ лица съ оттѣнкомъ брюквеннымъ, а въ Голландіи схожій съ цвѣтомъ сыра и даже сыра испортившагося. Тѣло чаще всего большое, но уродливо сложенное, тяжелое и некрасивое. Равнымъ образомъ, черты лица прихотливо неправильны, особенно въ Голландіи, выпуклыя съ выдавшимися скулами и большими челюстями. Вообще чувствуется недостатокъ скульптурной тонкости и благородства. Вы рѣдко встрѣтите правильныя лица, какихъ много попадется вамъ на глаза въ Тулузѣ и Бордо, красивыя и гордыя головки, какими изобилуютъ окрестности Флоренціи и Рима; несравненно чаще найдете вы рѣзкія черты, несоразмѣрное соединеніе формъ и оттѣнковъ, странную обрюзглость, живыя каррикатуры. Невозможно принять ихъ за художественныя произведенія: противу этого свидѣтельствуютъ своей тяжелой и причудливой рукой живыя лица въ ихъ еще болѣе неправильныхъ и вялыхъ рисункахъ.

Если теперь посмотримъ на это тѣло въ движеніи, то найдемъ, что способности и животныя потребности ихъ грубѣе, чѣмъ у латинцевъ; матерія и массивность, казалось, преобладаютъ въ нихъ надъ духомъ и дѣятельностью; тѣло ихъ обжорливо до хищности. Сравните аппетитъ англичанина или голландца съ аппетитомъ француза или итальянца; пусть тѣ изъ васъ, которые бывали въ ихъ странѣ, вспомнятъ общіе столы и количество пищи, въ особенности, говядины, которое покойно и по нѣсколько разъ въ день проглатываетъ какой-нибудь обитатель Лондона, Роттердама или Анвера; въ англійскихъ романахъ постоянно завтракаютъ, и самыя чувствительныя героини, въ концѣ третьей книжки, уничтожаютъ безчисленное множество тартинокъ, намазанныхъ масломъ, чашекъ чаю, кусковъ говядины и буттербродовъ съ жаркимъ. Этому не мало содѣйствуетъ самый климатъ; подъ густымъ морскимъ туманомъ невозможно поддержать свои силы одной чашкой супа, или кускомъ хлѣба, натертаго лукомъ, или полутарелкой макароновъ, чѣмъ совершенно довольствуется какой-нибудь крестьянинъ латинской расы. Въ силу тѣхъ-же причинъ, германецъ любитъ крѣпкіе напитки. Это замѣтилъ еще Тацитъ, а Лудовико Гвиччіардини, очевидецъ-свидѣтель XVI столѣтія, на котораго мнѣ придется ссылаться еще не разъ, говоря о бельгійцахъ и голландцахъ, выражается такимъ образомъ: «Почти всѣ они склонны къ пьянству «и со страстью предаются этому пороку; они заливаютъ «себѣ глотку каждый вечеръ, а подчасъ и съ ранняго «утра». Въ настоящее время, въ Америкѣ и Европѣ, въ большей части германскихъ земель, неумѣренность составляетъ національный недостатокъ; половина самоубійствъ и душевныхъ болѣзней являются результатомъ его. Даже у людей благоразумныхъ и съ значительнымъ состояніемъ влеченіе къ напиткамъ весьма велико. Въ Германіи и Англіи не считается неприличнымъ даже для образованнаго человѣка выйти изъ-за стола навеселѣ; время отъ времени, позволительно напиться до самозабвенія; во Франціи, напротивъ, это признается возмутительнымъ, въ Италіи такое поведеніе считаютъ за стыдъ, а въ Испаніи, въ послѣднее столѣтіе, названіе пьяницы признается безчестіемъ, котораго не смоетъ никакая дуэль—оно неминуемо вызоветъ ударъ ножа. Ничего подобнаго вы не встрѣтите въ германской землѣ. Кромѣ безчисленнаго множества пивныхъ, набитыхъ посѣтителями, громадный сбытъ крѣпкихъ напитковъ и пива разнаго рода свидѣтельствуютъ о вкусахъ публики. Войдите въ Амстердамѣ въ одну изъ этихъ лавченокъ, убранныхъ блестящими бочками, за которыми стаканъ за стаканомъ поливается водка бѣлая, желтая, зеленая, темная, часто приправленная разными пряностями и перцемъ. Займите мѣсто, въ девять часовъ вечера, въ одной изъ пивныхъ въ Брюсселѣ передъ этими потемнѣвшими столами, вокругъ которыхъ шныряютъ продавцы морскихъ раковъ, солонины и крутыхъ яицъ; взгляните, какъ

эти люди, покойно усѣвшись каждый про-себя, иной разъ по-двое, но чаще всего въ полнѣйшемъ молчаніи, покуривая трубки и закусывая, опорожняютъ громадныя кружки пива, подогрѣвая ихъ время отъ времени стаканчикомъ крѣпкой водки. Вы инстинктивно угадаете то грубое ощущеніе теплоты и животнаго довольства, какимъ наслаждаются они каждый про себя, не проронивъ ни слова, по мѣрѣ того, какъ твердая пища и обильное питье обновляютъ въ нихъ ткани тѣла, всѣ стороны котораго принимаютъ участіе въ благосостояніи сытаго и переполненнаго желудка.

Въ ихъ внѣшности остается указать еще послѣднюю черту, особенно поражающую обитателей юга, я говорю о медленности и тяжеловатости ихъ впечатлѣній и движеній. Какой-то тулузецъ, торговецъ зонтиками въ Амстердамѣ, почти бросился ко мнѣ на шею, услыхавъ, что я говорю по-французски, и я долженъ былъ, въ теченіе четверти часа, выслушивать его сѣтованія. Для живаго темперамента, подобнаго ему, туземцы были просто невыносимы: «упрямы, холодны, ни одного движенія, ни одного чувства, безъ всякаго вкуса, вѣчно мрачны,—чистая рѣпа, сударь, чистая рѣпа!» И въ самомъ дѣлѣ, его болтовня и откровенность составляли явный контрастъ. Когда вы говорите съ ними, кажется, какъ будто они не могутъ понять васъ сразу, или механизмъ ихъ языка требуетъ предварительно нѣкотораго времени, чтобы прійти въ движеніе; какой нибудь сторожъ при музеѣ или слуга въ гостинницѣ сперва постоитъ съ минуту, раскрывъ ротъ, а потомъ уже станетъ отвѣчать.—Въ кафе, въ вагонахъ, флегматическое выраженіе и неподвижность чертъ поразятъ васъ; они не имѣютъ, подобно французамъ, потребности двигаться, говорить; по цѣлымъ часамъ они могутъ оставаться въ неподвижности наединѣ съ своими мыслями или съ своей трубкой. На вечерѣ, въ Амстердамѣ, дамы, разряженныя какъ куклы, неподвижно сидятъ на своемъ креслѣ, подобно статуямъ. Въ Бельгіи, въ Германіи, въ Англіи, лица крестьянъ кажутся безжизненными, оцѣпенѣвшими или онѣмѣвшими; одинъ изъ моихъ друзей, возвращаясь изъ Берлина, говорилъ: «у всѣхъ этихъ людей мертвые глаза». Даже молодыя дѣвушки имѣютъ какой-то наивный и заспанный видъ; часто останавливался я передъ стеклами какого-нибудь магазина, разсматривая розовое, покойное и скромное лицо, средневѣковую мадонну, занятую модным рукодѣльемъ; это совершенная противоположность съ югомъ Франціи и съ Италіей, гдѣ глаза любой гризетки готовы завести разговоръ со стуломъ, если нѣтъ вблизи ея человѣка, гдѣ мысль, въ самый моментъ ея рожденія, сперва передается жестами, а потомъ уже словами. Въ германскихъ странахъ, каналы ощущенія и выраженія, повидимому, засорены; все нѣжное, живое, подвижное, кажется здѣсь невозможнымъ: обитатель юга станетъ приносить вамъ безконечныя жалобы на неловкость и неуклюжесть; таково было невольное мнѣніе французовъ въ войны временъ Революціи и Имперіи. Въ этомъ отношеніи, костюмъ и походка могутъ быть лучшими показателями, въ особенности если мы изберемъ ихъ въ среднемъ или низшемъ классахъ. Сравните гризетокъ Рима и Болоньи, Парижа и Тулузы съ большими механическими куклами, которыхъ вы увидите въ Гэмптонкуртѣ въ воскресенье, въ туго накрахмаленыхъ юбкахъ, съ фіолетовыми шарфами, въ яркихъ шолкахъ, съ золотыми поясами и цѣлой выставкой надутой роскоши. Я припомню себѣ въ эту минуту два праздника: одинъ въ Амстердамѣ, на который собрались богатыя поселянки изъ Фрисланда,—у всѣхъ голова укутана въ трубообразный чепчикъ, надъ которымъ безпорядочно торчитъ шляпка, напоминающая своей формой кузовъ старой коляски, между тѣмъ какъ на вискахъ и на лбу красуются золотыя бляхи, а тощія локоны, перевитые золотыми нитками, окаймляютъ блѣдное и невзрачное лицо; другой праздникъ въ Фрибургѣ, что въ Бризгау, на которомъ деревенскія дѣвушки, покоясь на своихъ толстыхъ ногахъ, стояли, смутно разглядывая по сторонамъ, въ своемъ національномъ нарядѣ: черныя, красныя, зеленыя и лиловыя юбки, съ рѣзкими складка-

ми на подобіе готическихъ статуй; раздутые спереди и сзади корсажи; рукава, подложенные толстой подкладкой, массивные, видомъ напоминающіе заднюю ногу лошади; станъ, перетянутый почти подъ мышкой; желтые и тусклые волосы, круто зачесанные къ верху и завязанные почти на самомъ затылкѣ; коса прикрывалась маленькимъ чепчикомъ, вышитымъ золотомъ и серебромъ, надъ нимъ возвышалась высокая мужская шляпа оранжеваго цвѣта—причудливое украшеніе тѣла, которое, казалось, вырублено топоромъ и общимъ видомъ своимъ напоминаетъ столбъ, измазанный красками. Словомъ, въ этомъ племени, животная сторона человѣка удержалась долѣе и грубѣе, чѣмъ въ другихъ; мы готовы, пожалуй, даже счесть это племя ниже остальныхъ, если сравнимъ его съ итальянцами или французами южной части страны, столь воздержными и съ такимъ быстрымъ умомъ; разумѣется, они умѣютъ говорить, болтать, передавать свою мысль мимикой, имѣютъ вкусъ, понимаютъ изящество и безъ особенныхъ усилій, какъ провансальцы въ XII и флорентинцы въ XIV столѣтіи, вдругъ достигли достаточной культуры и образованія.

Но мы не остановимся на этомъ первомъ взглядѣ; онъ указываетъ намъ только одну сторону предмета; есть еще другая сторона, неразлучная съ нею, какъ полоса свѣта неразлучна съ тѣнью. Эта утонченность и скороспѣлость, свойственныя романскимъ народамъ, имѣютъ нѣсколько дурныхъ послѣдствій: онѣ поселяютъ въ нихъ потребность пріятныхъ ощущеній, и они оказываются слишкомъ требовательными по отношенію къ счастію; имъ необходимы многочисленныя, разнообразныя, сильныя или тонкія удовольствія, развлеченія въ бесѣдѣ, пріятная вѣжливость въ обращеніи, удовлетвореніе честолюбія, чувственныя наслажденія въ любви, пріятныя впечатлѣнія новаго и неожиданнаго, гармоническія симметріи формъ и предложеній; они легко дѣлаются резонерами, диллетантами, эпикурейцами, сластолюбцами, вольнодумцами, волокитами и гуляками. Въ самомъ дѣлѣ, эти именно пороки являются причиной упадка или исчезно-

венія ихъ цивилизаціи; вы всрѣтите ихъ въ эпоху паденія древней Греціи и древняго Рима, въ XII столѣтіи въ Провансѣ, въ Италіи въ XVI, въ Испаніи въ XVII и во Франціи въ XVIII-мъ столѣтіяхъ. Ихъ темпераментъ, быстрѣе достигающій утонченности, быстрѣе дѣлаетъ и ихъ самихъ утонченными. Они желаютъ испытать изысканныя ощущенія и не могутъ удовлетвориться обыденными; они подобны людямъ, которые, привыкнувъ ѣсть апельсины, выбрасываютъ подальше отъ себя морковь и рѣпу; и однакоже будничная жизнь наша составляется именно изъ моркови, рѣпы и другихъ невкусныхъ овощей. Въ Италіи одна знатная дама, кушая великолѣпное мороженное, говорила: «какъ жаль, что ѣсть его не грѣхъ!» Во Франціи одинъ знатный вельможа, разсказывая про какого-то хитраго дипломата, говорилъ: «кто не обожаетъ его? онъ такъ порочен!» Съ другой стороны, живость впечатлѣній и быстрота движеній дѣлаютъ ихъ импровизаторами; они слишкомъ скоро и слишкомъ сильно приходятъ въ возбужденіе отъ столкновенія вещей—до забвенія долга и разсудка, до ножа въ Италіи и Испаніи, до ружейныхъ выстрѣловъ во Франціи. Вслѣдствіе этого, они оказываются лишь въ самой слабой степени способными къ выжиданіямъ, подчиненію къ правильности. Чтобы успѣвать въ жизни, необходимо умѣть терпѣть, скучать, дѣлать и передѣлывать, начинать и продолжать такъ, чтобы порывъ гнѣва или вспышка воображенія ни на минуту не остановили и не отвлекли васъ отъ насущнаго занятія. Короче, если мы сопоставимъ ихъ наклонности съ настоящимъ строемъ и положеніемъ дѣлъ въ свѣтѣ, то найдемъ этотъ строй слишкомъ механическимъ, суровымъ и однообразнымъ по отношенію къ нимъ, а наклонности ихъ признаемъ слишкомъ живыми, нѣжными и блестящими относительно его. Эта разноголосица, по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій, постоянно обнаруживается въ ихъ цивилизаціи; они слишкомъ много требуютъ отъ всего, а, по свойственному ихъ недостатку, не достигаютъ даже и того, что могло бы быть доступно имъ.

Теперь уничтожимъ эти счастливые дары, а также и эти грустныя наклонности. Вообразите себѣ на неповоротливомъ и тяжеломъ тѣлѣ германца хорошо организованную голову, живое пониманіе, и посмотрите, что изъ этого выйдетъ. Обладая менѣе живою впечатлительностью, организованный такимъ образомъ человѣкъ будетъ болѣе хладнокровенъ и болѣе разсудителенъ. Имѣя меньшую потребность пріятныхъ ощущеній, онъ не скучая можетъ выполнять самыя скучныя дѣла. Такъ какъ чувства его грубѣе, то онъ предпочтетъ формѣ надежное основаніе, внѣшнему упражненію—внутреннюю правду, отличаясь менѣе быстрыми порывами, онъ будетъ менѣе подверженъ нетерпѣливости и безразсуднымъ вспышкамъ; имѣя всегда передъ собою соображеніе холоднаго ума, онъ можетъ обнаружить постоянство въ предпріятіяхъ, исходъ которыхъ угрожаетъ затянуться въ долгій ящикъ. Короче, разумъ у него можетъ преобладать надъ всѣмъ, потому что у него меньше соблазновъ извнѣ, а внутренніе порывы рѣдки: разумъ лучше управляетъ человѣкомъ, когда внутри его немного вспышекъ, а извнѣ поменьше искушеній. Въ самомъ дѣлѣ, разсморите германскіе народы въ настоящемъ ихъ состояніи и въ теченіе всей ихъ исторической жизни. Прежде всего, это самые величайшіе въ свѣтѣ труженики; съ этой стороны, въ области умственной работы, никто не можетъ сравниться съ нѣмцами,—за ними эрудиція, философія, знаніе самыхъ трудныхъ языковъ, великолѣпныя изданія, словари, сборники, классификаціи, изслѣдованія въ лабораторіи; во всѣхъ наукахъ все, что носитъ названіе скучнаго и непріятнаго, но подготовительнаго и необходимаго труда, всецѣло принадлежитъ имъ; терпѣливо и съ чуднымъ самоотверженіемъ обтесываютъ они всѣ камни новѣйшаго зданія. Въ области вещественнаго труда, англичане, американцы и голландцы дѣлаютъ тоже самое. Я хотѣлъ бы показать вамъ какого-нибудь выдѣльщика матерій или англійскаго ткача за работой; это совершенный автоматъ, весь день трудящійся, ни на минуту не отвлекая себя отъ дѣла въ теченіе перваго часа такъ-же хорошо, какъ и по окон-

чаніи десятаго. Если онъ въ одной мастерской съ французскими рабочими, послѣдніе представляютъ поразительную противоположность; они не умѣютъ усвоить себѣ эту машинную точность; они скорѣе становятся невнимательны и скорѣе устаютъ; поэтому къ концу дня у нихъ обнаруживается несравненно менѣе производительности; вмѣсто тысячи восьмисотъ спицъ, они едва сдѣлаютъ тысячу двѣсти. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ способобность къ труду становится еще меньшею; провансалецъ, итальянецъ чувствуютъ потребность поболтать, попѣть, потанцовать; онъ охотно готовъ шататься безъ дѣла и жить на удачу, хотя бы, для доставленія себѣ этого, ему пришлось ограничиться одними лохмотьями вмѣсто одежды. Праздность тамъ кажется естественною и даже почетною. *Благородная жизнь*, лѣнь человѣка, который изъ гордости отказывается отъ труда, живя впроголодь, а зачастую и ничего не ѣвши по цѣлымъ днямъ, была истиннымъ бичемъ Испаніи и Италіи въ два послѣднія столѣтія. Напротивъ, въ тоже время, фламандцы, голландцы, англичане, нѣмцы, поставляли въ особенную доблесть снабженіе себя всѣмъ необходимымъ; инстинктивное отвращеніе, вслѣдствіе котораго обыкновенный человѣкъ избѣгаетъ труда, ребяческое тщеславіе, заставляющее образованнаго человѣка сторониться отъ званія рабочаго, уступили предъ ихъ здравомысліемъ и умомъ.

Тотъ-же разумъ и тоже здравомысліе основываютъ и поддерживаютъ у нихъ разнообразныя общественныя формы, и прежде всего брачный союзъ. Вы знаете, что у романскихъ народовъ онъ не слишкомъ уважается; въ Италіи, Испаніи и Франціи театръ и романъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ своимъ всегда представляютъ нарушителей супружеской вѣрности; литература по меньшей мѣрѣ требуетъ отъ героевъ своихъ страсти, сосредоточиваетъ на ней всѣ симпатіи и даетъ всѣ права. Напротивъ, въ Англіи, романъ есть изображеніе честной любви и прославленіе брака; волокитство считается дѣломъ недостойнымъ въ Германіи, даже между студентами. Въ романскихъ земляхъ оно извиняется, допускает-

ся, а подчасъ и вызываетъ даже одобреніе. Неподвиж-
ность брачной жизни и однообразіе семейнаго очага
представляются тамъ тяжелыми. Обаяніе, производимое
чувствами, тамъ слишкомъ сильно; прихоти воображенія
отличаются особенной рѣзкостью; умъ создаетъ себѣ ка-
кую-то мечту, полную нѣги упоенія и экстазовъ или, по
крайней мѣрѣ, романъ, одушевленный живой и разнооб-
разной чувственностью; затѣмъ, при первомъ удобномъ
случаѣ, сдержанный потокъ прорывается, разрушая на
пути всякій оплотъ долга и закона. Взгляните на Испа-
нію, Италію, Францію въ XVI-мъ столѣтіи; прочтите но-
веллы Банделло, комедіи Лопе, разсказы Брантома и въ
то же время прислушайтесь къ замѣчаніямъ, какія дѣ-
лаетъ современникъ Гвиччіардини о нравахъ нидерланд-
цевъ. «Супружеская невѣрность приводитъ ихъ въ ужасъ...
«Ихъ жены необыкновенно благоразумны, хотя имъ пре-
«доставляютъ полную свободу». Онѣ однѣ ходятъ въ
гости и даже предпринимаютъ путешествія, не возбуж-
дая о себѣ злыхъ толковъ; онѣ сами охраняютъ себя, не
нуждаясь въ постороннемъ контролѣ. Къ тому же, онѣ
большія хозяйки и любятъ домашнюю жизнь. Еще не-
давно одинъ богатый голландскій дворянинъ разсказы-
валъ мнѣ про молодыхъ своихъ родственницъ, которыя
не пожелали взглянуть на всемірную выставку и оста-
вались дома въ теченіе всего времени, пока мужья и
братья ихъ жили въ Парижѣ. Столь покойная и сидячая
натура не мало содѣйствуетъ семейному счастью, въ ти-
ши домашняго очага, вдали отъ любопытства и страстей,
наклонность къ чистымъ идеямъ обнаруживается силь-
нѣе; такъ какъ оставаться постоянно съ глазу-на глазъ
съ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ не прискучаетъ, то
воспоминаніе о данномъ обѣщаніи, сознаніе долга и са-
моуваженіе легко одерживаютъ верхъ надъ соблазнами,
которые торжествуютъ въ другихъ странахъ, ибо тамъ
они несравненно сильнѣе.

Тоже можно сказать и относительно другихъ обще-
ственныхъ формъ, въ особенности о свободной ассоціаціи.
Осуществленіе ея вообще весьма трудно; чтобы механизмъ

ея началъ правильно и неуклонно дѣйствовать, необходимъ
составъ людей, которые обладали бы спокойными нервами
и проникнуты были одной главной идеей. На миттингахъ
вошло въ привычку быть терпѣливымъ, хладнокровно вы-
слушивать противорѣчія и даже оскорбленія, дожидаться
очереди въ отвѣтахъ, возражать сдержанно, по двадцати
разъ сряду выслушивать одно и тоже разсужденіе, сопро-
вождаемое цифрами и положительными документами. Не
слѣдуетъ бросать газеты, когда политика перестаетъ быть
интересною, заниматься изъ удовольствія преніями и раз-
глагольствованіями, строить противу начальниковъ ковы,
чуть только они намъ не понравятся,—а таковъ именно
обычай въ Испаніи и другихъ мѣстахъ; вы знаете страну,
въ которой правительство было низвергнуто потому толь-
ко, что казалось недостаточно дѣятельнымъ, да и «на-
доѣло» народу. У германскихъ народовъ люди состав-
ляютъ изъ себя товарищества не для того, чтобы гово-
рить, а чтобы дѣйствовать; политика составляетъ одно
изъ дѣлъ, требующихъ полнѣйшаго вниманія; къ ней от-
носятся самымъ серьезнымъ образомъ; слово является лишь
средствомъ; послѣдствія рѣчи, хотя бы и отдаленныя—
вотъ цѣль. Они преклоняются предъ этой цѣлью и весь-
ма снисходительно относятся къ ея представителямъ.
Явленіе, въ своемъ родѣ, единственное! здѣсь управляе-
мые уважаютъ управляющихъ; если тѣ дурны, имъ со-
противляются, но—путемъ легальнымъ и терпѣливо; если
учрежденія плохи, ихъ мало по малу исправляютъ, но
никогда не ломаютъ сразу. Германскія земли—отечество
свободнаго и парламентарнаго управленія; вы видите его
теперь въ Швеціи, Норвегіи, Англіи, Бельгіи, Голландіи,
Пруссіи, даже въ Австріи; переселенцы, обработываю-
щіе материкъ Австраліи и западной Америки, пересажи-
ваютъ и ихъ туда съ собою; какъ ни грубы пришельцы,
правленіе это сразу-же прививается у нихъ и поддержи-
вается безъ труда; вы встрѣтите его въ самую древнѣй-
шую эпоху существованія Бельгіи и Голландіи; древніе
города Нидерландовъ были республики и поддерживались
въ этомъ видѣ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, не

смотря на энергическія противодѣйстія ихъ феодальныхъ сюзереновъ. Свободная ассоціація вводится и поддерживается у нихъ легко и сразу—небольшая точно такъ же, какъ большая, и даже въ средѣ большой. Въ XVI столѣтіи, мы находимъ въ каждомъ городѣ и даже въ каждомъ селеніи общества стрѣлковъ и риторовъ; ихъ насчитываютъ болѣе двухъ сотъ. Даже теперь въ Бельгіи процвѣтаетъ множество подобныхъ ассоціацій: общества стрѣльбы изъ лука, пѣнія, покровительства голубей, пѣвчихъ птицъ и пр.. Въ Голландіи, частныя лица охотно составляютъ изъ себя общества для завѣдыванія всѣми дѣлами общественной благотворительности. Дѣйствовать массой такъ, чтобы при этомъ одинъ не смѣнялъ другаго—вотъ искусство, исключительно принадлежащее германцамъ; оно-то именно и даетъ имъ такой перевѣсъ надъ матеріей: при посредствѣ его, они, путемъ терпѣнія и размышленія, умѣютъ приноровиться къ законамъ физической природы и человѣческой организаціи, и вмѣсто того, чтобы итти въ разрѣзъ съ ними, извлекаютъ изъ нихъ для себя пользу.

Теперь если мы отъ внѣшней дѣятельности ихъ перейдемъ къ мышленію, къ образу пониманія и представленія себѣ окужающаго міра, то найдемъ и тутъ отпечатокъ той же обдуманности и недостатокъ чувственности. Романскіе народы обладаютъ необыкновенно живымъ вкусомъ къ внѣшности, къ декоративной сторонѣ вещей, пышному представленію, раздражающему чувства человѣка и тщеславіе, логической правильности, внѣшней симметріи, стройному порядку, короче къ формѣ. Напротивъ, симпатіи германскихъ народовъ скорѣе склоняются къ сущности вещей, къ самой истинѣ, т. е. къ основѣ всего. Племенные инстинкты направляютъ ихъ къ тому, чтобы не допускать себя до увлеченія внѣшностью, приподнять покрывала, уловить самое скрытое въ предметѣ, какъ бы ни было оно противно или грустно, не исключая и не смягчая въ немъ ни одной мелочи, хотя бы она казалась грубою и уродливою. Между многими явленіями, произведенными этимъ инстинктомъ, два въ особен-

ности выставляютъ его во всемъ свѣтѣ, потому что противоположность между формой и самой сущностью въ нихъ слишкомъ замѣтна: я говорю о литературѣ и вѣрованіяхъ. Литературныя произведенія романскихъ народовъ, по преимуществу, классическія, и находятся въ болѣе или менѣе близкой связи съ греческой поэзіей, римскимъ краснорѣчіемъ, съ элементами итальянскаго возрожденія и вѣка Людовика XIV; они очищаютъ и облагороживаютъ, украшаютъ и укрѣпляютъ, даютъ порядокъ и соразмѣрность. Послѣднимъ созданіемъ ихъ является театръ Расина, живописца придворныхъ приличій и пріемовъ, свѣтскихъ людей, утонченныхъ и образованыхъ натуръ, представителя ораторскаго стиля, ученой композиціи, литературнаго изящества. Напротивъ, литературныя произведенія германцевъ—по преимуществу, романтическія и первымъ основнымъ слоемъ своимъ имѣютъ *Эдду* и древне-сѣверныя *саги*; величайшимъ твореніемъ ихъ является театръ Шекспира, т. е. рѣзкое и совершеннѣйшее изображеніе дѣйствительной жизни со всѣми ужасными, низкими и плоскими подробностями, со всѣми высокими и грубыми инстинктами, со всѣми крайностями человѣческой природы, передаваемой языкомъ то простымъ до-тривіальности, то поэтическимъ до-лиризма, языкомъ всегда независимымъ отъ всякихъ правилъ, безсвязнымъ, необычайнымъ, но одареннымъ какой-то несравненной силой, чтобы передать душѣ, полной горячаго трепета, впечатлѣніе той страсти, которая вылилась въ этомъ произведеніи, какъ бы въ мгновенномъ задушевномъ крикѣ.

Равнымъ образомъ, обратимся къ религіи и разсмотримъ ее въ ту рѣшительную минуту, когда народы Европы призваны были избрать для себя вѣрованіе, т. е. разсмотримъ ее въ эпоху XVI-го столѣтія: знакомые съ подлинными документами знаютъ, въ чемъ заключалось въ то время дѣло, какія таинственныя причины руководили одними въ предпочтеніи старой колеи и другими въ избраніи новой. Всѣ романскіе народы, отъ перваго до послѣдняго, остались католиками; они не хо-

тѣли разстаться съ укоренившимися заблужденіями ума, пребыли вѣрными традиціи, предпочитая подчиненіе авторитету папской власти; ихъ увлекла внѣшность, обаятельная для чувствъ, пышность культа, стройный порядокъ клерикальной іерархіи; они придали особеную важность обрядамъ, внѣшности, видимымъ дѣламъ, которыми обнаруживается католическая набожность. Напротивъ, почти всѣ германскіе народы сдѣлались протестантами. Если Бельгія, склонявшаяся къ реформѣ, составляетъ въ этомъ числѣ исключеніе, то благодаря лишь силѣ, побѣдамъ Фарнезе, смерти и бѣгству многихъ протестантскихъ семействъ и тому особенному нравственному перелому, который вы увидите въ исторіи Рубенса. Другіе германскіе народы внѣшній культъ подчинили внутреннему; спасеніе души они видѣли въ раскаяніи и религіозномъ волненіи сердца; они поколебали оффиціальный авторитетъ главы церкви предъ мочной совѣстью каждаго индивидуума; вслѣдствіе такого преобладанія духа, форма заняла второстепенное мѣсто, культъ и обрядъ были отодвинуты тоже на задній планъ. Мы сейчасъ увидимъ, что въ искусствахъ та же нистинктивная оппозиція произвела подобный же контрастъ во вкусѣ и въ стилѣ. Пока намъ достаточно будетъ уловить основныя черты, различающія оба племени. Если второе, въ сравненіи съ первымъ, представляетъ менѣе скульптурную форму, болѣе грубыя наклонности и болѣе крутой темпераментъ,— то спокойствіемъ своихъ нервовъ и холодностью крови оно оказывается болѣе свойственнымъ чистому мышленію; его мысль, менѣе способная своротить съ прямой дороги подъ обаяніемъ чувственнаго наслажденія, вслѣдствіе импровизаторскихъ порывовъ или иллюзій внѣшней красоты, лучше умѣетъ соображать вещи, чтобы дойти до пониманія ихъ или чтобы управлять ими.

II.

Народъ. — Вліяніе климата и почвы. — Физическія свойства Нидерландовъ. — Образованіе положительнаго ума и спокойнаго характера. — Предѣлы философскаго и литературнаго духа. — Раннее совершенство ремеслъ. — Практическія изобрѣтенія. — Внѣшность, нравы и вкусы.

Племя, одаренное такого рода качествами, оставило на себѣ слѣды разнообразныхъ вліяній, смотря по свойствамъ той среды, въ которой ему приходилось жить. Бросьте нѣсколько зеренъ одного и того-же растительнаго вида въ различныя почвы и при различныхъ температурахъ; дайте имъ приняться, подрости, принесть плодъ, воспроизвестись безконечное число разъ, каждому на своей землѣ, и взгляните,—что изъ нихъ выйдетъ. Они пріурочатся, каждый, къ условіямъ своей почвы, и вы получите нѣсколько разновидностей отъ одного и того-же вида, на столько различныхъ другъ отъ друга, на сколько противоположны будутъ разнообразные климаты, взраствившіе ихъ. Такова исторія германскаго племени въ Нидерландахъ: десять столѣтій жизни сдѣлали свое дѣло; къ концу среднихъ вѣковъ, мы находимъ въ этомъ племени, кромѣ врожденнаго характера, еще пріобрѣтенный характеръ.

Слѣдовательно, намъ нужно начать наши наблюденія съ почвы и неба; за невозможностью предпринять путешествіе, взгляните, по крайней мѣрѣ, на карту. За исключеніемъ гористаго округа на юго-востокѣ, Нидерланды представляютъ равнину, прекрасно орошенную водой; три большія рѣки—Маасъ, Рейнъ, Шельда и множество маленькихъ образуютъ ее своими наносами. Прибавьте къ этому притоки, пруды, многочисленныя болота; страна составляетъ водостокъ огромнаго количества воды, которая, прибывая туда, замедляетъ свое теченіе или дѣлается стоячею за недостаткомъ спуска. Пробуравьте отверстіе въ какомъ хотите мѣстѣ—оттуда покажется вода. Взглянувъ на пэйзажи Ванъ-деръ-Неера, вы составите себѣ понятіе объ этихъ широкихъ лѣнивыхъ рѣкахъ, которыя, приближаясь къ морю, разливаются на цѣлое лье въ ширину; онѣ дремлютъ, покоясь въ своемъ ложѣ, какъ какая-нибудь громадная, плоская и покрытая иломъ рыба, и, блѣдныя, тинистыя, сверкаютъ оттуда цвѣтами своей тусклой чешуи; подчасъ равнина стоитъ ниже уровня этихъ рѣкъ и должна защищаться отъ нихъ земляными плотинами; такъ и чувствуешь, что вотъ-вотъ вода прорвется; изъ спины ихъ безпрестанно отдѣляется паръ, а ночью, при лунѣ, густой туманъ облекаетъ всю деревню своей синеватой влажностью. Прослѣдите ихъ при морѣ; тамъ второй еще болѣе сильный потокъ воды, поднимаемый ежедневно приливами, довершаетъ дѣйствіе перваго. Сѣверное море враждебно человѣку. Припомните *Эстакаду* Рюисдаля и представьте себѣ тѣ частыя бури, которыя бросаютъ морскія волны и чудовищные валы пѣны на маленькій клочекъ плоской земли, уже полу-затопленной разлитіемъ рѣкъ. Цѣлый поясъ острововъ, изъ коихъ нѣкоторые величиною будутъ въ половину французскаго департамента, указываетъ, по всему берегу, на эту стремительность рѣчныхъ водъ и на этотъ напоръ моря—Вальхеренъ сѣверный и южный, Бевеландъ, Толенъ, Шувенъ, Ворнъ, Бейерландъ, Тексель, Влиландъ и др. Подчасъ море вторгается и образуетъ внутреннія моря, напр. Гарлемское озеро, или глу-

бокіе заливы, какъ Зюдерзее. Если Бельгія—наносная земля, воздвигнутая при помощи рѣкъ, то Голландія—не болѣе какъ скопленіе болота посреди водъ. Присоедините къ этой негостепріимной почвѣ суровый климатъ, и вы не задумаетесь прійти къ заключенію, что страна не для людей, а скорѣе для голенастой птицы и бобровъ.

Когда первыя германскія племена раскинули здѣсь свои шатры, она была еще хуже. Во времена Цезаря и Страбона то была лишь сплошная масса топкаго лѣса; путешественники разсказывали, что можно было пройти всю Голландію съ дерева на дерево, не касаясь земли. Громадные дубы, вырванные съ корнемъ, падая въ рѣки, служили гатью, какъ теперь на Миссисипи, и составляли немалую остановку для римскихъ флотилій. Каждый годъ Вагалъ, Маасъ и Шельда выходили изъ береговъ своихъ и покрывали на далекое пространство плоскую равнину. Каждый годъ осеннія бури потопляли островъ Батавію; въ Голландіи очертанія береговъ измѣнялись безпрестанно. Дождь шелъ не переставая, а туманъ стоялъ столь-же непроницаемый, какъ въ сѣверныхъ владѣніяхъ Америки, недавно проданныхъ Россіей; день обыкновенно бывалъ не долѣе трехъ или четырыхъ часовъ. Толстый слой льда покрывалъ ежегодно Рейнъ. Цивилизація всегда, обработывая землю, смягчаетъ и температуру; поэтому дикая Голландія пользовалась въ то время климатомъ Норвегіи. Спустя четыре столѣтія послѣ вторженія германцевъ, Фландрія называлась еще «безконечнымъ и безпощаднымъ лѣсомъ». Въ 1197 году, страна Waes, представляющаяся теперь прекраснымъ садомъ, была необработана, и монахи бывали осаждаемы волками. Въ XIV столѣтіи, стада дикихъ коней бродили еще въ лѣсахъ Голландіи. Море брало верхъ надъ сушей. Гентъ былъ приморскимъ портомъ въ IX вѣкѣ, Теруанъ, Сентъ-Омеръ и Брюгге—въ XII; Дамъ—въ XIII и Слейсъ въ XIV столѣтіи. Разсматривая Голландію на древнихъ картахъ, вы не узнаете ее *). Въ настоящее даже вре-

*) Michiels, Исторія фламандской живописи, т. I, стр., 230, и Chayes, Нидерланды до и во время римскаго господства.

мя, жители вынуждены защищать землю отъ рѣкъ и моря. Въ Бельгіи берега океана ниже уровня прилива, и равнины, охраняемыя плотиною, оказавшись такимъ образомъ покоренными, обставляютъ свои обширныя, глинистыя поляны, свои узко-длинные луга окрашенные фіолетовымъ отцвѣтомъ, разнообразными плотинами и гатью, которыя, даже въ наше время, зачастую оказываются тоже безсильными. Въ Голландіи опасности еще больше, и вся жизнь представляется недостаточно обезпеченною. Въ теченіе тринадцати столѣтій, тамъ насчитываютъ, среднимъ числомъ, по одному значительному наводненію на каждыя семь лѣтъ, не считая небольшихъ: 100,000 человѣкъ потонуло въ 1230 г., 80,000 ч.—въ 1287 г., 20,000 ч.—въ 1470 г., 30,000 ч.—въ 1570 г., 12,000 ч.—въ 1717 г. Въ 1776, 1808 и 1825 гг. еще чаще бывали подобныя несчастія. Большая бухта Доллартъ, шириною въ 12 километровъ и глубиною въ 35, Зюдерзее въ 44 квадратныхъ мили образовались вслѣдствіе разлитія моря въ XIII вѣкѣ. Чтобы охранить Фризію, необходимо было, на протяженіи 22 миль, въ три ряда вбить сваи, изъ которыхъ каждая обошлась въ семь флориновъ. Чтобы защитить Гарлемскій берегъ, понадобился гранитный оплотъ Норвегіи, длиною въ 8 километровъ, а вышиною въ 40 футовъ, погруженный на 200 футовъ въ море. Амстердамъ, съ 260,000 жит. весь построенъ на сваяхъ, длина которыхъ иной разъ доходитъ до 30 футовъ. Всѣ мѣста во Фризіи, занятыя городами и деревнями, представляютъ плоды искусственныхъ сооруженій. Полагаютъ, что укрѣпленія между Шельдой и Доллартомъ стоили семь съ половиною милліардовъ. Вотъ цѣною какихъ усилій обходится жизнь въ Голландіи; а когда изъ Гарлема или Амстердама люди видятъ, какъ громадный грязновато-желтый валъ вздымается и поглощаетъ изъ виду ихъ ничтожную каемку грязи, нельзя не согласиться, что, бросивши чудовищу эту добычу, человѣкъ отдѣлается отъ него еще недорого *).

*) См. Alph. Esquiros, La Néerlande et la vie néerlandaise, 2 тома, in-8.

Теперь представьте себѣ на этой трясинѣ древнія германскія племена, какъ они, въ качествѣ рыболововъ или охотниковъ, бродятъ въ своихъ кожаныхъ сандаліяхъ, одѣтыя въ тюленью шкуру, и сообразите, если можете, ту массу усилій, какую должны были употребить эти варвары, чтобы устроить себѣ почву обитаемою и превратиться въ образованный народъ. Люди съ инымъ характеромъ никогда не достигли бы этого—до того плоха была среда. При подобныхъ же условіяхъ, менѣе совершенныя племена въ Канадѣ и въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ Америки остались дикарями; другіе даровитые народы, ирландскіе и верхне-шотландскіе кельты успѣли выработать для себя лишь рыцарскіе нравы и поэтическія легенды. Здѣсь нужны были добрыя мыслящія головы, способныя внѣшнія ощущенія подчинить идеѣ, терпѣливо выносить скуку и усталость, преодолѣть лишенія и трудъ въ виду отдаленной цѣли—короче, здѣсь нужны были германцы, люди, созданные на то, чтобы соединяться въ дружныхъ товариществахъ, работать, бороться, безпрерывно начинать дѣло сызнова и неустанно добиваться цѣли, устроивать по рѣкамъ плотины, останавливать море, осушать землю, не упустить воспользоваться вѣтромъ, водой, первой покатостью, даже глинистой грязью, сооружать каналы, строить корабли, мельницы, выдѣлывать кирпичъ, заводить домашній скотъ, открыть промышленность и мѣну. Такъ какъ трудность была слишкомъ велика, то на преодолѣніе ея потраченъ былъ весь умъ; онъ всецѣло обращенъ былъ въ эту сторону, а потому и долженъ былъ отвернуться отъ всего остальнаго. Забота о существованіи и пріисканіи себѣ пристанища, объ одеждѣ, прокормленіи, объ охранѣ себя отъ холода и сырости, забота о снабженіи себя съѣстными припасами и на будущее, стараніе разбогатѣть—вотъ на что уходило все ихъ время; умъ получилъ безусловно положительное и практическое направленіе. Въ такой странѣ невозможно мечтать и философствовать на нѣмецкій ладъ, невозможно блуждать въ области фантастическихъ бред-

ней и метафизическихъ системъ *). Окружающее не замедлитъ опустить васъ съ облаковъ на землю; призывъ къ дѣятельности слишкомъ повсемѣстенъ, слишкомъ настоятеленъ и постояненъ; если кто и думаетъ, то для того лишь, чтобы дѣйствовать. Подъ этимъ вѣковымъ гнётомъ слагается характеръ; привычки превращаются въ инстинктивныя побужденія; форма, добытая отцомъ, становится наслѣдственною и у его сына; труженикъ, мастеровой, купецъ, дѣловой человѣкъ, хозяинъ, человѣкъ здравомыслящій и только—вотъ чѣмъ отъ рожденія своего и безъ труда становится онъ, тогда какъ его предки добились всего этого по необходимости и часто по принужденію **).

Съ другой стороны, этотъ положительный умъ отличается спокойствіемъ. Сравните его съ другими родственными ему и не менѣе практическими народами, и вы найдете, что нидерландецъ обнаруживаетъ бо̀льшую ровность характера и болѣе способенъ счесть себя довольнымъ. Вы не увидите въ немъ тѣхъ яростныхъ страстей, воинственнаго настроенія, напряженной воли, инстинктовъ бульдога, не увидите той величественной и суровой гордости, которую три прочныя побѣды и вѣковая преемственность политической борьбы укоренили у англичанъ. Вы не увидите въ немъ того тревожнаго чувства и неутолимой жажды къ дѣятельности, которыхъ сухость искусства, рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду и обиліе электричества укоренили въ американцахъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ живетъ въ однообразномъ и сыромъ климатѣ, разслабляющемъ нервы, развивающемъ лимфатическій темпераментъ, умѣряющемъ вспышки, взрывы и пылъ души, притупляющемъ необузданность страстей и обращающемъ характеръ на сторону сенсуализма и добраго веселья. Вы встрѣтились съ подобнымъ же

*) Alfred. Michiels, ibid., т. I, стр. 238. Этотъ первый томъ заключаетъ въ себѣ немало общихъ соображеній, вполнѣ заслуживающихъ вниманія.

**) Prosper Lukas, De l' Hérédité, и Дарвина, О естественномъ подборѣ родичей.

вліяніемъ климата, когда мы сравнивали венеціанское искусство съ искусствомъ флорентинскимъ. Здѣсь, впрочемъ, внѣшнія обстоятельства явились на помощь климату и исторія оказала содѣйствіе физіологіи. Люди этихъ странъ не испытали, подобно своимъ сосѣдямъ по ту сторону Ла-Манша, двухъ или трехъ нашествій, нападенія цѣлаго народа, саксонцевъ, датчанъ, нормандцевъ, поселившихся на ихъ землѣ. Они не получили въ наслѣдіе ненависти, которую гнётъ, сопротивленіе, раздраженіе, продолжительныя усилія, борьба, сперва открытая и жестокая, потомъ глухая и легальная, передаютъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ мы застаемъ ихъ уже занятыми, какъ въ эпоху Плинія, добываніемъ соли, «соединенными, по старому своему обычаю, въ товариществахъ, для обработки болотистой земли» *), свободными въ своихъ гильдіяхъ, отстаивающими независимость, правосудіе, древнѣйшія права свои, занятыми рыболовствомъ, торговлей и промышленностью, называющими свои города *портами*,— короче такими, какими находитъ ихъ Гвиччіардини въ XVI столѣтіи, «весьма жадными къ пріобрѣтенію и зоркими ко всему, гдѣ скрыта польза»; но эта потребность пріобрѣтеній не заключаетъ въ себѣ ничего лихорадочнаго или безразсуднаго. «Природа ихъ покойна и совершенно хладнокровна. Они благоразумно пользуются, «смотря по обстоятельствамъ, и богатствомъ, и другими «достояніями свѣта, и не легко выходятъ изъ себя, что «сейчасъ же видно по ихъ рѣчамъ и по ихъ лицамъ. Они «не слишкомъ склонны къ гнѣву и къ тщеславію, живутъ между собою какъ добрые люди и отличаются веселымъ и шутливымъ расположеніемъ духа». По мнѣнію его, у нихъ вовсе нѣтъ строгаго и широкаго честолюбія; многіе изъ нихъ рано покидаютъ дѣла, занимаются постройкой, развлеченіями и живутъ въ свое удовольствіе. Всѣ физическія и нравственныя причины, географія и политика, настоящее и прошедшее, содѣйствовали

*) Моке, Нравы и обычаи бельгійцевъ. 111, 113. Капитулярій IX вѣка

произведенію одного и того-же результата — развитію одной способности и одной наклонности въ ущербъ другимъ: ловкости въ веденіи дѣла и благоразумія сердца, практическаго ума и умѣренности желаній; они умѣютъ улучшить міръ дѣйствительности, а достигнувъ этого, не ищутъ ничего больше.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на ихъ произведенія: своимъ совершенствомъ и своими недостатками они обнаруживаютъ, въ одно и то же время, предѣлы и могущество ихъ ума. У нихъ не достаетъ великой философіи, столь естественной въ Германіи, великой поэзіи, столь роскошной въ Англіи. Они не умѣютъ забыть чувственныя вещи и положительные интересы, чтобы отдаться чистому мышленію, послѣдовать за смѣлыми движеніями логики, сосредоточиться на тонкостяхъ анализа, углубиться въ даль отвлеченностей. Они не знаютъ душевныхъ волненій и того неистовства подавленныхъ чувствъ, какія придаютъ стилю трагическій отпечатокъ, не знаютъ тѣхъ смутныхъ фантазій, тѣхъ чудныхъ, возвышенныхъ мечтаній, которыя, поднявшись надъ пошлостями жизни, открываютъ предъ взоромъ новый міръ. У нихъ нѣтъ ни одного природнаго философа; ихъ Спиноза—еврей, ученикъ Декарта и раввинъ, уединенный отшельникъ иного духа и иного племени. Ни одно изъ ихъ произведеній не сдѣлалось обще-европейскимъ, подобно Борнсу, Камоенсу, которые однако же родились въ средѣ столь-же небольшаго народа. Одного только изъ ихъ писателей читали всѣ современные ему люди—Эразма, утонченнаго литератора, писавшаго по-латыни, и по своему воспитанію, своимъ вкусамъ, стилю и идеямъ принадлежащаго къ итальянской семьѣ гумманистовъ и ученыхъ. Древніе голландскіе поэты, напр. Яковъ Катсъ, являются спокойными, разсудительными моралистами, нѣсколько растягивавшими свои поученія и восхвалявшими внутреннюю радость и семейную жизнь. Фламандскіе поэты XIII и XIV вѣка предваряютъ своихъ читателей, что они не станутъ разсказывать имъ рыцарскихъ сказокъ, а истинныя происшествія, и перелагаютъ въ стихи практическія изрѣченія или современныя происшествія. Ихъ школы риторовъ напрасно обработывали и выставляли на сцену поэзію—ни одинъ талантъ не извлекъ изъ этого матеріала ни одного великаго и прекраснаго творенія. На долю ихъ выпадали хроникёры, подобные Шателену и Сенъ-Альдегонду; но ихъ поученіе отличается вялостью и напыщенностью; ихъ тяжелое, грубое и рѣзкое краснорѣчіе напоминаетъ, хотя и не можетъ быть уподоблено ей, грубыя краски и энергическую тяжеловатость ихъ національной живописи. Въ настоящее время ихъ литература доведена почти до ничтожества. Ихъ единственный романистъ Консіансъ, будучи изряднымъ наблюдателемъ, кажется намъ слишкомъ тяжелымъ и слишкомъ простоватымъ. Попавши въ ихъ страну и заглянувъ въ ихъ газеты, по крайней мѣрѣ въ тѣ, которыя не фабрикуются въ Парижѣ, кажется, какъ будто человѣкъ заѣхалъ въ провинцію или еще далѣе. Полемика въ нихъ поражаетъ грубоватостью, риторическія украшенія устарѣли, шутки слишкомъ рѣзки, черты ума отличаются тупостью; плоское веселье или грубый гнѣвъ составляютъ всю соль ихъ; самыя каррикатуры намъ показались тупы до-нельзя. Если мы пожелали бы опредѣлить участіе, какое принимали они въ великомъ зданіи современной мысли, то нашли бы, что кропотливо, методически, въ качествѣ честныхъ и очень добрыхъ рабочихъ, они отдѣлали въ немъ нѣсколько камней. Они могутъ назвать ученую школу филологовъ въ Лейдѣ, юрисконсультовъ подобныхъ Гроціусу, натуралистовъ и медиковъ подобныхъ Леевенгёеку, Сваммердаму и Бёргааву, физиковъ подобныхъ Гюйгенсу, космографовъ въ родѣ Ортеліуса и Меркатора,—короче, цѣлый контингентъ спеціалистовъ и людей полезныхъ, но полное отсутствіе творческихъ умовъ, которые раскрываютъ великія и самобытныя воззрѣнія на міръ или оправляютъ свои міросозерцанія въ прекрасныя формы, доступныя общему пониманію. Они предоставили сосѣднимъ народамъ роль, какую исполняла задумчивая Марія у ногъ Іисуса Христа, избравъ для себя роль Марѳы; въ XVII столѣтіи они доставили ка-

ѳедры протестантскимъ ученымъ, бѣжавшимъ изъ Франціи, доставили отечество свободной мысли, преслѣдовавшейся во всей Европѣ, нашли издателей для всѣхъ научныхъ и полемическихъ книгъ; позднѣе они напечатали у себя всю французскую философію XVIII вѣка, доставили наконецъ книгопродавцевъ, маклеровъ и даже контрафакторовъ для всей новѣйшей литературы. Изъ всего этого они извлекаютъ пользу; ибо они знаютъ языки, читаютъ и обладаютъ образованіемъ; образованіе есть пріобрѣтеніе и обезпеченіе себя запасомъ, о которомъ весьма полезно позаботиться, какъ это сдѣлали другіе. Но далѣе этого они не идутъ, и ни прежнія, ни настоящія ихъ произведенія не обнаруживаютъ потребности и способности созерцать міръ отвлеченный изъ-за предѣловъ чувственнаго міра и міръ фантазіи изъ-за предѣловъ реальнаго міра.

Напротивъ, они всегда преуспѣвали и теперь преуспѣваютъ во всѣхъ искусствахъ, называемыхъ полезными. «Первые по ту сторону Альпъ, говоритъ Гвиччіардини, они изобрѣли шерстяныя ткани». До 1404 года они одни умѣли ткать и выдѣлывать ихъ; Англія снабжала ихъ шерстью; англичане умѣли еще только разводить и стричь овецъ. Къ концу XVI-го вѣка, единственный въ Европѣ примѣръ—«почти всѣ они, даже крестьяне, умѣютъ читать и писать; большая часть знаетъ кромѣ того «основанія грамматики». Такимъ образомъ, школы риторовъ, т. е. общества краснорѣчія и театральнаго представленія, находились даже въ мелкихъ селахъ. Это доказываетъ, до какой степени совершенства довели они у себя образованіе. «Они обладаютъ, говоритъ Гвиччіарди«ни, особеннымъ талантомъ и ловкостью въ дѣлѣ изо«брѣтенія разнаго рода машинъ, годныхъ и весьма по«лезныхъ, для облегченія, ускоренія и совершенства все«го того, что они дѣлаютъ, даже по части кухни». Говоря правду, они съ итальянцами первые достигли въ Европѣ благосостоянія, богатства, безопасности, свободы, удобства и всѣхъ благъ, которыя представляются намъ удѣломъ по преимуществу новѣйшаго времени. Въ

XIII-мъ вѣкѣ, Брюгге стоилъ Венеціи; въ XVI столѣтіи, Антверпенъ былъ промышленной и коммерческой столицей сѣвера. Гвиччіардини не можетъ достаточно нахвалиться имъ, а онъ видѣлъ его уже въ полномъ упадкѣ, послѣ страшной осады 1585 года. Въ XVII столѣтіи, Голландія остается свободною и въ теченіе всего столѣтія занимаетъ мѣсто, какое имѣетъ, въ настоящее время, у насъ Англія; Фландрія нѣсколько разъ попадаетъ въ руки испанцевъ, попирается во всѣхъ войнахъ Людовика XIV, отдается на жертву Австріи, служитъ мѣстомъ сраженія для всѣхъ войнъ французской революціи, но при всемъ томъ ни разу не становится ниже по положенію Италіи или Испаніи; полублагосостояніе, поддерживавшееся въ ней, не смотря на раззоренія частыхъ нашествій и неловкій деспотизмъ, обнаруживаютъ энергію животворнаго ея здравомыслія и обиліе въ ней упорнаго труда.

Въ настоящее время, изъ всѣхъ европейскихъ странъ Бельгія, на одинаковомъ пространствѣ, кормитъ самое большое число жителей; она содержитъ ихъ у себя вдвое противу Франціи, и самый населенный изъ департаментовъ послѣдней, сѣверный, составляетъ кусокъ, оторванный отъ Бельгіи Людовикомъ XIV. Уже близь Лилля и Дуэ мы видимъ безконечный кругъ до конца горизонта, занятый громадной площадью цвѣтущаго огорода—плодоносный и толстый слой земли, испещренный виноградниками, полями, засѣянными макомъ и тяжелолистными бураками, надъ которыми гостепріимно раскинулся низкій сводъ теплаго неба, переполненнаго испареніями. Между Брюсселемъ и Мехельномъ начинается необъятный лугъ, то тамъ, то сямъ пересѣкаемый линіей тополей, перерѣзываемый влажными рвами и окопами,—лугъ, на которомъ круглый годъ пасется скотъ, неисчерпаемый источникъ сѣна, молока, сыру и говядины. Въ окрестностяхъ Гента и Брюгге, страна Waes—«классическая страна земледѣлія», поддерживаемая удобреніемъ, собираемымъ по всей странѣ, и тукомъ, доставляемымъ Зеландіей. Равнымъ образомъ, Голландія составляетъ пастби-

ще съ природной обработкой, которая, вмѣсто того, чтобы истощать землю, обновляетъ её, доставляетъ владѣльцамъ обиліе произведеній и приготовляетъ имъ самую питательную пищу. Въ Голландіи, въ Биклоотѣ, есть милліонныя коровы, и Нидерланды, въ глазахъ иностранца, всегда казались отечествомъ избытка и съѣстныхъ продуктовъ. Если отъ земледѣлія вы обратитесь къ промышленности, то повсюду встрѣтите умѣнье извлекать и обращать въ пользу вещи. У нихъ самыя препятствія являются содѣйствіемъ. Земля была плоска, залита водой; они воспользовались этимъ, чтобы покрыть ее каналами и желѣзной дорогой; нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого множества путей сообщенія. Недоставало имъ дровъ —они прорылись въ нѣдра земли, и бельгійскія каменноугольныя копи такъ-же богаты, какъ въ Англіи. Рѣки затрудняли ихъ своими разливами, а внутреннія озера отнимали у нихъ часть территоріи—они изсушили озера, защитились отъ рѣкъ плотинами и воспользовались жирными наносами, постепенными осадками чернозема, которыхъ полноводіе или стоячая вода распространила по поверхности ихъ страны. Каналы у нихъ замерзали—на конькахъ своихъ они дѣлаютъ зимою по пяти льё въ часъ. Море угрожало имъ—смиривши его, они воспользовались имъ для торговли со всѣми народами земнаго шара. Вѣтеръ безпрепятственно пробѣгалъ по ихъ плоской странѣ и по волнующейся поверхности океана—они употребили его, чтобы надуть паруса своихъ кораблей и привести въ движенія крылья своихъ мельницъ. Въ Голландіи, вы замѣтите, на каждомъ поворотѣ дороги, нѣсколько громадныхъ строеній во сто футовъ вышиною, съ зубчатыми колесами, машинами, помпами, предназначенными для выкачиванія излишней воды, для пилки бревенъ, для приготовленія масла. Съ палубы парахода, передъ Амстердамомъ, на сколько можетъ глазъ обнять, вы видите безконечную сѣть паутины, незамѣтную, сливающуюся тонкую бахрому корабельныхъ мачтъ, мельничныхъ крыльевъ, которыя исчерчиваютъ горизонтъ своими безконечными линіями. Побывавъ тамъ, вы вынесете впечатлѣніе,

что это—страна, сначала и до конца, сверху и до низу передѣланная рукою и искусствомъ человѣка, подчасъ на-ново выработанная во всѣхъ частяхъ на столько, чтобы стать удобной и производительной для него.

Пойдемъ далѣе, приблизимся къ человѣку и взглянемъ на первое изъ того, что окружаетъ его, взглянемъ на жилище. Въ странѣ ни одного камня; они имѣли подъ рукой лишь клейкую землю, въ которой вязли ноги людей и лошадей. Но имъ пришло въ голову пережечь ее, и такимъ путемъ они получили кирпичъ и черепицу—лучшую охрану противу сырости. Вы видите удобныя и пріятныя съ виду строенія, красныя, коричневыя и розовыя стѣны, покрытыя блестящей штукатуркой съ бѣлыми и муравлеными фасадами, которые подчасъ украшены цвѣтами и барельефами животныхъ, медальонами и колонками. Въ старыхъ городахъ, домъ часто прямо выходитъ на улицу, украшенный арками, вѣтвями и лѣпной работой, причемъ все это на верху оканчивается изображеніемъ птицы, яблока или какимъ-нибудь бюстомъ; домъ этотъ не составляетъ, какъ въ нашихъ городахъ, продолженія сосѣдняго дома, отдѣльнаго квартала одной общей казармы, но стоитъ особнякомъ, отличаясь собственнымъ своимъ характеромъ, интереснымъ и вмѣстѣ живописнымъ. Содержится все это превосходно и необыкновенно опрятно,—въ Дуэ самые бѣдные домовладѣльцы ежегодно бѣлятъ свои дома извнѣ и внутри, причемъ рабочихъ необходимо сговаривать за шесть мѣсяцевъ впередъ. Въ Амстердамѣ, Брюгге, Гентѣ и особенно въ небольшихъ городкахъ большая часть фасадовъ всегда кажутся какъ будто за ново окрашенными и подновленными весьма недавно. На каждомъ шагу моютъ и прибираютъ. Подъѣзжая къ Голландіи, вы увидите, что усиленныя заботы о поддержаніи чистоты и опрятности еще болѣе увеличиваются. Съ пяти часовъ утра служанки смываютъ троттуары. Въ окрестностяхъ Амстердама, деревушки смахиваютъ на декораціи изъ Opera-comique—до того онѣ нарядны и изумительно чисты. Есть навѣсы для коровъ, полъ которыхъ не хуже паркета, куда разрѣшается

входить только въ туфляхъ или башмакахъ, нарочно поставленныхъ для этого при входѣ; малѣйшее пятнышко показалось-бы скандаломъ или, по меньшей мѣрѣ, срамотой; коровьи хвосты приподняты маленькой веревочкой, чтобы они не могли запачкаться. Повозкамъ запрещено въѣзжать въ деревню; тротуары изъ кирпича и голубоватаго фаянса отличаются большей безукоризненностью, чѣмъ наши переднія. Осенью дѣти собираютъ по улицамъ опавшія листья, чтобы спрятать ихъ въ какую-нибудь дыру. Повсюду, въ маленькихъ комнатахъ, похожихъ на корабельныя каюты, порядокъ и расположеніе всего таковы, какъ на кораблѣ. Въ Брёккѣ, говорятъ, въ каждомъ домѣ есть одна парадная комната, въ которую входятъ только разъ въ недѣлю, чтобы смести и обтереть мебель, тотъ-часъ же самымъ аккуратнымъ образомъ запирая ее снова; въ такой сырой странѣ пятно превращается немедленно въ вредную плѣсень; человѣкъ, принужденный къ боязливой опрятности, мало по малу сживается съ нею, видитъ, что она нужна ему, и затѣмъ свыкается съ ея господствомъ. Но вы съ удовольствіемъ увидите въ какой-нибудь маленькой улицѣ Амстердама, въ самой несчастной лавченкѣ, ея темноватыя бочки, ея чистенькую конторку, опрятныя скамейки, каждую вещь на своемъ мѣстѣ, ни малѣйшій уголокъ не пропадаетъ даромъ, все расположено съ толкомъ и удобно. Еще Гвиччіардини замѣтилъ, что «ихъ дома и «платья чисты, красиво, хорошо устроены, что они имѣ«ютъ множество мебели, хозяйственной утвари и домаш«нихъ принадлежностей, содержимыхъ въ порядкѣ и изу«мительной опрятности—лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было «другой странѣ». Нужно видѣть удобство помѣщеній, особенно въ болѣе зажиточныхъ домахъ: ковры, клеенки для паркетовъ, экономные и теплые камины изъ желѣза или фаянса, тройныя занавѣски у оконъ, чистыя, блестящія стекла въ рамахъ, вазы съ розовыми цвѣтами и зеленой травой, пропасть бездѣлушекъ, указывающихъ на домосѣдную жизнь и дѣлающихъ ее пріятною, зеркала, расположенныя такъ, чтобы въ нихъ отражались прохо-

дящіе люди и все, что ни дѣлается на улицѣ. Каждая мелочь указываетъ на какое-нибудь неудобство, устраненное ею, потребность, удовлетворенную при посредствѣ ея, скрывающуюся въ ней забаву или необходимость—короче повсемѣстное, господство предусмотрительной дѣятельности и кропотливаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ тамъ таковъ, какимъ мы видимъ его изъ его произведенія. Составленный и сложившійся такимъ образомъ, онъ пользуется и умѣетъ пользоваться благами земными. Плодотворная земля снабжаетъ его обильной пищей, говядиной, рыбою, овощами, масломъ, водкой; онъ ѣстъ и пьетъ много, и германскій аппетитъ въ Бельгіи, утончаясь, но не уменьшаясь, превращается въ нѣкотораго рода гастрономическую чувственность. Кухня тамъ превосходна даже въ такъ называемыхъ общихъ столахъ; она едва-ли не лучшая въ Европѣ. Въ Монсѣ есть особая гостинница, куда по субботамъ жители окрестныхъ деревушекъ нарочно собираются, чтобы пообѣдать вкуснѣе. У нихъ недостатокъ вина, но они вывозятъ его изъ Германіи и Франціи, и хвастаются тѣмъ, что имѣютъ самые лучшіе сорта его; по ихъ мнѣнію, французы плохіе цѣнители винъ; нужно быть бельгійцемъ, чтобы сберегать и содержать его какъ слѣдуетъ. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго отѣля, въ которомъ не было бы разнообразнаго и отборнаго склада винъ; складъ этотъ составляетъ его славу и лучшую приманку для публики; въ вагонѣ ведутся зачастую оживленные споры относительно достоинства двухъ соперничающихъ между собою погребовъ. Такой-то расчетливый купецъ имѣетъ зарытыми въ пескѣ своего подвала двѣнадцать тысячъ отборныхъ бутылокъ, разставленныхъ въ величайшемъ порядкѣ—это его библіотека. Такой-то бургомистръ маленькаго голландскаго городка владѣетъ бочкою настоящаго іоганнисбергена, припасеннаго въ урожайные года и увеличивающаго общее уваженіе горожанъ къ его обладателю. Тамъ какой нибудь хозяинъ, задающій обѣдъ, умѣетъ подобрать вина

такимъ образомъ, чтобы не испортить вкуса своихъ гостей и заставить ихъ выпить какъ можно побольше.— Что до пріятнаго для уха и глазъ, то и въ этомъ отношеніи они понимаютъ дѣло столь же хорошо, какъ и все, что относится до дворца и желудка. Они инстинктивно любятъ музыку, до пониманія которой мы доходимъ лишь путемъ воспитанія. Въ XVI вѣкѣ, они являются первенствующими въ этомъ искусствѣ; Гвиччіардини говоритъ, что ихъ пѣвцы и музыканты на расхватъ забирались во всѣ дворы христіанскихъ государей; за границею ихъ профессора составляютъ особую школу, а сочиненія послѣднихъ имѣютъ силу закона. Теперь еще великое музыкальное дарованіе, способность пѣть съ голоса, встрѣчается между ними даже у простолюдиновъ; рудокопы-угольщики составляютъ хоровыя общества; я слышалъ рабочихъ въ Брюсселѣ и Антверпенѣ, конопатчиковъ и матросовъ въ Амстердамѣ, какъ они распѣваютъ хоромъ за работой или возвращаясь по улицѣ вечеромъ домой. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго города въ Бельгіи, въ которомъ часы съ боемъ, устроенные на какой-нибудь башнѣ, каждыя четверть часа не забавляли-бы ремесленника у его станка, горожанина въ его лавкѣ странными гармоніями своихъ металлическихъ звуковъ. Равнымъ образомъ, ихъ городскіе отѣли, фасады домовъ, даже старинныя кружки для питья, своими замысловатыми украшеніями, своими пересѣкающимися линіями, ихъ своеобразнымъ и подчасъ фантастическимъ замысломъ, пріятны для глазъ. Прибавьте къ этому чистый и хорошо расположенный цвѣтъ кирпичей, составляющихъ стѣны, роскошные, темноватые и красные оттѣнки, выдѣляемые среди бѣлыхъ фасадовъ отъ окрашенныхъ крышъ; несомнѣнно, что нидерландскіе города, въ своемъ родѣ, столь-же живописны, какъ и города Италіи. Они всегда любили храмовые праздники, городскія торжества, шествія корпорацій, пышность и выставку костюмовъ и тканей; я покажу вамъ чисто итальянское великолѣпіе шествій и церемоніаловъ XV и XVI столѣтій. Жители лакомки столько-же, какъ и обжоры въ дѣлѣ благосостоянія;

правильно, покойно, безъ энтузіазма и горячности соединяютъ они всѣ пріятныя гармоніи вкуса, звуковъ, красокъ и формъ, которыя выростаютъ изъ среды ихъ благоденствія и богатства, какъ роскошные тюльпаны изъ рыхлой земли. Все это отзывается здравомысліемъ не слишкомъ далекимъ и счастіемъ нѣсколько грубоватымъ; у француза все это скоро вызвало-бы зѣвоту, и онъ былъ-бы неправъ. Цивилизація эта, кажущаяся ему чѣмъ-то грубо-откормленнымъ и вульгарнымъ, имѣетъ единственную заслугу. Она здорова; люди, живущіе здѣсь, обладаютъ даромъ, болѣе всего недостающимъ намъ— благоразуміемъ, и наградой, которую мы не заслуживаемъ вовсе—довольствомъ.

III.

Искусство. — Низшая степень развитія живописи у другихъ германскихъ племенъ.—Причины ея слабости въ Германіи и Англіи.—Превосходство живописи въ Нидерландахъ.—Причины такого превосходства. — Его характеристическія черты. — Въ чемъ именно она германская.—Въ чемъ она народна.—Преобладаніе колорита.—Причина этого преобладанія.—Сходство между климатомъ Венеціи и климатомъ Нидерландовъ.—Различіе между этими двумя климатами. — Соотвѣтствующія сходства и отличія у самихъ живописцевъ.—Рубенсъ и Рембрандтъ.

Таковъ въ этой странѣ растеніе-человѣкъ; намъ остается еще посмотрѣть искусство — его цвѣтъ. Единственная изъ всѣхъ вѣтокъ на стволу, растеніе это произвело полный цвѣтъ; живопись, столь счастливо и естественно развивающаяся въ Нидерландахъ, не имѣла никакого успѣха у другихъ германскихъ племенъ, а причина такого чуднаго предпочтенія заключается въ національномъ характерѣ, который мы пытались выставить.

Чтобы понимать и любить живопись, необходимъ глазъ чуткій относительно формъ и красокъ, необходимо, чтобы человѣку, независимо отъ воспитанія и навыка, пріятно было видѣть одинъ тонъ при другомъ, чтобы онъ обладалъ извѣстной тонкостью къ оптическимъ ощущеніямъ; истинный живописецъ способенъ забыться передъ богатымъ сліяніемъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ, предъ потуханіемъ свѣта, постепенно темнѣющаго, играя красками, предъ оттѣнками шелка или атласа, который въ своихъ изгибахъ, складкахъ или промежуткахъ принимаетъ отблескъ опала, отсвѣчиваетъ зеркальнымъ блескомъ

или лоснится неуловимыми голубоватыми тѣнями. Глазъ—такая-же лакомка, какъ и ротъ, а живопись есть изысканное блюдо, подносимое ему. Вотъ почему Германія и Англія никогда не имѣли великой живописи.—Въ Германіи чрезмѣрное преобладаніе чистыхъ идей не оставило мѣста чувственности глаза. Первая Кёльнская школа рисовала не тѣла, но мистическія, набожныя и нѣжныя души. Великій германскій художникъ XVI вѣка, Альбертъ Дюреръ, хотя и зналъ произведенія итальянскихъ мастеровъ, тѣмъ не менѣе сохранилъ свои уродливыя формы, угловатыя складки, безобразную наготу, тусклый колоритъ, дикія, грустныя или мертвенныя лица; причудливая фантазія, глубокое религіозное чувство, смутныя философскія гаданія, проглядывающія въ его произведеніяхъ, обличаютъ умъ, который не въ состояніи удовольствоваться одной формой. Взгляните въ Луврѣ на небольшое изображеніе Христа, работы Вольгемута, его учителя, и Еву Луки Кранаша, современника его: вы почувствуете, что люди, составляющіе такія группы и такія тѣла, рождены для теологіи, а не для живописи. И теперь еще внутреннюю сторону они понимаютъ и ставятъ выше, чѣмъ внѣшнюю; Корнеліусъ и мюнхенскіе художники считаютъ главнѣе всего идею, а исполненію отводятъ второстепенное мѣсто; художникъ создаетъ общій планъ картины, пишетъ-же ее ученикъ; всецѣло символическое и философское произведеніе ихъ имѣетъ цѣлью обратить мысль зрителя на какую-нибудь великую нравственную или спеціальную истину. Равнымъ образомъ, Овербекъ имѣетъ цѣлью назиданіе и проповѣдуетъ сантиментальный аскетизмъ; точно также и Кнауссъ—до того ловкій психологъ, что картины его являются идилліями или комедіями.

Что касается англичанъ, то до XVIII-го столѣтія они ограничивались только привозомъ къ себѣ иностранныхъ картинъ и живописцевъ. Въ этой странѣ темпераментъ слишкомъ воинственъ, воля слишкомъ крѣпкая, умъ слишкомъ утилитаренъ, самъ человѣкъ слишкомъ очерствѣлъ, слишкомъ далеко зашелъ въ извѣст-

номъ направленіи, слишкомъ надломанъ, чтобы отстать отъ всего этого и найти наслажденіе въ прекрасныхъ и тонкихъ оттѣнкахъ контуровъ и цвѣтовъ. Ихъ національный живописецъ Гогартъ рисовалъ лишь нравственныя каррикатуры. Другіе, какъ напр. Вильки, употребляютъ свои кисти для того, чтобы сдѣлать видимыми характеры и чувства; даже въ пэйзажѣ они изображаютъ душу; тѣлесные предметы для нихъ только знаки и *внушеніе*. Это замѣтно даже въ ихъ двухъ великихъ пэйзажистахъ, Констэблѣ и Тёрнерѣ, и въ ихъ двухъ великихъ портретистахъ, Гэнсборугѣ и Рейнольдсѣ. Теперь наконецъ ихъ колоритъ отличается поразительной грубостью, а рисунокъ—мелочной буквальностью.—Одни фламандцы и голландцы любили формы и краски ради ихъ самихъ; чувство это продолжается до сихъ поръ; живописное положеніе ихъ городовъ и внутреннее убранство домовъ служатъ тому доказательствомъ, и еще очень недавно, на Парижской всемірной выставкѣ, вы могли видѣть, что истинное искусство, точная живопись философскихъ цѣлей и литературныхъ убѣжденій, способная не насилуя передать форму и не варварствуя выразить цвѣта, сохранилась лишь у нихъ, да у французовъ.

Благодаря этому національному дару, въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, при благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, они могли образовать, предъ лицемъ Италіи, великую школу живописи. Но такъ какъ они были германцы, то и школа ихъ приняла германское направленіе. Племя ихъ отличается отъ классическихъ племенъ, какъ вы видѣли, тѣмъ, что они предпочитаютъ основаніе формѣ, истинную правду—изящному украшенію, все дѣйствительное, сложное, неправильное, естественное—всему прилаженному, остриженному, очищенному и прибранному. Инстинктъ этотъ, вліяніе котораго вы замѣтили уже на ихъ религіи и литературѣ, руководитъ также и ихъ искусствомъ и въ особенности живописью. «Высокое значеніе фламандской школы, прекрасно «замѣтилъ Ваагенъ *), происходитъ отъ того, что «школа эта, чуждая всякаго иноземнаго вліянія, раскры«ваетъ предъ нами разность чувства у грековъ и герман«цевъ, двухъ племенъ, стоящихъ во главѣ цивилизаціи «древняго и новаго міра. Между тѣмъ какъ греки ста«рались идеализировать не только понятія идеальнаго «міра, но даже свои портреты, упрощая формы и отче«канивая важнѣйшія черты,—первые фламандцы, напро«тивъ, преобразовали въ портреты идеальныя олице«творенія Св. Дѣвы, Апостоловъ, Пророковъ, мучениковъ, «и усиливались передѣлать самымъ точнымъ образомъ «мельчайшія тонкости природы. Между тѣмъ какъ греки «выражали мелочи пэйзажа, рѣки, фонтаны, деревья, въ «отвлеченныхъ формахъ,—фламандцы старались изобра«жать ихъ такъ, какъ они видѣли.

*) Руководство исторіи живописи, т. I, стр. 79.

«Въ противоположность идеалу и стремленію грековъ «къ олицетвореніямъ, фламандцы создали реалистическую «школу, школу пэйзажа. Въ этомъ отношеніи, сперва «германцы, потомъ англичане, послѣдовали за ними въ «томъ-же направленіи». Прослѣдите въ какой-нибудь картинной галлереѣ всѣ чисто германскія произведенія, начиная съ Альберта Дюрера, Мартина Шёнгауера, Ванъ-Эйковъ, Гольбейна, Луки Лейде и до Рубенса, Рембрандта, Павла Поттера, Іоанна Стеена и Гогарта: если воображеніе ваше наполнено благородными итальянскими формами или изящными формами французскими, глаза ваши будутъ рѣзко поражены; вы съ трудомъ изберете себѣ точку зрѣнія, вамъ все будетъ казаться, что художникъ преднамѣренно угощаетъ васъ безобразіемъ. Правда, что его не оттолкнули отъ себя пошлости и уродливости жизни. Онъ не понимаетъ естественнымъ образомъ требованія симметріи, свободнаго и покойнаго движенія, прекрасныхъ размѣровъ, здоровья и подвижности нагихъ членовъ. Когда фламандцы, въ XVI столѣтіи, обратились къ школѣ итальянцевъ, они достигли лишь того, что испортили своеобразность своего стиля. Въ теченіе семидесяти лѣтъ терпѣливаго подражанія, они произвели на свѣтъ лишь нѣсколько уродливыхъ помѣсей. Этотъ долгій періодъ неудачи, помѣщающійся между

двумя долгими періодами полнаго превосходства, указываетъ на предѣлы и на могущество ихъ природныхъ способностей. Они не умѣли упрощать природу; имъ нужно было воспроизвести ее всецѣло. Они не сосредоточивали ее въ одномъ нагомъ тѣлѣ, они придавали одинаковое значеніе всякой внѣшности *): пэйзажамъ, зданіямъ, животнымъ, одѣяніямъ, обстановкѣ. Они не способны были понять и полюбить идеальное тѣло; они созданы для того, чтобы изобразить и представить тѣло дѣйствительное.

Установивъ это, мы легко распознаемъ, въ чемъ они отличаются отъ другихъ одноплеменныхъ съ ними мастеровъ. Я вамъ описалъ уже ихъ національный геній, столь разсудительный и столь равномѣрный, изъятый отъ всякихъ высшихъ пареній, ограниченный настоящимъ и склонный пользоваться вещами. Подобные художники не изобрѣтутъ грустныхъ лицъ, мучительно мечтательныхъ, сгибающихся подъ тяжестью жизни, упорно рѣшительныхъ какъ у Альберта Дюрера. Они не станутъ, подобно мистическимъ живописцамъ Кёльна или англійскимъ моралистамъ-живописцамъ, изображать души или характеры; въ произведеніяхъ ихъ вы не почувствуете уже несоразмѣрности между духомъ и тѣломъ. Въ плодоносной и богатой странѣ, посреди веселыхъ нравовъ, предъ спокойными, добрыми или цвѣтущими лицами, они отыщутъ образцы, соотвѣтствующіе ихъ генію. Почти всегда они рисуютъ вамъ человѣка благоденствующаго и довольнаго своей судьбой. Если они и преувеличиваютъ его, то никогда не поднимаютъ выше его земной жизни. Фламанд-

*) Въ этомъ отношеніи, весьма поучительно сужденіе Микель Анджело: «во Фландріи, говоритъ онъ, предпочитаютъ рисовать такъ называемые ими «пэйважи и множество лицъ то тамъ, то сямъ... Тутъ нѣтъ ни смысла, ни «искусства, нѣтъ размѣра и симметріи, ни малѣйшей заботы о выборѣ сюже«та, никакого величія... Если я отзываюсь такъ дурно о фламандской жи«вописи, то это еще не значитъ, чтобы она была совершенно плоха; *но «она хочетъ передать въ совершенствѣ столько предметовъ, изъ кото«рыхъ достаточно было бы и одного—до того они важны*, что ни одного «не выполняетъ *удовлетворительнымъ образомъ*».—Такъ и видѣнъ здѣсь итальянскій классическій *всеупрощающій* геній!

ская школа XVII столѣтія только расширяетъ его инстинкты, страсти, его силу и веселье. Чаще всего они оставляютъ его такимъ, какъ онъ есть: голландская школа ограничивается воспроизведеніемъ спокойствія мѣщанскаго дома, удобства лавочки или фермы, веселья прогулокъ и трактировъ, всѣхъ мелкихъ наслажденій невозмутимой и правильной жизни. Ничего не можетъ быть соотвѣтственнѣе для живописи; избытокъ мысли и чувства вреденъ ей. Подобные сюжеты, обработанные такимъ умомъ, составляютъ произведенія съ рѣдкой гармоніей; образцы ихъ мы видимъ у однихъ грековъ, да у нѣсколькихъ великихъ художниковъ итальянскихъ; одной ступенью ниже, нидерландскіе живописцы поступаютъ подобно имъ: они изображаютъ намъ типъ человѣка совершеннаго въ своемъ родѣ, сжившагося съ своей обстановкой и потому счастливаго безъ особыхъ усилій.

Остается разсморѣть еще одинъ пунктъ. Одною изъ главнѣйшихъ заслугъ этой живописи составляетъ превосходство и нѣжность колорита. Это потому, что воспитаніе глаза во Фландріи и Голландіи находилось при исключительныхъ условіяхъ. Страна представляетъ сырую дельту, какъ По, и потому города Брюгге, Гентъ, Антверпенъ, Амстердамъ, Роттердамъ, Гага, Утрехтъ, своими рѣками, каналами, моремъ и атмосферой похожи на Венецію. Здѣсь, какъ въ Венеціи, природа сдѣлала человѣка колористомъ. Замѣтьте различный видъ, какой принимаютъ предметы, смотря потому, находитесь-ли вы въ сухой странѣ, какъ Провансъ и окрестности Флоренціи, или въ сырой долинѣ, какъ Нидерланды. Въ сухой странѣ, линія преобладаетъ и прежде всего привлекаетъ вниманіе; горы обозначаются на небѣ архитектурными громадами благороднаго и величественнаго вида и всѣ предметы острыми краями своими возвышаются въ чистомъ воздухѣ. Здѣсь плоскій горизонтъ не принимаетъ никакого участія, а очертанія предметовъ смягчены, растушеваны, заслонены непроницаемымъ паромъ, который вѣчно стоитъ въ воздухѣ; тѣни преобладаютъ надъ всѣмъ. Пасущаяся корова, крыша посреди луга, человѣкъ, опер-

шійся на перила, являются какъ тѣнь посреди другихъ тѣней. Предметъ какъ будто выходитъ изъ своего мѣста; онъ не сразу выдѣляется, окаймленный рѣзцомъ, изъ среды окружающей его обстановки; вы невольно поражены его моделемъ, т. е различными степенями послѣдовательнаго свѣта и разнообразными пониженіями тѣни, которыя общій колоритъ его превращаютъ какъ бы въ рельефъ и даютъ глазамъ ощущеніе его толщины *). Вамъ нужно провести нѣсколько дней въ странѣ, чтобы почувствовать это подчиненіе линіи тѣнямъ. Изъ каналовъ, изъ рѣкъ, съ моря, съ напоенной земли вѣчно поднимается голубоватый или сѣрый паръ, повсемѣстный туманъ, окружающій предметы какимъ-то влажнымъ газомъ, даже въ ясные дни. Вечеромъ и утромъ, стелющійся дымъ, бѣлыя хлопья тонкой дымки носятся по лугамъ. Я часто останавливался на набережной Шельды, глядя на громадную массу бѣловатой воды, слегка подернувщейся рябью, въ которой полощутся чернѣющія изъ подъ нея нижнія части суднъ. Рѣка блеститъ, и по ея плоской поверхности мерцаніе свѣта отражается то тамъ, то сямъ слабымъ рефлексомъ. По всему горизонту безпрерывно поднимаются облака, и ихъ блѣдно-свинцовый цвѣтъ, ихъ какъ бы окаменѣлое теченіе наводятъ на мысль о цѣломъ полчищѣ привидѣній: это привидѣніе сырой страны, вѣчно возрождающейся, призраки, разносящіе вѣчный дождь. На западѣ они алѣютъ, и ихъ чревастая масса, вся сіяющая золотомъ, напоминаетъ золотыя мантіи, парчевыя симарры, узорчатые шелки, кото-

*) В. Бюргеръ, Музеи въ Голландіи, 206. «Въ красотѣ сѣвера васъ поражаетъ самый модель, но не линіи. На сѣверѣ форма обозначается не контуромъ, а рельефомъ. Природа, чтобы выразить себя, не прибѣгаетъ собственно къ рисунку. Гуляя часъ въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ, вы встрѣчаете правильно сложенныхъ женщинъ, общее строеніе которыхъ напоминаетъ греческую статую, а профиль—греческія камеи. Вы проживете круглый годъ въ Антверпенѣ, и не встрѣтите ни одной формы, которая навела бы на мысль передать ее при посредствѣ контура, но скорѣе помощью выпуклостей, выразить которыя можетъ только краска.. Предметы никогда не представляются въ силуэтѣ, но, такъ сказать, въ полномъ ихъ составѣ.

рыми Іордаенсъ и Рубенсъ облекаютъ своихъ окровавленныхъ мучениковъ, своихъ страдальческихъ мадоннъ. Въ самомъ низу неба, солнце кажется громаднымъ раскаленнымъ углемъ, потухающимъ и дымящимся.—Когда вы пріѣзжаете въ Амстердамъ или Остенде, впечатлѣніе усиливается; море и небо являются безформенными; туманъ и страшный ливень чередуются другъ съ другомъ, оставляя въ памяти однѣ краски. Вода мѣняетъ цвѣтъ каждые полчаса—то подобна бѣлому вину, то бѣла какъ мѣлъ, то желтовата, какъ разбавленный известковый растворъ, то черна какъ разведенная сажа, подчасъ траурно-фіолетоваго цвѣта, испещреннаго изсѣра-зеленоватыми полосами. Чрезъ нѣсколько дней, опытъ оконченъ; подобная природа придаетъ значеніе только оттѣнкамъ, контрастамъ, гармоніи цвѣтовъ, короче—тутъ могутъ играть роль лишь тѣни.

Съ другой стороны, тѣни эти отличаются полнотой и богатствомъ. Сухая страна непривлекательна по наружности; южная Франція, вся гористая часть Италіи оставляютъ въ глазѣ лишь ощущеніе сѣрой и желтоватой шахматной доски. Къ тому же, всѣ тѣни отъ поверхности земли и отъ домовъ поглощаются преобладающей яркостью неба и повсемѣстнымъ освѣщеніемъ воздуха. Говоря правду, какой-нибудь южный городъ, провансальскій или тосканскій пэйзажъ—не болѣе какъ простой рисунокъ; при помощи бѣлой бумаги, рашкуля и слабыхъ красокъ цвѣтныхъ карандашей его можно передать вполнѣ. Напротивъ, въ странѣ сырой, какъ Нидерланды, земля покрыта зеленью, и множество животныхъ оттѣнковъ разнообразятъ одноформенную наружность равнины: то —черноватый или темно-коричневый цвѣтъ влажной вспаханной нивы, то ярко-красный цвѣтъ черепицъ и кирпичей, бѣлый или розовый блескъ фасадовъ, бурое пятно отъ прилегшихъ стадъ, или наконецъ блистающія струи каналовъ и рѣкъ. И тѣни эти не ослабляются чрезмѣрной яркостью неба. Совершенно противоположно сухой странѣ здѣсь не небо, а земля имѣетъ преобладающее зна-

ченіе. Въ особенности въ Голландіи *), въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, «воздухъ совершенно не прозраченъ; «какая-то тусклая завѣса, протянутая между землею и не«бомъ, не пропускаетъ ни одного луча... Зимою, мракъ, «казалось, падаетъ сверху». Поэтому богатыя краски, которыми украшены земные предметы, остаются безъ соперниковъ.—Къ силѣ ихъ присоедините ихъ оттѣнки и ихъ подвижность. Въ Италіи извѣстная тѣнь остается въ одномъ и томъ-же положеніи; неизмѣняемый свѣтъ неба поддерживаетъ ее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, вчера такою-же, какъ и сегодня. Возвращаясь, вы найдете ее такою-же, какою положили на своей палитрѣ мѣсяцъ тому назадъ. Во Фландріи она безпрерывно мѣняется съ измѣненіями свѣта и окружающихъ испареній. Здѣсь еще разъ я хотѣлъ-бы привести васъ въ страну, чтобы вы сами почувствовали свеобразую красоту городовъ и пейзажа. Краснота кирпичей, лоснящійся блескъ фасадовъ пріятны для глазъ, потому что они смягчаются въ сѣроватомъ воздухѣ. На очищенной глубинѣ неба длинными тѣнями отражаются остроконечныя черепичныя кровли всѣ рѣзко-темнаго цвѣта, то тамъ, то сямъ готическая верхушка колокольни, гигантская башня, убранная затѣйливыми колоколеньками и античными изображеніями животныхъ. Часто зубчатыя рѣшетки печныхъ трубъ и верхушекъ крышъ, лоснясь, отражаются въ каналѣ или въ рукавѣ рѣки. Внѣ города, какъ и въ самомъ городѣ, все можетъ служить содержаніемъ картины: остается только сѣсть и копировать. Общая деревенская зелень не груба и не однообразна; она оттѣняется различными степенями зрѣлости листьевъ и травъ, различной плотностью и безпрерывными измѣненіями тумана и облаковъ. Чтобы дополнить или оттѣнить эту зелень, есть чернота тучъ, которыя мгновенно разражаются проливнымъ дождемъ, есть сѣрый цвѣтъ разрывающагося или разсѣивающагося тумана, густо голубоватая сѣть, облекающая собою окрестную даль, мерцанія свѣта, остано-

*) В. Бюргера. Ibid., стр. 213.

вившагося на улетающихъ испареніяхъ, подчасъ ослѣпительный блескъ какого-нибудь неподвижнаго облака, или нѣсколько мгновенно образовавшихся щелей, сквозь которыя проглядываетъ лазурь. Небо, столь полное и подвижное, до того способное соглашать, измѣнять и выказывать оттѣнки земли, составляетъ лучшую школу для колориста. Здѣсь, какъ и въ Венеціи, искусство послѣдовало за природой, и рука рѣшительно была направлена ощущеніемъ, которое получилъ глазъ.

Но если сходство климата доставило глазу венеціанца и нидерландца сходное воспитаніе, то и различія въ климатахъ обнаружились различіемъ въ воспитаніи. Нидерланды расположены на триста льё сѣвернѣе Венеціи. Воздухъ тамъ холоднѣе, дожди чаще, солнце больше бываетъ подернуто тучами. Отсюда естественный рядъ красокъ, вызывающій и соотвѣтственный рядъ въ искусствѣ. Такъ какъ полное освѣщеніе тамъ рѣдко, то и предметы рѣже носятъ на себѣ отпечатокъ солнца. Вы не встрѣтите тамъ позлащенныя тѣни, чудные алые отливы, столь часто замѣчаемые на памятникахъ въ Италіи. Море никогда не бываетъ сѣро-зеленымъ, шелковистымъ, какъ на лагунахъ въ Венеціи. Луга и деревья не имѣютъ того сильнаго и мощнаго цвѣта, какимъ отличается зелень въ Веронѣ или въ Падуа. Трава вялая и поблекшая, вода бѣловатая или грязная, тѣло блѣдное, то слегка розоватое, на подобіе цвѣтка, укрытаго въ тѣни, то красное отъ вліянія всякихъ атмосферическихъ невзгодъ или отъ чрезмѣрной пищи, чаще желтоватое, вялое, подчасъ безжизненное, а въ Голландіи восковаго цвѣта. Ткани живаго существа, человѣка, животнаго, растенія, получаютъ слишкомъ много воды, а солнечнаго зноя имъ недостаетъ. Вотъ почему, сравнивъ обѣ школы живописи, мы находимъ между ними различіе въ общемъ колоритѣ. Прослѣдите въ какомъ-нибудь музеѣ венеціанскую школу, потомъ школу фламандскую; перейдите отъ Каналетто и Гуарди къ Рюисдалю, Павлу Поттеру, Гоббема, Адріену ванъ-денъ-Вельду, Теньеру, ванъ-Остаду, отъ Тиціана и Веронеза къ Рубенсу, Ванъ-Ди-

ку и Рембрандту, и провѣрьте ощущеніе вашихъ глазъ. Отъ первыхъ до послѣднихъ колоритъ теряетъ часть своего жара. Тѣни черныя, темно-красныя, темно-зеленыя исчезаютъ; пламенный жаръ, окружавшій венеціанцевъ, скрывается; тѣло принимаетъ молочную или снѣжную бѣлизну; темный пурпуръ занавѣсовъ свѣтлѣетъ, блѣдные шелки отдѣляютъ оттѣнки болѣе холодные. Черная тѣнь, какую густо оставляла листва, могучій пурпуръ, позлащавшій освѣщенную солнцемъ даль, цвѣта: мрамора въ жилахъ, аметиста и сапфира, которыми отсвѣчивались воды, исчезаютъ, уступая мѣсто матовой бѣлизнѣ нависшихъ испареній, синеватому свѣту сырыхъ сумерекъ, пепельному отблеску моря, грязно-мутному цвѣту рѣкъ, поблѣднѣвшей зелени окрестностей, сѣрому воздуху, занимающему фонъ картины.

Между этими новыми тѣнями устанавливается новая гармонія.—То полный свѣтъ обливаетъ предметы; они не привыкли къ нему; и зеленая деревушка, красныя крыши, лоснящіеся фасады, блестящее тѣло, въ которомъ кровь цвѣтетъ, имѣютъ тогда необыкновенный блескъ. Они назначены были для сѣренькаго дня въ сѣверной и сырой странѣ; ихъ не видоизмѣнило, какъ въ Венеціи, медленное жженіе солнца; подъ такимъ разлитіемъ свѣта, тѣни ихъ становятся слишкомъ живы, почти рѣзки; онѣ дрожатъ всѣ вмѣстѣ какъ пламя газоваго рожка, и составляютъ въ душѣ и чувствахъ впечатлѣніе энергическаго и шумнаго веселья. Таковъ колоритъ фламандскихъ живописцевъ, которые любятъ полный свѣтъ; лучшій образецъ его вы видите въ произведеніяхъ Рубенса; если реставрированныя картины его въ Луврѣ представляютъ намъ его созданіе въ такомъ видѣ, въ въ какомъ оно вышло изъ рукъ своего творца, то можно положительно сказать, что онъ не щадилъ глазъ; во всякомъ случаѣ, колоритъ его не отличается полной и нѣжной гармоніей венеціанцевъ; у него соединены самыя рѣзкія крайности; снѣжная бѣлизна тѣла, кровавая краснота занавѣса, ослѣпительный блескъ шелка остаются во всей своей силѣ: ихъ не сократили, не смягчили

не облекли, какъ въ Венеціи, прозрачной тѣнью, которая мѣшаетъ столкновенію контрастовъ и уменьшаетъ рѣзкость впечатлѣнія.—То, напротивъ, освѣщеніе тускло или почти ничтожно: это случай весьма частый, особенно въ Голландіи; предметы едва выдѣляются отъ тѣни; они почти сливаются съ окружающимъ ихъ пространствомъ; вечеромъ, въ подвалѣ, при лампѣ, въ комнаткѣ, куда едва проскальзываетъ изъ окна умирающій лучъ, они стираются, являясь лишь болѣе темными пятнами на черномъ фонѣ. Вы напрягаете глазъ, чтобы уловить эти оттѣнки мрака, смутные остатки дня, сливающіеся съ тѣнью, послѣдніе слѣды свѣта, удержавшіеся на блестящей поверхности мебели, отблескъ зеленоватаго стекла, шитье, жемчугъ, нѣсколько крупинокъ золота, виднѣющихся отъ какого нибудь ожерелья. Выработавъ въ себѣ чувствительность къ такимъ тонкостямъ, живописецъ, вмѣсто того, чтобы сближать крайности въ общемъ ряду оттѣнковъ, избираетъ одни начальные цвѣта; вся картина его, за исключеніемъ одного мѣста, находится въ тѣни; концертъ, какой онъ даетъ намъ, есть постоянная игра подъ сурдиной, среди которой раздается подчасъ рѣзкое fortissimo. Такимъ образомъ, онъ открываетъ безконечныя гармоніи, гармоніи полусвѣта, гармоніи модели, гармоніи души, пронзительныя безконечныя гармоніи; помощью смѣси изъ грязно-желтой краски, краски цвѣта виннаго отстоя, грязно-сѣрой, тускло-черной, то тамъ, то сямъ оживляемой какимъ-нибудь свѣтлымъ пятнышкомъ, онъ успѣваетъ затронуть самыя сокровенныя части нашего существа. И это составляетъ послѣднее изъ великихъ открытій живописи; при посредствѣ его-то, живопись, въ настоящее время, лучше всего говоритъ душѣ современнаго человѣка, и таковъ колоритъ, котораго природное освѣщеніе Голландіи предоставляло въ распоряженіе генію Рембрандта.

Вы видѣли зерно, растеніе и цвѣтъ. Племя съ характеромъ совершенно противоположнымъ романскимъ народамъ добываетъ себѣ подлѣ нихъ и рядомъ съ ними мѣсто на землѣ. Между многочисленными народами это-

го племени, находится одинъ народъ, въ которомъ особенности его территоріи и климата развиваютъ исключительный характеръ, вырабатывающій въ немъ наклонность къ искусству и къ извѣстному роду искусства. Въ народѣ этомъ живопись раждается, существуетъ, достигаетъ полноты, и окружающая ее физическая среда, подобно вызвавшему ее къ жизни національному генію, даютъ и опредѣляютъ этой живописи ея сюжеты, ея типы и ея колоритъ. Таковы отдаленныя подготовленія, глубокія причины, общія условія, давшія пищу этому источнику, направившія эту растительность и произведшія окончательное процвѣтаніе. Теперь намъ остается только изложить историческія обстоятельства, разнообразіе и послѣдовательность которыхъ вызвали соотвѣтствующія и разнообразныя фазы этого великаго процвѣтанія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЭПОХИ.

I.

Первая эпоха.—Фландрія въ XIV-мъ столѣтіи. — Энергія характеровъ.—Благосостояніе городовъ.—Упадокъ аскетическаго и экклезіастическаго духа.—Великолѣпіе и чувственность.—Бургундскій дворъ и праздники въ Лиллѣ.—Потребность живописнаго.—Сходство и различіе между Фландріей и Италіей.—Сохраненіе во Фландріи религіознаго и мистическаго чувства. — Соотвѣтствіе между характеристическими чертами искусства и среды.—Прославленіе настоящей жизни и Христіанской вѣры.—Типы, рельефное изображеніе, пэйзажъ, костюмъ, сюжеты, выраженіе со времени Губерта Ванъ-Эйка и до Квинтина Мессиса.

Въ нидерландской живописи мы находимъ четыре отдѣльные періода и, въ силу какой-то замѣчательной случайности, каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ особый историческій періодъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, искусство переводитъ жизнь; способность и вкусъ живописца измѣняются въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ-же направленіи съ нравами и чувствами общества. Подобно тому какъ всякій значительный геологическій переворотъ приноситъ съ собою свою особую флору и фауну,—точно также и каждое значительное общественное и умственное измѣненіе приноситъ съ собою и свои идеалы. Въ этомъ отношеніи наши картинныя галереи подобны

естество-научнымъ кабинетамъ, потому что созданія воображенія, какъ и живыя формы, составляютъ, въ одно и тоже время, произведенія и представителей своей среды.

Первый періодъ въ искусствѣ продолжается около полутора столѣтія, начиная съ Губерта Ван—Эйка и до Квинтина Мессиса (1400—1530). Исходнымъ моментомъ ему было Возрожденіе, т. е. широкое развитіе благосостоянія, богатства и ума. Здѣсь, какъ и въ Италіи, города рано достигли процвѣтанія и рано сдѣлались почти свободными. Я говорилъ вамъ, что въ XIII-мъ столѣтіи рабство было уничтожено во Фландріи и что гильды для добыванія соли, «для обработки тинистыхъ пространствъ земли», начинаются еще при римлянахъ. Уже съ VII-го и IX-го столѣтія, Брюгге, Антверпенъ и Гентъ были «портовыми городами» или рынками, обладающими извѣстными привиллегіями; тамъ ведется большая торговля; жители занимаются китовой ловлей; это складочное мѣсто для всего сѣвера и юга. Люди богатые, хорошо снабженные оружіемъ и продовольствіемъ, своими товариществами и своею дѣятельностью пріученные къ предусмотрительности и предпріимчивости, болѣе способны защитить себя, чѣмъ жалкіе рабы, разбросанные по непокрытымъ лачужкамъ. Ихъ большіе, населенные города, узкія улицы, ихъ плодородная деревня, пересѣченная глубокими каналами,—слишкомъ неудобное поле для кавалеріи бароновъ *). Вотъ почему феодальная сѣть, давившая и тяготѣвшая надѣ всей Европой, должна была во Фландріи расширить свои петли.

Напрасно графъ призываетъ къ себѣ на помощь короля Франціи, своего сюзерена, напрасно выводитъ противу городовъ всю свою панцырную кавалерію. Побѣжденные подъ Монсъ-Анъ-Пуэллетомъ, подъ Касселемъ, подъ Розбекомъ, подъ Гавромъ, подъ Люттихомъ, они поднимаются снова и, переходя отъ возстанія къ возстанію, успѣваютъ удержать за собой лучшую часть своихъ вольностей, вплоть до государей изъ Австрійскаго дома. XIV-е столѣтіе—это героическая и трагическая эпоха Фландріи. Она имѣетъ пивоваровъ, какихъ-нибудь Артевельдовъ, которые являются трибунами, диктаторами, капитанами и кончаютъ жизнь на полѣ битвы или подъ ножемъ убійцъ; гражданская война присоединяется тамъ къ внѣшней войнѣ; дерется городъ съ городомъ, одинъ ремесленный цехъ съ другимъ, человѣкъ съ человѣкомъ; въ теченіе одного года насчитываютъ до полуторы тысячи убійствъ въ Гентѣ; энергія такъ живуча, что она выноситъ всѣ страданія и оказывается достаточною для всякихъ усилій. Они ложатся десятками тысячъ на полѣ битвы и толпами падаютъ подъ оружіемъ, не уступая ни шагу. «И не надѣйтесь на возвратъ, если вы вернетесь безъ чести», говорили жители Гента нѣсколькимъ тысячамъ волонтеровъ Филиппа Артевельда; «ибо какъ только мы услышимъ, что вы убиты или понесли пораженіе, то зажгемъ городъ и сами уничтожимъ себя» *). Въ 1384 году, въ странѣ четырехъ ремеслъ, арестанты отказывались отъ жизни, говоря, что по смерти кости ихъ поднимутся противъ Французовъ. Спустя полустолѣтіе, вокругъ возставшаго Гента, «крестьяне предпочитали скорѣе умереть, чѣмъ попросить пощады, говоря, что они умрутъ въ честномъ бою и будутъ мученики за правое дѣло». Въ этихъ многолюдныхъ муравейникахъ, обиліе пищи и привычка къ самодѣятельности поддерживаютъ храбрость, буйность, отвагу, даже дерзость, всѣ крайности громадной и грубой силы; подъ этой сѣтью есть люди, а если мы находимъ людей, то можно надѣяться скоро открыть и искусства.

Въ такое время достаточно бываетъ и одной минуты благосостоянія; взращенное подъ этимъ лучемъ солнца, процвѣтаніе развивается съ полной силою. Въ концѣ XIV-го столѣтія, Фландрія была, вмѣстѣ съ Италіей, са-

*) Сраженіе при Куртрай, 1320.

*) Фруассаръ.

мой промышленной, самой богатой, самой цвѣтущей страной въ Европѣ *). Въ 1370 году. въ Мехельнѣ и его окрестностяхъ было 3200 лицъ, занимавшихся обработкою шерсти; какой-нибудь городской купецъ тамъ ведетъ обширнѣйшую торговлю съ Дамаскомъ и Александріей, другой валансьенскій купецъ, находясь на ярмаркѣ въ Парижѣ, чтобы блеснуть своимъ богатствомъ, закупаетъ всѣ собранные тамъ товары. Гентъ, въ 1389 году, имѣлъ 189,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе; одни суконщики доставляютъ возстанію 18,000 человѣкъ; ткачи составляютъ изъ себя 27 кварталовъ, и по звуку большаго колокола сбѣгаются на рыночную площадь 52 сословія со своими знаменами. Въ 1380 году, золотыхъ дѣлъ мастера изъ Брюгге до того многочисленны, что могутъ, въ военное время, выставить цѣлый корпусъ. Не много позднѣе, Эней Сильвій говоритъ, что Брюгге— одинъ изъ трехъ красивѣйшихъ городовъ въ мірѣ; каналъ въ четыре съ половиною льё соединяетъ его съ моремъ; ежедневно туда входитъ сто кораблей; городъ этотъ тогда былъ тѣмъ, чѣмъ Лондонъ въ настоящее время.— Въ тоже время, политическое положеніе пріобрѣтаетъ нѣкотораго рода прочность. Герцогъ Бургундскій, въ 1384 году, является по наслѣдству властелиномъ Фландріи; величина владѣній послѣдней и увеличивающіяся, по причинѣ малолѣтства и безумія Карла VI, гражданскія войны освобождаютъ ее отъ Франціи; онъ не является уже, подобно древнимъ перамъ, лицомъ, зависящимъ отъ короля, имѣющимъ свою резиденцію въ Парижѣ и поджидающимъ себѣ оттуда помощи, чтобы справиться и собрать пошлины съ своихъ купцовъ во Фландріи. Сила его и несчастія Франціи доставляютъ ему независимость. Будучи принцемъ, онъ принимаетъ въ Парижѣ сторону народа и удостоивается избранія отъ мясниковъ. Будучи Французомъ, онъ придерживается Фламандской политики и щадитъ англичанъ, если не совершенно соединяется

*) Michiels, Histoire de la peinture Flamande, т. II, стр. 5.

съ ними. Конечно, изъ-за денегъ онъ не разъ поссорит-
ся еще со своими фламандцами и будетъ вынужденъ мно-
гихъ умертвить.

Но, для того, кто знаетъ волненія и насилія эпо-
хи среднихъ вѣковъ, установившійся тогда порядокъ
и согласіе казались достаточными; во всякомъ случаѣ,
они лучше теперь, чѣмъ когда либо прежде. Съ этихъ
поръ, подобно тому, какъ это было во Флоренціи, въ 1400
году, власть прививается и общество начинаетъ прини-
мать болѣе стройный видъ; съ этихъ поръ, подобно тому,
какъ это было въ Италіи въ 1400 году, человѣкъ оста-
вляетъ царство аскетизма и начинаетъ интересоваться
природой, пользоваться благами жизни. Древній гнётъ
поослабъ въ значительной степени; человѣкъ начинаетъ
любить силу, здоровье, красоту, веселье. Со всѣхъ сто-
ронъ средневѣковой духъ начинаетъ испаряться и пере-
образовываться. Изящная, утонченная архитектура пре-
вращаетъ камень въ кружево и обвѣшиваетъ свои церк-
ви узорчатыми крылами, крестообразными гирляндами ли-
стьевъ, перевитыми и изогнутыми средниками у оконъ,
такъ что рѣзное, украшенное цвѣтами и залитое золотомъ
зданіе представляется какъ-бы чудной, романтической
игрушкой, произведеніемъ скорѣе фантазіи, чѣмъ вѣры,
скорѣе дѣйствующимъ ослѣпительно на человѣка, чѣмъ вы-
зывающимъ набожное расположеніе духа. Равнымъ обра-
зомъ, рыцарство становится великолѣпнымъ празднествомъ.
Дворянство стекается ко двору Валуа, отдается забавамъ,
«краснобайству», въ особенности «краснобайству любов-
ному». У Чосера и Фруассара вы можете видѣть ихъ ве-
ликолѣпіе, ихъ турниры, церемоніальныя шествія и пиры,
новое господство шутливости и моды, всѣ порожденія
ихъ обезумѣвшаго отъ любви и распущеннаго воображе-
нія, необычайные и причудливые наряды: платья въ двѣ-
надцать аршинъ длиною, узко обтягивающіе ногу чулки
и богемскія куртки съ рукавами до земли; обувь, окан-
чивающаяся когтями, рогами и хвостами скорпіоновъ;
полы съ вышитыми буквами, животными, музыкальными
нотами, такъ что можно читать и распѣвать пѣсню со

спины обладателя такого костюма; шапочки, убранныя золотой листвой и животными, платья, покрытыя сапфирами, рубинами, золотыми ласточками, держащими въ клювѣ своемъ золотую чашу; такихъ бокаловъ въ одномъ костюмѣ до полуторы тысячи штукъ, а для вышивки какой нибудь пѣсенки на платьѣ употребляется девятьсотъ шестьдесятъ жемчужинъ. Женщины въ великолѣпныхъ покрывалахъ, убранныхъ бездной мелкихъ украшеній, съ полуобнаженной грудью, съ головнымъ уборомъ, приподымающимся конусами и чудовищными полумѣсяцами, женщины, одѣтыя въ испещренныя платья, на которыхъ изображены единороги, львы и дикіе люди, сидятъ въ креслахъ, имѣющихъ форму небольшихъ вызолоченныхъ и выточенныхъ соборовъ. Жизнь придворная и жизнь принцевъ похожа на карнавалъ. Когда Карлъ VI посвящался въ рыцари, въ аббатствѣ Сенъ-Дени приготовлена была длинная въ 32 туаза зала, обтянутая бѣлымъ и зеленымъ атласомъ съ высокимъ павильономъ изъ обоевъ; тамъ, послѣ трехдневныхъ турнировъ и пиршествъ, ночной маскарадъ закончился сладострастной оргіей. «Многія дѣвушки дошли до самозабвенія, многіе мужья пострадали», а въ концѣ концовъ, въ силу контраста, рисующаго нравы времени, отпразднованы были похороны Дюгесклена. Въ сказкахъ и хроникахъ того времени вы видите широкій потокъ золота, стремящійся, ласкающій, растягивающійся въ длинную безконечную нить, то—исторія домашней жизни короля, королевы, герцоговъ Орлеанскихъ и Бургундскихъ; вы видите безконечные городскіе въѣзды, пышныя кавалькады, переодѣванія, танцы, сладострастныя прихоти, расточительность новыхъ богачей. Бургундскіе и Французскіе рыцари, отправлявщіеся на битву съ Баязетомъ въ Никополисъ, были разряжены какъ на любомъ придворномъ балу; ихъ значки и чапраки на лошадяхъ были увѣшаны золотомъ и серебромъ; ихъ посуда была вся серебряная, а палатка изъ зеленаго атласа; изысканныя вина слѣдовали по Дунаю въ особыхъ баркахъ, а въ лагерѣ у нихъ кишмя кишѣли куртизанки.

Этотъ порывъ животной жизни, который во Франціи смѣшивается съ болѣзненной пытливостью и мрачнымъ настроеніемъ воображенія, выставляется въ Бургундіи подобно широкому и простодушному празднику. Филиппъ Добрый имѣетъ три законныя жены, двадцать четыре наложницы, шестнадцать побочныхъ дѣтей; онъ поспѣваетъ и тутъ—и тамъ, пируетъ, веселится, принимаетъ мѣщанокъ ко своему двору и заранѣе представляется вамъ однимъ изъ лицъ Іордаанса. Одинъ изъ графовъ Клеве имѣлъ шестьдесятъ три незаконныхъ дѣтей; въ описаніяхъ церемоніаловъ хроникёры безпрестанно и совершенно покойно называютъ «побочныхъ сыновей и дочерей; дѣло это представляется какъ-бы законнымъ; глядя на такую ихъ плодовитость, невольно приходятъ на памятъ роскошныя кормилицы Рубенса или Гангамели Раблэ: «Прискорбно было глядѣть, говоритъ одинъ «современникъ, на необычайное и сильное распространеніе грѣха любострастнаго и между частными лицами, и «между принцами, и между людьми семейными. Самымъ «любезнѣйшимъ товарищемъ считался тотъ, кто могъ обольстить не одну женщину, и тотъ-же грѣхъ любострастія «господствовалъ даже посреди прелатовъ и всякаго иного «церковнаго люду.» Яковъ де-Край, архіепископъ Камбрейскій, въ полномъ облаченіи отправлялъ божественную службу въ сообществѣ съ тридцатью шестью своими побочными дѣтьми и внуками, и имѣлъ про запасъ особую сумму денегъ для тѣхъ, которыя могутъ родиться отъ него впослѣдствіи. При третьемъ бракѣ Филиппа Добраго пиршество подобно было свадьбѣ Гамама, совершенной по приказанію Гаргантуа; улицы въ Брюгге были обтянуты обоями; въ теченіе восьми дней и восьми ночей каменный левъ источалъ изъ себя рейнское вино, а каменный олень—бонское; за обѣдомъ и ужиномъ единорогъ разливалъ розовую воду и мальвазію. При входѣ дофина, восемьсотъ купцовъ разныхъ націй въ шелковыхъ и бархатныхъ костюмахъ вышли къ нему на встрѣчу. На другомъ церемоніалѣ, герцогъ появляется на лошади, сѣдло и наглавникъ которой были осыпаны драгоцѣнными

камнями; «девять пажей, покрытыхъ золотымъ шитьемъ, помѣщаются за нимъ,» а одинъ изъ пажей облеченъ въ шлемъ, стоившій, говорятъ, сто тысячъ золотыхъ кронъ. Въ другой разъ, очевидцы увѣряютъ, что на герцогѣ было на одинъ милліонъ драгоцѣнныхъ камней. Я хотѣлъ бы показать вамъ одинъ изъ этихъ праздниковъ; подобно флорентинскимъ праздникамъ того же времени, они обнаруживаютъ живописныя и декоративныя наклонности, которыя и здѣсь, какъ во Флоренціи, произвели живопись. Въ Лиллѣ, при Филиппѣ Добромъ, происходило торжество Фазана, которое можно сравнить съ празднествами Лаврентія Медичи; въ тысячѣ наивныхъ мелочей вы замѣтите сходство и различіе между двумя обществами, происходящія отъ розни въ ихъ культурѣ, ихъ вкусахъ и ихъ искусствѣ.

Герцогъ Клеве далъ въ Лиллѣ «великолѣпный банкетъ», на которомъ присутствовалъ «государь (Бургундскій) въ сопровожденіи всей знати, дамъ и дѣвицъ своего дома.» На этомъ банкетѣ красовался на столѣ «междублюдникъ», т. е. украшеніе, изображающее «корабль съ поднятыми парусами, на которомъ находился рыцарь въ полномъ вооруженіи........ а передъ нимъ серебряный лебедь съ золотой цѣпью на шеѣ, отъ которой протянута была другая длинная цѣпь,—ею лебедь какъ будто-бы тянулъ корабль; на концѣ сказаннаго корабля устроена была прекрасно отлитая изъ золота башня.» По поводу этой аллегоріи, герцогъ Клеве, рыцарь Лебедя, «дамскій угодникъ», повелѣлъ провозгласить, что желающій можетъ застать его въ открытомъ полѣ «на боевомъ сѣдлѣ и съ боевой сбруей», и что «побѣдитель получитъ въ награду роскошнаго золотаго лебедя съ золотой цѣпью, на концѣ которой находится богатый рубинъ».

Спустя десять дней, графъ д' Этампъ далъ второй актъ волшебнаго празднества. Разумѣется, второй актъ, какъ первый и всѣ остальные, начался пиромъ. При этомъ дворѣ жизнь течетъ широкимъ потокомъ, и гости не пренебрегаютъ даровымъ столомъ. «Когда блюда были приняты, изъ комнаты проникъ обильный свѣтъ факеловъ,

«потомъ появился главный оруженосецъ съ знакомъ своего достоинства, а за нимъ вышли два рыцаря, одѣтые въ длинное платье, обложенное куньимъ мѣхомъ, «съ обнаженной головой и неся, каждый, въ одной рукѣ «по прелестной связкѣ цвѣтовъ. Вслѣдъ за вошедшими, «на иноходцѣ съ голубымъ шелковымъ чапракомъ,» выступала прекрасная, юная, двѣнадцати лѣтъ дама, одѣтая въ шелковое платье фіолетоваго цвѣта, богато вышитое и изукрашенное золотомъ,—то была «царица веселья.» Три конюшихъ, одѣтые въ шелковый костюмъ алаго цвѣта, подвели ее къ герцогу, пѣніемъ извѣщая публику объ ея прибытіи. Сойдя съ коня и преклонивъ колѣни на столѣ, она возложила ему на голову вѣнокъ цвѣтовъ. Въ туже минуту, провозглашено было открытіе боя: раздались звуки тамбуриновъ, появился боецъ со множествомъ лебедей, и глазамъ публики предсталъ, вслѣдъ за нимъ, герцогъ Клеве, рыцарь Лебедя, богато вооруженный, на лошади, покрытой попоною изъ бѣлой камки съ золотой бахромою; онъ велъ за собою на золотой цѣпи большаго лебедя, сопровождаемаго двумя стрѣлками; вслѣдъ за нимъ подвигались дѣти верхомъ на лошадяхъ, стремянные, рыцари, вооруженные копьями,—всѣ, подобно ему, въ одеждѣ изъ бѣлой камки, обшитой золотомъ. Златое Руно, герольдъ, представилъ всѣхъ ихъ герцогинѣ. Затѣмъ, проѣхали мимо ея другіе рыцари на своихъ конякъ, покрытыхъ парчею и кармазиномъ, сукномъ съ вышитыми золотыми колокольчиками, алымъ бархатомъ, отороченнымъ куницами, фіолетовымъ бархатомъ съ золотой и шелковой бахромой, чернымъ бархатомъ съ золотымъ шитьемъ. Представьте, что въ настоящее время самыя знатныя въ государствѣ лица вздумали-бы нарядиться такъ, какъ наряжаются оперные актеры, и затѣяли-бы скачки подобно наѣздникамъ цирка; самая несообразность такого предположенія покажетъ вамъ, на сколько живописный инстинктъ и потребность чувственной декорціи живо сознавались въ то время и на сколько ничтожны они теперь.

Между тѣмъ, описанныя нами зрѣлища были не бо-

лѣе, какъ прелюдіи. Спустя восемь дней послѣ турнира, герцогъ Бургундскій задалъ отъ себя пиръ, превзошедшій всѣ другіе. Обширная зала, обитая обоями, представлявшими различные эпизоды изъ жизни Геркулеса, имѣла пять дверей, охраняемыхъ стражею, одѣтою въ сѣрое и черное суконное платье. По бокамъ, пять возвышеній или галерей помѣщали въ себѣ постороннихъ зрителей, людей благороднаго происхожденія и дамъ, большею частью переодѣтыхъ. Посреди ихъ возвышался «высокій буфетъ, уставленный золотыми и серебряными «сосудами и хрустальными вазами, убранными золотомъ «и каменьями.» А въ центрѣ залы виднѣлся большой столбъ, имѣвшій на себѣ «изображеніе женщины, волоса «которой разсыпались по плечамъ, а голова была покрыта «чрезвычайно богатой шапочкой; изъ груди ея лился пряный напитокъ во все продолженіе ужина.» Три гигантскихъ стола были накрыты, и каждый изъ нихъ украшался множествомъ «междублюдниковъ», обширныхъ машинъ, напоминающихъ, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ, изящныя бездѣлушки, которыя дарятъ, въ настоящее время, богатымъ дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди того времени, по странности и силѣ своего воображенія, были тѣ-же дѣти; самое упорное желаніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить забаву своимъ глазамъ; они играютъ жизнью, какъ волшебнымъ фонаремъ. Два главные междублюдника были—чудовищный пирогъ, въ которомъ двадцать восемь «живыхъ» людей играли на инструментахъ, и «крестовидная, стеклянная церковь, снаб«женная четырьмя канторами и звонкимъ колоколомъ». Но тамъ было болѣе двадцати и другихъ: большой замокъ, рвы котораго наполнены померанцевой водой, съ феей Мелюзиной на одной изъ башенъ; вѣтряная мельница со стражею и стрѣлками, стрѣлявшими въ сорокъ; бочка въ винограднинкѣ съ двумя напитками—горькимъ и сладкимъ; обширная пустыня, въ которой левъ сражается со змѣей; дикарь верхомъ на верблюдѣ; сумасшедшій наѣздникъ верхомъ на верблюдѣ посреди скалъ и ледниковъ; озеро, окруженное городами и замками; португальское судно на якорѣ съ своими канатами, мачтами и матросами; прелестный фонтанъ изъ зелени и свинца, убранный небольшими стеклянными деревцами съ листьями и цвѣтами; фонтанъ розовой воды, изображающій нагого ребенка въ положеніи Брюссельскаго «Mennekenpiss». Подумаешь, что стоишь въ игрушечной лавкѣ наканунѣ новаго года. Не довольно такой пестрой смѣси неподвижной декораціи; имъ нужна еще двигающаяся торжественность: проходятъ поочередно двѣнадцать интермедій, а въ промежуткахъ церковь и пирогъ угощаютъ зрителей музыкой, чтобы занять въ одно время и уши, и глаза присутствующихъ; въ колоколъ звонятъ съ полнымъ усердіемъ; какой-то пастухъ играетъ на волынкѣ; маленькія дѣти распѣваютъ свои пѣсенки; безпрерывно раздаются звуки органа, нѣмецкаго рожка, свирѣли, церковной пѣсни, флейтъ, лютни, сопровождаемой пѣніемъ, тамбуриновъ, охотничьихъ роговъ и лая гончихъ. Между тѣмъ, появляется задомъ лошадь, богато убранная зеленой шелковой матеріей, имѣя на себѣ двухъ трубачей, «сидящихъ безъ сѣдла и спиной другъ къ другу», ведомая шестнадцатью рыцарями въ длинныхъ тогахъ; за нею какое-то чудовище, полу-человѣкъ и полугрифъ, верхомъ на дикомъ вепрѣ и неся на себѣ человѣка, подвигается, держа два дротика и длинный щитъ; потомъ слѣдуетъ большой бѣлый механическій олень, убранный въ шелки, съ золотыми рогами, неся на себѣ маленькое дитя въ коротенькомъ платьицѣ изъ алаго бархата; дитя поетъ, между тѣмъ какъ олень вторитъ ему басомъ. Всѣ эти лица обходятъ вокругъ столовъ, причемъ послѣдняя выдумка особенно развеселяетъ присутствующихъ. Летящій драконъ разсѣкаетъ воздухъ, а его огненная чешуя воспламеняетъ глубину готическаго потолка. Спускаютъ цаплю и двухъ соколовъ, и убитая цапля подносится герцогу. За занавѣсомъ рожки поднимаютъ цѣлый содомъ; взвивается занавѣсъ, и зрители видятъ, какъ Язонъ читаетъ письмо Медеи, потомъ сражается съ быками, убиваетъ змія, воздѣлываетъ землю, засѣваетъ ее зубами чудовища и производитъ жатву

вооруженныхъ людей. Тогда праздникъ начинаетъ принимать болѣе серьезный характеръ: настаетъ представленіе рыцарскаго романа, сцены изъ Амадиса—одна изъ бредней Донъ Кихота въ дѣйствіи; появляется великанъ въ платьѣ изъ зеленой шелковой матеріи съ пикою и въ чалмѣ и ведетъ за собою слона, покрытаго шелковой попоной; на слонѣ прикрѣпленъ замокъ, а въ немъ дама, одѣтая монахиней, изображающая собою церковь; она приказываетъ остановиться, объявляетъ свое имя и призываетъ присутствующихъ къ крестовому походу. Послѣ этого, Золотое Руно съ оруженосцами приноситъ живаго фазана, золотое ожерелье котораго украшено камнями; герцогъ клянется этимъ фазаномъ защищать Христіанъ отъ Турковъ, и всѣ рыцари приглашаются къ тому же при посредствѣ манускрипта, написаннаго въ стилѣ Галафа, который вручается каждому изъ нихъ—тамъ написана воля Фазана. Праздникъ оканчивается мистико-нравственнымъ баломъ. При звукахъ инструментовъ, при свѣтѣ факеловъ, дама одѣтая въ бѣломъ, имѣя на плечѣ написаннымъ свое названіе: «*благодать Божія*», выходитъ и произноситъ герцогу осьмистишіе, оставивъ ему, по уходѣ, въ даръ двѣнадцать добродѣтелей: вѣру, милосердіе, правосудіе, разумъ, воздержаніе, силу, правду, щедрость, трудолюбіе, надежду и мужество; каждую изъ нихъ ведетъ рыцарь въ аломъ плащѣ, атласные рукава котораго украшены вышитыми листьями и золотомъ. Онѣ начинаютъ танцовать съ своими рыцарями, вѣнчаютъ графа Шароле, побѣдителя на копьяхъ, и, по объявленіи новаго турнира, балъ оканчивается въ три часа утра.— По истинѣ, тутъ всего болѣе чѣмъ достаточно; чувства и воображеніе слабѣютъ; въ дѣлѣ развлеченій, люди эти— лакомки, но не обжоры. Этотъ шумъ и это обиліе причудливыхъ выдумокъ открываютъ предъ нами какой-то тяжелый міръ, сѣверное племя, огрубѣлую, еще варварскую, младенческую цивилизацію; этимъ современникамъ Медичи не достаетъ простаго и великаго вкуса, составляющаго отличительное достояніе итальянцевъ. И однакоже, основа нравовъ и воображенія одна и таже; здѣсь,

какъ въ колесницахъ и торжественныхъ шествіяхъ флорентинскаго карнавала, легенда, исторія и философія среднихъ вѣковъ облекаются въ тѣлесную форму; подъ чувственнымъ образомъ скрываются нравственныя отвлеченности; добродѣтели превращаются въ дѣйствительныхъ женщинъ, поэтому ихъ охотно рисуютъ и изображаютъ въ статуяхъ; въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти украшенія—рельефы или рисунки. Вѣкъ символизма уступилъ мѣсто вѣку живописному; умъ не удовлетворяется уже болѣе схоластическимъ содержаніемъ—онъ хочетъ созерцать живую форму; мысль человѣческая, для полной цѣнности своей, сознаетъ теперь потребность сдѣлаться доступною глазамъ при помощи художественнаго созданія.

Но это художественное созданіе не похоже на то, какое произвела Италія, потому что культура и умственное направленіе здѣсь и тамъ не одинаковы; вы замѣтили это, читая наивные и плоскіе стихи, которые произносятъ Добродѣтели и фигура св. Церкви: пустая устарѣлая поэзія, избитая болтовня труверовъ, рядъ ритмическихъ предложеній, въ которыхъ риѳма такъ-же слаба, какъ и мысль. Здѣсь не было Данте, Петрарки, Боккачіо, Виллани. Болѣе поздній и болѣе удаленный отъ латинской традиціи, умъ оставался болѣе здѣсь замкнутымъ въ оковахъ средневѣковой дисциплины и инерціи. Тутъ не было скептическихъ аверроистовъ и медиковъ, подобныхъ тѣмъ, какихъ описываетъ Петрарка; не было гуманистовъ, возродившихъ древнюю почти языческую литературу, подобныхъ тѣмъ, какіе окружаютъ Лаврентія Медичи. Вѣра и христіанское чувство несравненно живѣе и прочнѣе здѣсь, чѣмъ въ Венеціи или во Флоренціи. Они упорно держатся, не смотря на чувственную пышность Бургундскаго двора. Если есть эпикурейцы по нравамъ своимъ, то нѣтъ теоріи эпикуреизма: самые изящные господа служатъ церкви, какъ и дамамъ, изъ чести. Въ 1396 г., семьсотъ знатнѣйшихъ лицъ Бургундіи и Франціи отправились въ крестовый походъ; всѣ они, за исключеніемъ двадцати семи, были убиты въ Никополисѣ, и Бусико называетъ ихъ «благословенными

и блаженнѣйшими мучениками». Вы видѣли, что Лилльскій кутежъ закончился торжественнымъ провозглашеніемъ желанія сражаться противу невѣрныхъ. Тамъ и сямъ обнаруживающіяся маленькія смутныя черты подтверждаютъ преобладаніе первобытной необходимости. Въ 1477 году, въ городкѣ, расположенномъ неподалеку отъ Нюремберга, Мартинъ Кётцель, пилигримъ изъ Палестины, сосчитываетъ число шаговъ между Голгоѳой и домомъ Пилата, чтобы по возвращеніи выстроить семь станцій и холмъ съ крестомъ между своимъ домомъ и городскимъ кладбищемъ; потерявъ счетъ, онъ снова предпринимаетъ путешествіе, и трудъ свой на этотъ разъ поручаетъ выполнить скульптору Адаму Крафту. Въ Нидерландахъ, какъ и въ Германіи, средній классъ, люди серьезные нѣсколько неподвижные, замкнутые въ тѣсный кругъ будничной жизни, привязанные къ обычаямъ старины, сохраняютъ еще лучше, чѣмъ придворные вельможи, средневѣковыя вѣрованія и ревность. Ихъ литература служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этого. Начиная съ того момента, когда она впервые поворачиваетъ на путь самобытнаго творчества, т. е. начиная съ конца XIII-го столѣтія, вы видите въ ней лишь свидѣтельство практическаго, гражданскаго и мѣщанскаго ума и свидѣтельство искренней набожности: съ одной стороны, нравственныя сентенціи, изображенія домашней жизни, историческія и политическія поэмы на различныя недавнія и дѣйствительныя событія; съ другой—лирическія восхваленія Пресвятой Дѣвы, мистическая и нѣжная поэзія, какъ напр. Horae Belgicae. Короче, народный германскій духъ склоняется несравненно болѣе къ вѣрѣ, чѣмъ къ безвѣрію. Пройдя сквозь рядъ средневѣковыхъ мистиковъ, иконоборцевъ и непоколебимыхъ мучениковъ XVI-го столѣтія, онъ направляется къ протестантскимъ идеямъ. Предоставленный самому себѣ, онъ дошелъ бы не къ возрожденію паганизма, какъ въ Италіи, но къ возврату Христіанства первыхъ временъ, какъ въ Германіи.

Съ другой стороны, искусство, лучше всѣхъ другихъ обнаруживающее потребности народнаго воображенія, архитектура, остается готическою и христіанскою вплоть до половины XVI-го столѣтія; итальянскія и классическія увлеченія не доходятъ до нея; стиль ея усложняется и становится женственнымъ, но не искажается. Онъ господствуетъ не только въ храмахъ, но и въ свѣтскихъ зданіяхъ; въ Брюгге, Лувенѣ, Брюсселѣ, Люттихѣ, Авденардѣ, городскіе дома показываютъ, до какой степени онъ приходился по вкусу не только духовенству, но и всему народу; онъ оставался вѣренъ ему до конца; городской отѣль въ Авденардѣ былъ начатъ, спустя семь лѣтъ послѣ смерти Рафаэля. Въ 1536 г., подъ руками одной фламандки, Маргариты Австрійской, церковь въ Бру, послѣдній и самый прелестный цвѣтокъ готики, окончательно распустился. Соберите всѣ эти указанія и разсмотрите, на портретахъ того времени, самыя лица: дѣятелей, аббатовъ, бургомистровъ *), мѣщанъ, матронъ, столь невозмутимыхъ и добродѣтельныхъ, съ ихъ воскреснымъ нарядомъ, безукоризненнымъ бѣльемъ, ихъ застывшимъ взоромъ, ихъ выраженіемъ стойкой и глубокой вѣры, разсмотрите и вы почувствуете, что возрожденіе XVI-го столѣтія совершается здѣсь подъ сѣнью религіи, что человѣкъ, украшая настоящую жизнь, не упускаетъ изъ виду и жизнь будущую и что его живописная фантазія обнаружитъ живое Христіанство, вмѣсто того, чтобы выразить, какъ въ Италіи, возрожденный паганизмъ.

Фламандское возрожденіе подъ вліяніемъ Христіанскихъ идей—таковъ, въ самомъ дѣлѣ, двойственный характеръ искусства временъ Губерта и Іоанна-ван-Ейка, Рожье-ван-дер-Вейдена, Гемлинга и Квинтина Мессиса, и этими двумя основными чертами обусловливаются всѣ остальныя. Съ одной стороны, художники интересуются дѣйствительной жизнью; лица ихъ не похожи болѣе на

*) Музеи Антверпена, Брюсселя, Брюгге и вообще мѣстныя картинныя галереи, стѣны которыхъ представляютъ цѣлое семейство того времени, въ разнообразныхъ его видахъ.

какіе-то символы, какъ у раскращиковъ древнихъ псалтырей, ни на чистыя души, какъ у мадоннъ Кёльнской школы, а вы видите уже живыхъ людей и живыя тѣла. Анатомія тутъ не упущена изъ виду, перспектива отличается точностью, мельчайшія подробности драпировки тканей, архитектурныя, аксессуарныя и пэйзажныя мелочи строго отдѣланы вездѣ; рельэфъ изумителенъ, и вся картина раскрывается глазу и уму зрителя съ необыкновенной силою и отчетливостью, какъ на тарелкѣ; величайшіе изъ художниковъ будущаго не пойдутъ далѣе этого, да едва ли по силамъ имъ достигнуть и такого совершенства. Ясно, что въ эту минуту художники открываютъ природу; повязка спадаетъ съ глазъ; почти мгновенно начинаютъ понимать всю внѣшность, доступную чувствамъ, ея размѣры, ея строеніе, ея цвѣта, скажемъ болѣе—начинаютъ любить ее. Разсмотрите великолѣпныя мантіи, шитыя золотомъ и усѣянныя брилліантами, шелковыя ткани, узорчатыя, ослѣпительныя діадемы, которыми они украшаютъ своихъ святыхъ и свои божественныя изображенія *); тутъ вы встрѣтите всю роскошь Бургундскаго двора; взгляните на ихъ прозрачныя и неподвижныя воды, ихъ раскрашенную зелень, ихъ красные и бѣлые цвѣты, ихъ густыя деревья, ихъ озаренную солнцемъ даль, ихъ восхитительные пэйзажи **). Замѣтьте ихъ мощный и роскошный колоритъ, чистые и полные тоны, расположенные одинъ подлѣ другаго, какъ на какомъ-нибудь персидскомъ коврѣ, и сплетенные во едино общей своей гармоніей, чудные изгибы пурпура въ мантіяхъ, оттѣнки лазури въ длинныхъ ниспадающихъ платьяхъ, занавѣсы зеленые, какъ лѣтній лугъ, широко освѣщаемый солнечными лучами, складки золотыхъ съ черною юбокъ, могучій свѣтъ, согрѣвающій и лоснящійся по всей

*) Богъ Отецъ и Св. Дѣва Губерта ван-Ейка. Мадонна, св. Варвара и св. Екатерина Мемлинга. Погребеніе Іисуса Христа Квинтина Мессиса и т. д.

**) Св. Христофоръ, Крещеніе Іисуса Христа Мемлинга и его школы.—Таинственный агнецъ ван-Эйковъ и т. д.

сценѣ; это концертъ, на которомъ каждый инструментъ постоянно играетъ полными звуками, на какіе онъ только способенъ, и звуки его при этомъ выходятъ чѣмъ сильнѣе, тѣмъ чище. Они видятъ въ мірѣ одно прекрасное, и дѣлаютъ изъ него праздникъ, праздникъ дѣйствительный, подобный тѣмъ, какіе даются въ его время, освѣщенный болѣе щедрымъ солнцемъ, но не представляютъ себѣ міръ въ образѣ божественнаго Іерусалима, проникнутаго какою-то сверхъестественною ясностью, какъ изображаетъ его Беато Анджелико. Они фламандцы и остаются на землѣ; съ мелочной кропотливостью копируютъ они все дѣйствительное, чтобы ни попалось подъ руку: украшенія какого-нибудь оружія, блескъ оконнаго стекла, цвѣтные разводы на коврѣ, волоски какого-нибудь мѣха *), нагое тѣло какой-нибудь Евы и Адама, огромное, расплывшееся, покрытое морщинами лицо каноника, толстую спину, заостренный подбородокъ, продолговатый носъ какого-нибудь бургомистра или воина, сухопарыя ноги палача, громадную голову и мелкіе члены маленькаго ребенка, костюмы и меблировку того времени. Во всемъ этомъ произведеніе ихъ является прославленіемъ настоящей жизни.—Но, съ другой стороны, оно есть и прославленіе Христіанской вѣры. Не только всѣ ихъ сюжеты религіозны, но и сами они преисполнены религіознаго чувства, котораго, именно, въ слѣдующую эпоху, и будетъ не доставать тѣмъ же сценамъ. Ихъ самыя прекрасныя картины не изображаютъ какого-нибудь дѣйствительнаго событія изъ Священной исторіи, но самую истину вѣры, всецѣлую ея доктрину; Губертъ ван-Эйкъ смотритъ на живопись, подобно Симоне Мемми или Таддео Гадди, какъ на изложеніе высшей теологіи; какъ ни кажутся реальными его лица и его аксессуары, все-же они не болѣе какъ символическія изобра-

*) Мадонна на престолѣ съ вдателемъ и св. Георгіемъ Іоанна ван-Эйка.—Жанровыя картины К. Мессиса въ Антверпенской академіи и т. д. Адамъ и Ева Губерта ван-Эйка въ Брюсселѣ и Пожилой человѣкъ на колѣняхъ предъ Агнцемъ Откровенія.

женія. Соборъ, въ которомъ Рожье-ван-дер-Вейденъ изображаетъ семь таинствъ, есть, вмѣстѣ, вещественная церковь и церковь мистическая, ибо тамъ Іисусъ Христосъ на своемъ крестѣ истекаетъ кровью въ то время, когда пасторъ служитъ обѣдню предъ алтаремъ. Комната или портикъ, въ которомъ Іоаннъ ван-Эйкъ и Мемлингъ ставятъ своихъ святыхъ на колѣни, поразительна по необыкновенно тщательной отдѣлкѣ мелочей и законченности; но Пресвятая Дѣва на престолѣ и окружающіе ее ангелы показываютъ вѣрному, что онъ находится въ предѣлахъ высшаго міра. Іерархическая симметрія группируетъ лица и указываетъ позы. У Губерта ван-Эйка взглядъ неподвиженъ и лицо безстрастно; это вѣчная неподвижность божественнаго лика; на небѣ все совершенно, все закончено, время останавливается тамъ въ своемъ теченіи. Другой разъ, у Мемлинга вы видите спокойствіе безусловной вѣры, миръ души, схороненной въ монастырѣ, какъ бы въ спящемъ лѣсу, непорочную чистоту, грустную доброту, безконечное повиновеніе истинной инокини, которая живетъ погруженная въ тихую область своихъ мечтаній и большіе раскрытые глаза которой глядятъ, ничего не видя. Короче, вся эта живопись—картины, достойныя католическаго алтаря или молельни; онѣ не обращаются, подобно картинамъ послѣдующихъ эпохъ, къ знатнымъ вельможамъ, которые по привычкѣ заходятъ въ храмъ и силятся отъискать даже въ священныхъ повѣствованіяхъ языческую пышность и станъ атлетовъ; онѣ стоятъ тамъ для вѣрныхъ, чтобы изобразить имъ образы высшаго міра, чтобы внушить чувство душевнаго умиленія и искренней набожности, чтобы показать имъ совершеннѣйшую чистоту прославляемыхъ святыхъ и трогательную возвышенность избранныхъ душъ; Рюисбрёкъ, Эккарсъ, Таулеръ, Генрихъ Суцо, мистическіе теологи, предшествовавшіе въ Германіи XV-го столѣтія Лютеру, могли-бы прійти сюда. Странное зрѣлище и, повидимому, не мирящееся съ чувственной торжественностью придворной жизни и пышными процессіями городовъ! Подобное-же противорѣчіе мы находимъ между

глубоко религіознымъ чувствомъ, о которомъ свидѣтельствуютъ мадонны Альберта Дюрера, и свѣтскимъ великолѣпіемъ, которое обнаруживается въ его *Домъ Максимиліана*. Это потому, что мы— въ германской странѣ; возрожденіе всеобщаго благосостоянія и освобожденіе ума, являющееся слѣдствіемъ его, возобновили здѣсь Христіанство, вмѣсто того, чтобы исказить святую идею его, какъ это произошло въ странѣ латинской.

II.

Вторая эпоха. —XVI-е столѣтіе.—Освобожденіе умовъ и полемика съ клерикалами.—Живописные и чувственные нравы.—Праздники и выходы палаты риторовъ.—Постепенное преобразованіе живописи.—Преобладаніе языческихъ и гуманныхъ сюжетовъ.—Надежды, возлагаемыя на новое искусство.—Вліяніе итальянскихъ образцовъ.—Несоразмѣрность итальянскаго искусства съ фламандскимъ умомъ.—Смѣшанный и несовершенный стиль новой школы.—Возрастающее вліяніе итальянскихъ художниковъ, начиная съ Іоанна Мабуза и до Оттона Веніуса.—Устойчивость природнаго стиля и духа въ живописи жанра, пэйзажей и портретовъ.—Революція 1572 г.—Раздвоеніе народа и искусства.

Когда въ общихъ условіяхъ человѣческой жизни совершается какая-нибудь важная перемѣна, она постепенно вноситъ извѣстное измѣненіе и въ общій кругъ понятій человѣчества. Послѣ открытія пути въ Индію и Америку, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія и распространенія книгъ, послѣ возрожденія классической древности и реформы Лютера, общій характеръ міросозерцанія не могъ оставаться долѣе монашескимъ и мистическимъ. Меланхолически нѣжное мечтаніе души, вздыхающей о небѣ и покорно подчиняющейся авторитету церковной власти, уступаетъ мѣсто анализу разсудка, пресыщеннаго столькими новыми идеями, и стушевывается предъ плѣнительнымъ зрѣлищемъ дѣйствительнаго міра, который человѣкъ начинаетъ понимать и побѣждать. Пала-

ты риторики, состоявшія сперва изъ клерковъ, переходятъ въ руки свѣтскихъ людей; онѣ проповѣдовали уплату десятины и полное подчиненіе церкви, теперь онѣ подсмѣиваются надъ клерикалами и преслѣдуютъ злоупотребленія духовенства. Въ 1533 г., девять гражданъ изъ Амстердама приговорены къ совершенію пильгримства въ Римъ за представленіе одной изъ такихъ сатирическихъ пьесъ. Въ 1539 г., въ Гентѣ, на вопросъ, кто глупѣе всѣхъ на свѣтѣ, одиннадцать палатъ изъ девятнадцати отвѣтили, что это—католическіе монахи. «Постоянно, говоритъ одинъ современникъ, нѣсколько бѣдныхъ монаховъ или монахинь играютъ видныя роли въ комедіи; повидимому, они не могли пріискать лучшей для себя забавы, какъ посмѣявшись надъ католическимъ духовенствомъ.» Филиппъ II опредѣлилъ смертную казнь авторамъ и актерамъ піесъ, которыя не были разрѣшены къ представленію или заключали въ себѣ что-либо нечестивое. Но, не смотря ни на что, подобныя піесы продолжали разъигрываться даже по деревнямъ. «При помощи именно комедій, говоритъ тотъ-же писатель, Слово Божіе проникло сперва въ эти мѣста; поэтому ихъ «и запрещали несравненно строже, чѣмъ книги Мартина Лютера *)». Ясно, что умъ вышелъ изъ-подъ опеки древности и что народъ, мѣщане, ремесленники, купцы, всѣ начинаютъ сами разсуждать о различныхъ нравственныхъ понятіяхъ и о своемъ спасеніи.

Въ тоже время, богатство и необыкновенное благосостояніе страны поселяютъ въ нравахъ наклонность къ живописи и ко всему чувственному; здѣсь, какъ и въ Англіи въ то время, вся пышность, сопровождающая возрожденіе, прикрываетъ собою глухое броженіе протестантизма. Когда Карлъ V, въ 1520 г., совершалъ вшествіе

*) Въ 1539 г., Лувенъ предлагаетъ такой вопросъ: «Какое самое большое утѣшеніе умирающаго человѣка?» Всѣ отвѣты заключаютъ оттѣнокъ лютеранскихъ воззрѣній. Палата св. Війнокберга, получившая вторую награду, отвѣчаетъ въ духѣ чистой доктрины милосердія: «Вѣра, данная намъ Іисусомъ Христомъ и Его святымъ ученіемъ.»

въ Антверпенъ, Альбертъ Дюреръ видѣлъ четыреста тріумфальныхъ арокъ въ два этажа, длиною въ сорокъ футовъ, украшенныхъ живописью; на нихъ давались аллегорическія представленія. Фигурантками были молодыя дѣвушки изъ лучшихъ семействъ, прикрытыя однимъ только легкимъ газомъ: «почти голыя, говоритъ честный «нѣмецкій художникъ.—Рѣдко видѣлъ я такихъ красавицъ; я смотрѣлъ на нихъ очень пристально, даже по«чти грубо, потому что я живописецъ.»—Праздники палатъ риторики становятся великолѣпными; въ каждомъ городѣ, въ каждомъ обществѣ вы видите развитіе роскоши и аллегорическія выдумки. По приглашенію антверпенскихъ Фіалокъ, четырнадцать палатъ посылаютъ, въ 1562 г., своихъ «тріумфаторовъ», и палата Марьиной Гирлянды, въ Брюсселѣ, получаетъ награду, «ибо, гово«ритъ ван-Метеренъ, ихъ, въ самомъ дѣлѣ, было триста «сорокъ человѣкъ верховыхъ, всѣ одѣтые въ бархатъ и «шелкъ ало-краснаго цвѣта, въ длинныхъ польскихъ жу«панахъ, обшитыхъ серебряными позументами, въ крас«ныхъ шапочкахъ, сшитыхъ на манеръ древнихъ шиша«ковъ; ихъ плащи, перья и башмаки были бѣлые. У «нихъ были серебрянные поясы, чрезвычайно любопытно «сотканные изъ цвѣтовъ: желтаго, краснаго, голубаго и «бѣлаго. Они имѣли семь телѣгъ, сдѣланныхъ по образ«цу древнихъ, съ различными лицами, везомыми на нихъ; «сказанныя телѣги были покрыты краснымъ сукномъ съ «бѣлымъ шитьемъ. Всѣ возницы были одѣты въ красные «плащи; различныя лица, сидѣвшія на телѣгахъ, изобра«жали собою прекрасныя античныя фигуры, намекавшія «на то, съ какимъ удовольствіемъ собираются люди, что«бы столь-же дружно и въ полномъ согласіи разойтись.» Піона де-Малинъ представляетъ почти такое-же торжество: триста двадцать человѣкъ верховыхъ, въ этаминѣ алаго цвѣта, вышитомъ золотомъ, семь древнихъ колесницъ, наполненныхъ различными лицами, шестнадцать телѣгъ, раскрашенныхъ и свѣтящихся разнообразными огнями. Присоедините къ этому двѣнадцать другихъ процессій и сочтите комедіи, пантомины, потѣшные огни,

банкеты, послѣдовавшіе за ними. «Тамъ было много и «другихъ подобныхъ забавъ, дававшихся въ мирное время по разнымъ городамъ....»—«Я нашелъ удобнымъ «разсказать это, говоритъ ван-Метеренъ, чтобы показать «доброе согласіе и благосостояніе въ этихъ странахъ въ «описываемое мною время.» Вельможи другъ передъ другомъ наперерывъ щеголяли великолѣпіемъ, имѣли открытый столъ и бросали безъ счету деньги; однажды принцъ Оранскій, желая поуменьшить расходы, расчиталъ вдругъ двадцать восемь старшихъ поваровъ. Знатные дома изобиловали пажами, дворянами, превосходной ливреей; возрожденіе, во всесиліи своемъ, обнаруживалось безумными выходками и порывами крайняго увлеченія, какъ при Елисаветѣ въ Англіи—торжественные костюмы, кавалькады, игры, изысканныя блюда. Графъ Бредероде, на одномъ свято-мартиновскомъ банкетѣ, пилъ такъ много вина, что едва не умеръ; братъ рейнграфа такъ-таки и умеръ за столомъ, хвативъ не въ мѣру любимой мальвазіи. Никогда еще жизнь не казалась столь заманчивой и прекрасной. Подобно Флоренціи, въ предшествующее столѣтіе, при Медичи, она утратила весь свой трагизмъ; человѣкъ ослабѣлъ; убійственныя возстанія, кровавыя войны городовъ и корпорацій прекратились; мы находимъ одно только возмущеніе въ Гентѣ, въ 1536 г., легко подавленное безъ большаго пролитія крови—послѣднее слабое потрясеніе, которое нельзя и сравнивать съ грозными возстаніями XV-го вѣка. Три правительницы: Маргарита Австрійская, Марія Венгерская и Маргарита Пармская пользуются популярностью; Карлъ V—государь, по преимуществу, народный, говоритъ по-фламандски, считаетъ себя горожаниномъ Гента, постановленіями своими покровительствуетъ промышленности и торговлѣ страны. Онъ оберегаетъ и питаетъ её; съ своей стороны, Фландрія на половину идетъ въ пополненіе общей цифры его дохода *); въ стадѣ подвластныхъ ему государствъ, это —жирная дойная корова, которую можно постоянно доить, не рискуя исчерпать совершенно.—Такимъ образомъ, по мѣрѣ раскрытія ума, смягчается окружающая его температура; это условія новаго ростка; появленіе его на свѣтъ мы видимъ на празднествахъ палатъ риторики, на классическихъ представленіяхъ, совершенно похожихъ на карнавалъ во Флоренціи и не имѣющихъ ничего общаго съ причудливыми выдумками, измышляемыми на банкетахъ Бургундскихъ герцоговъ. Палаты Фіалки, Оливкаваго дерева и Мысли въ Антверпенѣ, говоритъ Гвиччіардини, публично даютъ у себя «комедіи, трагедіи и другія исторіи въ подражаніе грекамъ и римлянамъ». Нравы, идеи и вкусы измѣнились; открывается мѣсто и новому искусству.

*) Два милліона золотыхъ экю на пять милліоновъ.

Уже въ предъидущую эпоху замѣтны были передовые вѣстники готовящейся перемѣны. Отъ Губерта ван-Эйка и до Квинтина Мессиса величіе и строгость религіознаго представленія значительно умаляются. Уже никто и не задумываетъ выразить въ одной картинѣ всю вѣру и всю Христіанскую теологію; для этого избираютъ отдѣльныя Евангельскія или Библейскія событія: Благовѣщеніе, поклоненіе пастуховъ, страшный судъ, мученичество, нравственныя легенды. Живопись, эпическая въ рукахъ Губерта ван-Эйка, становится идиллическою у Гемлинга и почти свѣтскою у Квинтина Мессиса. Она дѣлается трогательною, увлекательною, граціозною. Красивыя святыя, прекрасная Геродіада и статная Соломія Квинтина Мессиса—представляются разряженными кастеляншами и личностями совершенно мірскими; художнику нравится дѣйствительный міръ самъ по себѣ и онъ не считаетъ нужнымъ измѣнять его для изображенія міра сверхъестественнаго; для него дѣйствительный міръ является не средствомъ только, а конечной цѣлью. Картины изъ обыденной жизни умножаются, онъ рисуетъ гражданъ въ ихъ лавкѣ, вѣсовщика золота, тонкія лица и хитрыя улыбки скупцовъ, пары влюбленныхъ. Лука Лейденскій, его современникъ—патріархъ живописцевъ, которыхъ мы называемъ малыми Фламандцами; его «*Се человѣкъ*» и *Танецъ Магдалины* религіозны только по име-

ни; евангельская личность теряется тамъ въ аксесуарахъ; все, что картина представляетъ вѣрнаго, такъ это фламандскій праздникъ въ деревнѣ или толпа фламандцевъ на площади. Въ тоже время, Іеронимъ Бошъ рисуетъ забавныхъ и комическихъ чертей. Ясно, что искусство спускается съ неба на землю и предметомъ своимъ избираетъ не божественное, а человѣческое. Между тѣмъ, имъ извѣстны всѣ пріемы и всѣ подготовительныя работы; они понимаютъ перспективу, знаютъ употребленіе масла, имѣютъ слѣпокъ и рельефъ; они изучали дѣйствительные типы, умѣютъ рисовать костюмы, аксессуарныя принадлежности, архитектурные предметы, пэйзажи, съ изумительной точностью и законченностью; ловкость руки ихъ поразительна. Единственный недостатокъ задерживаетъ ихъ еще въ области гіератическаго искусства: неподвижность ихъ лицъ и рѣзкія складки въ изображеніи тканей. Имъ остается лишь изучить живую игру физіономіи и свободное движеніе опущенной одежды; по достиженіи этого, возрожденіе совершится вполнѣ; вѣяніе времени уже за ними, оно вздымаетъ уже ихъ паруса. Глядя на ихъ портреты, ихъ изображенія внутренности покоя, даже на ихъ священныя лица, напр. *Погребеніе* Квинтина Мессиса, такъ и хочется сказать имъ: «Вы ожили уже, еще одно усиліе; двигайтесь-же, покидайте навсегда узкія рамки среднихъ вѣковъ, изображайте новаго человѣка, котораго вы видите въ васъ самихъ и внѣ васъ; рисуйте его сильнымъ, здоровымъ, довольнымъ жизнью; забудьте чахлое, аскетическое и задумчивое созданіе, мечтающее въ капеллахъ Гемлинга; если предлогомъ для своего творчества избираете вы картину религіозныхъ сказаній, составляйте ее, подобно итальянцамъ, изъ дѣятельныхъ, здоровыхъ лицъ; но пусть лица эти будутъ созданія вашего національнаго и личнаго вкуса; у васъ вѣдь тоже есть своя душа; она фламандская, а не итальянская; пусть же распускается цвѣтокъ ея; судя по бутонамъ, онъ долженъ быть прекрасенъ.» И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая изваянія того времени, камины въ судебной палатѣ и гробницу Карла Смѣлаго

въ Брюгге, церковь и надгробные памятники въ Бру, приглядываясь къ нимъ, вы находите нѣчто много обѣщающее въ этомъ самобытномъ и цѣльномъ искусствѣ, правда, менѣе пластичномъ и менѣе чистомъ, чѣмъ въ Италіи, но болѣе разнообразнсмъ, выразительномъ, болѣе предоставленномъ природѣ, менѣе связанномъ различными правилами, болѣе близкомъ къ дѣйствительности, болѣе способномъ выразить личность и душу, горячность, порывистость, разнообразіе, высоту и паденіе воспитанія, условій жизни, темперамента, возраста, индивидуальности, короче—германское искусство, возвѣщающее отдаленныхъ послѣдователей ван-Эйка и отдаленныхъ предшественниковъ Рубенса.

Они совсѣмъ не явились или, по крайней мѣрѣ, плохо выполнили свое призваніе. Это потому, что извѣстный народъ не живетъ одинъ на свѣтѣ; на ряду съ фламандскимъ возрожденіемъ, стояло возрожденіе итальянскаго народа, и большое дерево заглушило своей растительностью маленькую травку. Оно цвѣло и возростало цѣлое столѣтіе; литература, идеи, художественныя произведенія юной Италіи закрѣпостили себѣ запоздавшую Европу, и города Фландріи, при посредствѣ своихъ торговыхъ сношеній, австрійская династія, благодаря своимъ владѣніямъ и дѣламъ въ Италіи, познакомили сѣверъ со вкусами и образцами новой цивилизаціи. Въ 1520 г., фламандскіе живописцы начинаютъ слѣдовать образцамъ художниковъ изъ Флоренціи и Рима. Іоаннъ Мабузъ первый въ 1513 г., возвратясь изъ Италіи, ввелъ въ древній стиль пріемы итальянскаго искусства; другіе послѣдовали за нимъ. Оно вѣдь такъ естественно, вступая въ невѣдомую страну, пойти по проторенной дорогѣ! Но она не проложена для тѣхъ, кто пошелъ по ней, и длинная вереница фламандскихъ колесницъ пристаетъ и вязнетъ на несоотвѣтственной колеѣ, которую прорѣзалъ другой рядъ колесницъ. Двѣ черты свойственны итальянскому искусству, и обѣ онѣ противны для фламандскаго воображенія.—Съ одной стороны, искусство это всецѣло сосредоточивается вокругъ человѣческаго тѣла, здороваго, дѣятельнаго, силь-

наго, одареннаго всѣми атлетическими принадлежностями, т. е. нагого или полудрапированнаго, открыто языческаго, свободно и благородно подъ открытымъ небомъ пользующагося своими членами, своими инстинктами и всѣми своими животными способностями, какъ дѣлалъ это какой нибудь древній грекъ въ своемъ городѣ и въ своей палестрѣ, или какъ теперь еще поступаетъ какой-нибудь Челлини на улицахъ и по большимъ дорогамъ. Но фламандецъ не легко можетъ ужиться съ такого рода кругомъ воззрѣній. Онъ—изъ холоднаго и сыраго климата; тамъ голый весьма скоро можетъ замерзнуть. Человѣческое тѣло тамъ не отличается прекрасной соразмѣрностью и тѣми свободными движеніями, какихъ требуетъ классическое искусство; часто оно малоросло или раскормлено; бѣлая, нѣжная, мягкая, слегка розовая кожа требуетъ прикрытія. Возвратясь изъ Рима и желая продолжать работу въ духѣ итальянскаго искусства, во всемъ окружающемъ себя художникъ найдетъ противное своему воспитанію; онъ не въ состояніи уже подновлять свое чувство при столкновеніи съ живой природой, ему остаются лишь для этого воспоминанія прежняго. Къ тому-же онъ германецъ, или, иными словами, въ основѣ его лежитъ нравственное благодушіе и даже застѣнчивость; съ трудомъ можетъ вызвать онъ въ себѣ сочувствіе къ языческой идеѣ о нагой жизни; еще труднѣе будетъ ему понять роковую и чудную мысль *), руководящую цивилизаціей и возбуждающую искусства по ту сторону Альпъ, мысль о цѣльной личности, самовластной, стоящей выше всякаго закона, подчиняющей в е—и человѣка, и міръ вещественный—развитію своей собственной природы и расширенію своихъ способностей. Нашъ живописецъ приходится съ родни, хотя и не близкой, Мартину Шёну и Альберту Дюреру; онъ почти послушный и точный гражданинъ, любитель удобства и довольства, склонный къ

*) Буркгардта, Die Cultur Renaissance in Italien.—Прекрасная книга, самое полное и самое глубокомысленное сочиненіе объ эпохѣ Возрожденія въ Италіи.

семейной и домашней жизни. Біографъ его, Карлъ ван-Мандеръ, въ началѣ своей книги, снабжаетъ его нравственными наставленіями. Прочтите это патріархальное разсужденіе и сообразите разстояніе, раздѣляющее Россо, Джуліо Романо, Тиціана, Джіорджіоне отъ ихъ лейденскихъ или антверпенскихъ учениковъ: «Каждая ошибка, «говоритъ почтенный фламандецъ, влечетъ за собою и «наказаніе.—Опровергните пословицу, гласящую, что «лучшій живописецъ—самый безпорядочный человѣкъ. Не-«достойны названія художника тѣ, которые ведутъ «дурную жизнь.—Живописцы никогда не должны ссорить-«ся и драться.—Плохое искусство расточать свое добро.—«Избѣгайте въ молодости вашей ухаживать за женщи-«нами.—Берегитесь легкомысленныхъ женщинъ, отъ ко-«торыхъ гибнетъ много живописцевъ.—Прежде чѣмъ итти «въ Римъ, хорошо поразмыслите объ этомъ, ибо тамъ «весьма легко промотать деньги, а невозможно ихъ за-«работать.—Вѣчно благодарите Бога за его милости.» Слѣдуютъ особые совѣты по части гостинницъ, одѣялъ и клоповъ въ Италіи. Ясно, что такіе ученики, даже трудясь много, способны составить изъ себя только бездушныя академіи; сами по себѣ, они могутъ представить себѣ человѣка лишь одѣтаго; когда по примѣру своихъ итальянскихъ учителей они пожелаютъ изобразить голое тѣло, то не будетъ въ ихъ работѣ ни свободы, ни увлеченія, ни живой изобрѣтательности; да и въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ ихъ картинахъ вы найдете только холодное, скудное подражаніе; добросовѣстность ихъ обнаруживается въ педантствѣ; они дурно и рабски вяло дѣлаютъ то, что по ту сторону горъ исполняется естественно и хорошо.—Съ другой стороны, итальянское искусство, подобно греческому и вообще всякому классическому искусству, упрощаетъ все для того, чтобы украсить; оно исключаетъ, затушевываетъ и уменьшаетъ легкія подробности; таковы пріемы его, чтобы придать болѣе значенія важнѣйшимъ чертамъ; Микель Анджело и прекрасная флорентинская школа подчиняютъ или исключаютъ совсѣмъ аксессуарныя принадлежности, пейзажи, фабрики, костюмы; самое су-

щественное у нихъ—грандіозный или благородный типъ, анатомическое и мускульное строеніе, голое или полудрапированное тѣло, взятое само по себѣ, отвлеченно, за исключеніемъ частностей, составляющихъ личность и обозначающихъ ея занятія, ея воспитаніе, ея условія жизни; это человѣкъ вообще, а не тотъ человѣкъ, какого они изображаютъ. Лица ихъ принадлежатъ какому-то высшему міру, потому что взяты они изъ какого-то несуществующаго міра; существеннѣйшій характеръ изображаемыхъ ими сценъ есть уничтоженіе времени и мѣста. Ничего не можетъ быть болѣе противоположнаго германскому и фламандскому генію, который видитъ вещи такими, какъ онѣ есть, во всей ихъ полнотѣ и сложности, который подмѣчаетъ въ человѣкѣ, кромѣ человѣка вообще, еще и современника, гражданина, крестьянина, работника, извѣстнаго крестьянина, извѣстнаго работника, который аксессуарамъ человѣка придаетъ столь же большое значеніе, какъ и самому человѣку, который любитъ не только человѣческую природу, но и всякую одушевленную и неодушевленную природу,—скотъ, лошадей, растенія, пэйзажи, небо и даже самый воздухъ, ибо его самыя широкія симпатіи обнимаютъ все, рѣшительно все, а его самое кропотливое зрѣніе докопается до всего и ничего не оставитъ незамѣченнымъ. Понятно, что если онъ и подчинится столь несоотвѣтствующимъ требованіямъ, то это повлечетъ за собою лишь утрату того, чѣмъ уже онъ обладаетъ, и не дастъ взамѣнъ ничего изъ того, чего нѣтъ у него отъ природы; понятно, что забравшись въ міръ идеальный, онъ притупитъ свои краски, забудетъ свое чутье воздуха и свѣта, изгладитъ вѣрныя подробности внутренности своего жилища и костюма, отниметъ у своихъ лицъ своеобразную неправильность, свойственную портрету и личности, вынужденъ будетъ смягчить оживленное движеніе, составляющее признакъ подвижной природы, и разрушить идеальную симметрію; инстинктъ его согнется лишь вполовину подъ гнётомъ воспитанія; подъ его попытками подладиться подъ итальянскій стиль легко распознать фламандскія заимствованія; то тѣ, то другіе элементы

поочередно будутъ преобладать въ одной и той-же картинѣ: они взаимно будутъ мѣшать другъ другу произвести весь свой эффектъ, и живопись ихъ, нерѣшительная, неполная, колебающаяся между двумя стремленіями, представитъ историческіе документы, а не прекрасныя художественныя произведенія.

Таково зрѣлище, наполняющее Фландрію въ три послѣднія четверти XVI-го столѣтія. Подобно небольшой рѣчкѣ, въ которую впадаетъ большая рѣка, и смѣшанныя воды этихъ двухъ источниковъ дѣлаются мутными, пока какой-нибудь иной болѣе сильный потокъ не покрываетъ все теченіе преобладающимъ свѣтомъ своей воды,—точно также національный стиль, поглощенный итальянскимъ, безпорядочно, кое-гдѣ пестрѣетъ изъ-подъ него, постепенно исчезаетъ, изрѣдка лишь блеснетъ на поверхности и наконецъ ниспускается до самыхъ низкихъ поддонковъ, между тѣмъ какъ пришлый элементъ выставляется на свѣтъ Божій и привлекаетъ на себя всѣ взоры. Интересно прослѣдить въ музеяхъ это смѣшеніе двухъ потоковъ и странное впечатлѣніе, производимое подобной смѣсью. Первая итальянская волна прибываетъ съ появленіемъ Іоанна Мабуза, Бернарда, ван-Орлей, Ламберта Ломбарда, Яна Мостаарта, Іоанна Шореeля, Ланцелота Блонделя. Они придаютъ важное значеніе въ своихъ картинахъ классической архитектурѣ, испещреннымъ мраморнымъ пилястрамъ, медальонамъ, нишамъ на манеръ раковинъ, подчасъ тріумфальнымъ аркамъ и каріатидамъ, подчасъ благороднымъ и мощнымъ лицамъ женщинъ, драпированныхъ по древнему: здоровое нагое тѣло, живое, съ прекрасными членами, изящное, здоровое чисто языческое положеніе его; къ этому сводится все ихъ подражаніе; во всемъ остальномъ они слѣдуютъ національной традиціи. Ихъ картины остаются маленькими, какъ оно и слѣдуетъ жанровымъ сюжетамъ; почти всегда они сохраняютъ сильный и богатый цвѣтъ, свойственный предъидущей эпохѣ: гористую и синеватую даль Іоанна ван Эйка, ясныя небеса, слегка оттѣненныя изумрудомъ на горизонтѣ, великолѣпныя ткани, испе-

щренныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, сильный рельефъ, кропотливо-точная отдѣлка мелочей, крѣпкія и честныя головы гражданъ. Но, не стѣсняясь уже болѣе гіератической важностью, они, стремясь къ извѣстной свободѣ выраженія, впадаютъ въ наивную неловкость и въ грубоватую несообразность; дѣти Іова, придавленныя подъ развалинами своего дворца, въ порывѣ гнѣва гримасничаютъ и коверкаются подобно бѣсноватымъ; на другомъ медальонѣ, дьяволъ, сильно смахивающій на летучую мышь, летитъ по воздуху по направленію къ святому изображенію, нарисованному на требникѣ. Слишкомъ длинныя ноги, сухопарыя руки аскетовъ, обезображиваютъ даже другое и болѣе удавшееся тѣло. Въ Тайной Вечери Ламберта Ломбарда съ правильностью Винчи смѣшаны чисто фламандскія тяжеловатость и грубоватость отдѣлки. Бернардъ ван-Орлей, на Страшномъ Судѣ своемъ вводитъ, посреди совершеннѣйшихъ созданій, достойныхъ кисти Рафаэля, массу чертей Мартина Шёна.

Въ слѣдующемъ поколѣніи, грубость новаго потока начинаетъ преобладать надъ всѣмъ. Михаилъ Кокси, Геемскеркъ, Францъ Флорисъ, Мартинъ де-Восъ, семья Франкенъ, Карлъ ван-Мандеръ, Варѳоломей Шпрангеръ, Францъ Пурбусъ (старшій), позднѣе Генрихъ Гольціусъ, множество наконецъ другихъ, подобны людямъ, которые склонны говорить только по-итальянски, но языкомъ крайне тяжелымъ, съ отвратительнымъ выговоромъ и массой варваризмовъ. Полотно увеличивается и подходитъ къ обыкновеннымъ размѣрамъ исторической картины; манера писанія не такъ уже проста; Карлъ ван-Мандеръ укоряетъ своихъ современниковъ за то, что они «слишкомъ набираютъ кисть», чего никогда не дѣлалось прежде, и черезчуръ ужъ замазываютъ красками. Колоритъ тускнетъ; онъ все болѣе и болѣе становится бѣловатымъ, мѣловымъ и блѣднымъ. Художники съ увлеченіемъ набрасываются на изученіе анатоміи, раккурсовъ и мускулатуры; рисунокъ становится сухимъ и твердымъ и напоминаетъ, въ одно и тоже время, современныя ювелирныя издѣлія

Поллайоло и заблудшихъ послѣдователей Микель-Анджело; живописецъ тяжело или съ яростью опирается о науку; онъ упорствуетъ, желая доказать, во что-бы то ни стало, что ему подъ силу справиться со скелетомъ и изобразить извѣстное движеніе; вы найдете Евъ и Адамовъ, святыхъ Себастіановъ, избіенія невинныхъ, Гораціевъ Коклесовъ, которые похожи на ободранные скелеты живыхъ и безобразныхъ людей; глядя на лица ихъ, такъ и кажется, какъ будто они хотятъ выскочить изъ своей кожи. Если же они и посдержаннѣе, если живописецъ, подобно Францу Флорису, въ его *Паденіи ангеловъ*, скромно подражаетъ лучшимъ классическимъ образцамъ, то все же нагота имъ положительно не дается; чутье дѣйствительности и причудливое нѣмецкое воображеніе невольно вторгаются въ ихъ идеальныя формы; демоны съ кошачьей головой, вепрь, рыба, снабженные хоботомъ, когтями, гребешками и изрыгающіе пламя изъ пасти своей, образуютъ какую-то комедію скотовъ, какой-то фантастическій шабашъ среди благороднаго Олимпа; это — шутовство Теньера, втиснутое въ Рафаэлевскую поэму. Другіе, подобно Мартину Восу, подымаются на ходули, чтобы изобразить большую религіозную картину, представить лица, подобныя античнымъ, латы, драпировки и хламиды, пріемы, усиливающіеся достигнуть правильности, движенія, которымъ хотятъ придать благородство, костюмы и головы изъ любой оперы; на самомъ дѣлѣ, они живописцы жанра, любители реальнаго и аксессуаровъ; всякую минуту сворачиваютъ они къ своимъ фламандскимъ типамъ и мелочамъ домашняго хозяйства; картины ихъ похожи на раскрашенные увеличенные эстампы; они несравненно бы болѣе выиграли, если-бы не имѣли такихъ большихъ претензій. Вы чувствуете въ художникѣ извращенный талантъ, извѣстнаго рода насиліе надъ природнымъ влеченіемъ, способность, примѣненную не впопадъ, видите прозаика, который рожденъ для того, чтобы разсказывать картины нравовъ и отъ котораго общественные вкусы требуютъ эпопеи, написанной большими але-

ксандрійскими стихами *). Еще одинъ потокъ, и эти остатки національнаго генія, казалось, потонутъ навсегда. Одинъ живописецъ благороднаго происхожденія, хорошо воспитанный, получившій образованіе отъ одного ученаго, свѣтскій и придворный человѣкъ, любимецъ итальянской и испанской знати, заправляющій дѣлами Нидерландовъ, Оттонъ Веніусъ, проведя семь лѣтъ въ Италіи, выноситъ оттуда благородные и свѣтлые античные типы, прекрасный венеціанскій колоритъ, темные и слегка понижаемые тоны, тѣни, пронизанныя свѣтомъ, легкій пурпуръ тѣлъ и изсохшихъ листьевъ; за исключеніемъ вдохновенія, онъ во всемъ остальномъ итальянецъ; въ немъ нѣтъ уже ничего племеннаго; развѣ только, время отъ времени, какой-нибудь остатокъ костюма, свободное положеніе какого-нибудь сгорбившагося старика привязываютъ его къ родинѣ. Живописцу не остается ничего болѣе, какъ оставить ее совершенно. Діонизіо Кальвартъ поселяется въ Болоні, заводитъ тамъ школу, соперничаетъ съ Карраччи и является учителемъ Гвидо; такимъ образомъ, фламандское искусство, казалось, само собою направляется къ самоуничтоженію въ пользу другаго искусства.

И однакоже, оно продолжаетъ держаться подъ спудомъ его. Сколько бы ни сгибался духъ народа подъ иноземнымъ вліяніемъ, онъ снова воспрянетъ: ибо вліяніе это временно, а духъ народа безсмертенъ; онъ проникъ въ плоть и кровь, въ воздухъ и почву, въ строеніе и степень дѣятельности чувствъ и мозга; это—живыя, вѣчно обновляемыя силы, всюду присутствующія, которыхъ мимолетная прелесть болѣе высокой цивилизаціи не можетъ ни уничтожить, ни надломать. Вы видите это уже изъ того, что два рода художественныхъ произведеній остаются чистыми посреди возростающей порчи

*) Этотъ моментъ изъ исторіи фламандской живописи сходенъ съ состояніемъ англійской литературы послѣ реставраціи. Въ обоихъ случаяхъ, германское искусство стремится сдѣлаться классическимъ; въ томъ и другомъ случаѣ, контрастъ между воспитаніемъ и природой создаетъ произведенія, достойныя названія выродковъ и многочисленныхъ недоносковъ.

всѣхъ другихъ. Мабузъ, Мостаартъ, ван-Орлей, оба Пурбуса, Іоаннъ ван-Клево, Антонъ Моро, оба Миревельты, Павелъ Мореэльзе, пишутъ прелестныя картины; часто, на украшеніяхъ, лица зрителей, расположенныя нитью на затворахъ, своей открытой правдой, неподвижной строгостью, простосердечной глубиной своего выраженія составляютъ контрастъ съ холодностью и искусственнымъ расположеніемъ главной картины; зритель одушевляется снова—вмѣсто манекеновъ онъ встрѣчаетъ людей.—Съ другой стороны, образуется живопись жанра, пэйзажа и внутренности комнатъ. Послѣ Луки Лейденскаго и Квинтина Мессиса, она развивается далѣе въ произведеніяхъ Іоанна Мессиса, Яна Гемесена, братьевъ Брейгель, Винкебоомса, трехъ Валькенбурговъ, Петра Неэфса, Павла Бриля, особенно у цѣлаго множества граверовъ и раскращиковъ, которые воспроизводили, въ летучихъ листкахъ или въ книгахъ, нравоученія, очерки нравовъ, обыденныя занятія, обстановку и происшествія. Несомнѣнно, въ теченіе очень долгаго времени, она остается фантастическою и шутовскою; она перепутываетъ природу по прихоти своего безпорядочнаго воображенія; ей неизвѣстны дѣйствительныя формы и истинный цвѣтъ деревьевъ и горъ; лица свои она заставляетъ выть, и, посреди современныхъ костюмовъ, бросаетъ безобразныхъ чудовищъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ выводятъ на храмовыхъ праздникахъ. Но всѣ эти пробѣлы совершенно естественны и нечувствительно приводятъ искусство къ его конечному состоянію—пониманію и любви къ дѣйствительной жизни, какою представляется она глазамъ человѣческимъ. Здѣсь, какъ и въ портретной живописи, цѣпь полна, а металлъ, изъ котораго выкованы ея звѣнья, глубоко проникнутъ національнымъ духомъ; при посредствѣ Брейгелей, Павла Бриля и Пьера Невё, Антона Моора, двухъ Пурбусъ и Миревельтовъ, искусство это соединяетъ фламандскихъ и голландскихъ маэстро XVII-го столѣтія. Суровость древнихъ лицъ смягчается; мистическій пэйзажъ становится реальнымъ, совершается переходъ отъ эпохи возвышенно-небесной къ эпохѣ человѣческой. Это

самобытное и правильное развитіе доказываетъ, что національные инстинкты удерживаются, не смотря на господство иноземной моды; едва одинъ какой-нибудь толчокъ поддержитъ, приподниметъ ихъ—они оживаютъ, и искусство преобразовывается согласно настроенію общественнаго вкуса. Толчокъ этотъ—было великое смятеніе, начавшееся въ 1572 г., долгая и яростная борьба за независимость, столь-же грандіозная по сопровождавшимъ ее событіямъ, столь-же обильная по своимъ послѣдствіямъ, какъ и французская революція. Тамъ, какъ и у французовъ, нравственный міръ, обновляясь, внесъ много свѣжихъ силъ и въ міръ идеальный; фламандское и голландское искусство XVII-го столѣтія, подобно французскому искусству и литературѣ XIX-го столѣтія, есть отраженіе обширной трагедіи, разыгрывавшейся въ теченіе тридцати лѣтъ цѣною многихъ тысячъ жизней. Но здѣсь эшафоты и битвы, разрѣзавъ народъ на двѣ половины, образовали два народа: одинъ католическій и легитимистскій—Бельгію, другой протестантскій и республиканскій—Голландію. Соединенные въ одинъ народъ, они одушевлены были-бы однимъ общимъ духомъ; разъединенные и раздѣленные, они выработали для себя, каждый, отдѣльный характеръ народнаго духа. Если-бы Антверпенъ и Амстердамъ создали въ себѣ различныя пониманія жизни, различныя міросозерцанія—они неминуемо образовали-бы и различныя школы живописи; политическій кризисъ, раздвоившій страну, естественно долженъ былъ раздвоить и самое искусство.

III.

Третья эпоха.—Образованіе Бельгіи.—Какимъ образомъ она становится католическою и подчиненною.—Правленіе эрцгерцоговъ и возстановленіе страны. — Обновленіе воображенія и чувственное пониманіе жизни.—Школа XVII-го столѣтія.—Рубенсъ.—Сходства и различія между этимъ искусствомъ и искусствомъ итальянскимъ.—Произведеніе является по названію католическимъ, а въ основѣ—языческимъ.—Въ чемъ искусство народно.—Представленіе живаго тѣла.—Крейеръ, Іордаансъ и ван-Дейкъ.—Перемѣна въ политическомъ положеніи и измѣненіе нравственной среды.—Упадокъ живописи.—Конецъ живописной эпохи.

Чтобы понять рожденіе школы, носящей имя Рубенса, необходимо взглянуть поближе на образованіе Бельгіи *). До войны за независимость, южныя провинціи, повидимому, столько же были склонны къ реформѣ, какъ и сѣверныя. Въ 1566 г., шайки иконоборцевъ опустошили соборы въ Антверпенѣ, Гентѣ и Турне и повсюду, въ церквяхъ и аббатствахъ, уничтожили иконы и украшенія, почитавшіяся ими за идолопоклонство. Въ окрестностяхъ Гента, толпы вооруженныхъ кальвинистовъ въ десять и двадцать тысячъ человѣкъ собирались слушать проповѣди Германа Штриккера. Вокругъ костровъ, присутствующіе пѣли псалмы, подчасъ побивали камнями палачей и осво-

*) Всѣ знаютъ, что названіе это беретъ начало въ эпоху французской революціи. Я употребляю его здѣсь, какъ болѣе удобное. Историческія наименованія будутъ: для Бельгіи—Испанскія Нидерланды и для Голландіи—Соединенныя Провинціи.

бождали приговоренныхъ. Чтобы прекратить сатиры, исходившія изъ палатъ риторовъ, пришлось отмѣнить декретъ о смертной казни, а когда герцогъ Альба принялся за свои жестокости, вся страна взялась за оружіе. Но отпоръ не былъ таковъ-же на югѣ, какъ на сѣверѣ, потому что на югѣ германская кровь, независимая протестантская раса были не совсѣмъ чисты: смѣшанное населеніе, говорящее по-французски, валлонцы, составляли половину обитателей. Къ тому-же, такъ какъ земля тамъ богаче и жизнь привольнѣе, то и энергіи понадобилось меньше, а чувственность получила бóльшее развитіе; человѣкъ былъ менѣе рѣшителенъ въ дѣлѣ страданія и болѣе наклоненъ къ наслажденію. Наконецъ, почти всѣ валлонцы, за исключеніемъ самыхъ знатныхъ семействъ, вслѣдствіе придворной жизни своей привязавшихся къ идеямъ двора, были католики. Поэтому-то въ сопротивленіи южныхъ провинцій и не обнаружилось той невѣроятной стойкости, какою отличались сѣверныя провинціи. Тутъ вы не найдете ничего подобнаго осадамъ Мастрихта, Алькмаара, Гарлема и Лейде, гдѣ женщины, стоя въ рядахъ солдатъ, трупами своими загромождали бреши. Послѣ взятія Антверпена герцогомъ Пармскимъ, десять провинцій покорились и начали особнякомъ отъ другихъ новую жизнь. Самые непреклонные изъ гражданъ и самые ревностные кальвинисты погибли въ битвахъ и на эшафотѣ или бѣжали на сѣверъ въ предѣлы семи свободныхъ провинцій. Палаты риторовъ толпами переселялись туда. Къ концу административной дѣятельности герцога Альбы, говорятъ, эмигрировало шестьдесятъ тысячъ семействъ; послѣ взятія Гента, выѣхало еще одинадцать тысячъ жителей; послѣ капитуляціи Антверпена, четыре тысячи ткачей отправились въ Лондонъ. Антверпенъ лишился половины своихъ жителей; Гентъ и Брюгге—двухъ третей; цѣлыя улицы оставались пустыми; на главной изъ нихъ, въ Гентѣ, лошади пощипывали травку. Большая хирургическая операція вырѣзала изъ народа все то, что испанцы называли его испорченной кровью; по крайней мѣрѣ, оставшіеся въ живыхъ пребывали въ совершенномъ спо-

койствіи. У германскихъ племенъ есть громадная доза покорности и смиренія; вспомните нѣмецкіе полки, вывезенные въ Америку въ XVIII-мъ столѣтіи и проданные на убой своими маленькими деспотами—правителями; какъ только государь принятъ народомъ, ему остаются вѣрны до конца; если есть писанное законодательство, каково бы ни было оно, его признаютъ правымъ; все склонно подчиниться установившемуся порядку. Ко всему этому присоединяется еще постоянное вліяніе неотвратимой необходимости; человѣкъ привыкаетъ къ извѣстному строю вещей, если видитъ, что измѣнить его невозможно; части его характера, которыя не могутъ развиваться, засыхаютъ, а остальныя измѣняются. Въ исторіи народа есть моменты, когда онъ бываетъ въ положеніи Іисуса Христа, искушаемаго на вершинѣ горы дьяволомъ; ему предстоитъ сдѣлать выборъ между жизнью героической и обыденной. Тутъ искусителемъ былъ Филиппъ II своими арміями и палачами; подвергнутыя одинаковому испытанію, провинціи сѣвера и юга сдѣлали различный выборъ, согласно небольшимъ отличіямъ въ ихъ составѣ и характерѣ. А по совершеніи выбора, отличія эти стали возрастать, подъ вліяніемъ несходства въ положеніяхъ, устраненнаго ими въ самомъ началѣ. Два народа были двумя почти неразличимыми разновидностями одного и того же племени; теперь они превратились въ два отдѣльныя племени.

Нравственные типы испытали такое-же измѣненіе, какъ и типы органическіе; въ началѣ они исходятъ изъ общаго источника, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи все болѣе и болѣе удаляются другъ отъ друга; это происходитъ оттого, что они совершенно расходятся въ своихъ дорогахъ. Отнынѣ южныя провинціи дѣлаются Бельгіей. Господствуютъ тутъ уже такіе инстинкты, какъ: потребность мира и благосостоянія, расположеніе принимать жизнь съ ея пріятной и веселой стороны, короче—духъ Теньера. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ полуразвалившейся избушкѣ или въ голой гостинницѣ, на деревянной скамьѣ, можно смѣяться, пѣть, покуривать трубку, про-

пустить добрую рюмочку; не лишено пріятности также прослушать мессу, представляющую величественный церемоніалъ, или разсказать свои грѣхи іезуиту, который вообще на этотъ счетъ довольно сговорчивъ. Послѣ взятія Антверпена, Филиппъ II съ удовольствіемъ узнаетъ, что случаи причащенія стали повторяться несравненно чаще. Монастыри начали основываться десятками. «Замѣчательно, говоритъ одинъ современникъ, что со времени благодатнаго появленія эрцъ-герцоговъ, тутъ совершилось «основаніе новыхъ обителей въ несравненно большемъ «количествѣ, чѣмъ за двѣсти лѣтъ до того»: францисканцы, преобразованные кармелиты, францисканцы св. Павла, кармелиты, орденъ Благовѣщенія и въ особенности іезуиты; въ самомъ дѣлѣ, всѣ они вносятъ сюда новую форму Христіанства, болѣе соотвѣтствующую положенію страны и, казалось, нарочно составленную въ качествѣ явнаго контраста съ протестантизмомъ. Будьте смиренны умомъ и сердцемъ; во всемъ остальномъ—снисхожденіе и терпимость: нужно взглянуть, по этому поводу, на портреты того времени, между прочими, на веселаго шутника, бывшаго исповѣдникомъ Рубенса. Является казуистика и, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, выводитъ какъ нельзя лучше; подъ ея благодатнымъ кровомъ уживаются съ полной свободой всѣ маленькіе грѣшки. Къ тому же самый культъ не отличается особенной суровостью, а подъ конецъ превращается и совсѣмъ таки въ забаву. Въ это-то время, внутреннее украшеніе старыхъ и торжественныхъ соборовъ становится свѣтскимъ и чувственнымъ: многочисленные, искривленные орнаменты, пламя, лиры, мелочные уборы, росчерки, убранство испещренныхъ мраморовъ, алтари, подобные опернымъ фасадамъ, странно и забавно изукрашенные стулья, въ отдѣлкѣ которыхъ нагроможденъ цѣлый звѣринецъ изваянныхъ животныхъ; что до новыхъ храмовъ, то внѣшность ихъ соотвѣтствуетъ внутренности; въ этомъ отношеніи, церковь іезуитовъ, построенная въ Антверпенѣ въ началѣ XVII-го столѣтія, особенно назидательна; это—гостиная, наполненная этажерками. Рубенсъ раздѣлалъ

тамъ тридцать шесть потолковъ, и любопытно видѣть, какъ здѣсь, да и въ другихъ мѣстахъ, аскетическое и мистическое вѣрованіе принимаетъ, въ качествѣ назидательныхъ предметовъ, самую цвѣтущую и самую раскрытую наготу тѣла, роскошныхъ Магдалинъ, мясистыхъ Себастіановъ, мадоннъ, въ которыхъ глазами, горящими отъ сладострастія, впивается кудесникъ-негръ,—любопытно видѣть, какъ вѣрованіе это допускаетъ цѣлую выставку тѣла и тканей, которая перещеголяла собою роскошное возбужденіе и торжествующую чувственность флорентинскаго карнавала.

Между тѣмъ, преобразованіе политическаго положенія содѣйствуетъ и преобразованію умовъ. Прежній деспотизмъ значительно поослабъ; суровость герцога Альбы смѣнилась снисходительностью герцога Пармскаго. Послѣ ампутаціи, когда человѣкъ значительно поистекъ кровью, ему необходимы успокоительныя и подкрѣпляющія средства; вотъ почему, послѣ возстановленія спокойствія и мира въ Гентѣ, испанцы вяло принимаются за свои ужасные эдикты противъ ересей. Нѣтъ болѣе казней: послѣднею мученицей была несчастная служанка, заживо погребенная въ 1597 году. Въ слѣдующемъ столѣтіи Іордаансъ, спокойно и даже не рискуя утратить своихъ заказчиковъ, можетъ перейти въ протестантство съ своей женой и семействомъ послѣдней. Эрцъ-герцоги предоставляютъ городамъ и корпораціямъ управляться по старому обычаю, самимъ обложить себя податью и вести свои дѣла; когда они хотятъ освободить отъ службы или отъ лишняго налога Брейгеля Бархатнаго, то испрашиваютъ на это согласія общины. Правленіе становится правильнымъ, полу-свободнымъ, почти народнымъ; не встрѣчается болѣе принужденій, грабежей и набѣговъ по-испански. Наконецъ, чтобы удержать за собою страну, Филиппъ II-й вынужденъ былъ оставить ее фламандскою, сдѣлать изъ нея особое государство. Въ 1599 году, онъ отдѣляетъ ее отъ Испаніи и предоставляетъ въ собственность эрцъ-герцогу Альберту и Изабеллѣ. «Испанцы «неисправимы, пишетъ французскій посланникъ,—имъ

«невозможно было удержаться въ странѣ, еслибы они не «дали ей эту новую форму, ибо все готово было вспых-«нуть.» Генеральные Штаты собираются въ 1600 г. и рѣшаютъ реформы. Изъ показаній Гвиччіардини и другихъ путешественниковъ видно, что старая конституція вышла почти неприкосновенною изъ кучи муссора, куда занесли ее военныя насилія. «Въ Брюгге, пишетъ, въ «1653 г., Монкони, рабочіе по каждому ремеслу имѣ-«ютъ общій домъ, куда они собираются по дѣламъ своей «общины или для веселья; всѣ ремесленники распредѣ-«лены на четыре части, находящіяся подъ управленіемъ «четырехъ бургмистровъ, владѣющихъ ключами отъ горо-«да, а правитель имѣетъ власть и судъ только надъ воен-«нымъ сословіемъ.» Эрцъ-герцоги имѣютъ умъ и заботятся объ общественномъ благѣ. Въ 1609 г., они заключаютъ съ Голландіей миръ; въ 1611 г. изданный ими на вѣчныя времена эдиктъ довершаетъ улучшеніе края. Они популярны или, по крайней мѣрѣ, добиваются популярности; Изабелла собственной своей рукой убиваетъ на Саблонской площади птицу, служащую предметомъ состязанія для стрѣлковъ. Альбертъ слушаетъ въ Лувенѣ чтенія Юста Липсія. Они любятъ, принимаютъ къ себѣ и покровительствуютъ знаменитымъ художникамъ: Оттону Веніусу, Рубенсу, Теньеру, Брейгелю Бархатному. Палаты риторовъ расцвѣтаютъ опять; для университетовъ настаетъ благопріятная пора; въ самой средѣ католицизма, подъ рукою іезуитовъ, подчасъ даже на ряду съ ними, образуется нѣчто въ родѣ возрожденія умовъ—возрожденіе теологовъ, диспутантовъ, казуистовъ, ученыхъ, географовъ, медиковъ, даже историковъ; Меркаторъ, Ортеліусъ, ван-Гельмонтъ, Янсеніусъ, Юстъ Липсій—фламандцы и принадлежатъ этому времени. «Описаніе Фландріи» Зандера, обширный трудъ, доведенный до конца цѣною такихъ трудовъ, составляетъ памятникъ національнаго усердія и патріотической гордости. Короче: если вы хотите представить себѣ состояніе страны, взгляните, въ настоящее время, на одинъ изъ ея покойныхъ и одряхлѣвшихъ городовъ, Брюгге, напримѣръ. Сиръ Дудлей Чарльтонъ, проѣзжая чрезъ Антверпенъ въ 1616 году, находитъ его прелестнымъ, хотя почти пустымъ городомъ; вѣроятно, ему никогда не удавалось видѣть «сорока человѣкъ на протяженіи всей улицы»; ни одной кареты, ни одного всадника, ни одного покупателя въ лавкѣ. Но дома содержатся превосходно; все чисто и тщательно прибрано. Крестьянинъ подновилъ свою полусожженную избенку и работаетъ на полѣ; хозяйка суетится за своимъ дѣломъ; миръ и безопасность вернулись и не замедлятъ принести съ собою достатокъ; есть и стрѣлянья въ цѣль, и процессіи, и торжественныя празднества, и величественныя шествія государей. Люди возвращаются къ прежнему благосостоянію, не слышно болѣе вздоховъ; религія предоставляется въ руки церкви, а правленіе ввѣряется государю; здѣсь, какъ въ Венеціи, теченіе обстоятельствъ привело человѣка къ тому, что онъ ищетъ веселья и отдается ему тѣмъ полнѣе, чѣмъ рѣзче чувствуетъ онъ контрастъ съ недавнимъ горемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, контрастъ выходитъ значительный! Прочтите подробности войны, и вы тогда соразмѣрите всю разность положенія. Пятьдесятъ тысячъ мучениковъ погибло при Карлѣ V; восемнадцать тысячъ человѣкъ были казнены герцогомъ Альбой; затѣмъ разстроенный край долженъ былъ еще вести войну въ теченіе тринадцати лѣтъ. Испанцы овладѣли большими городами лишь съ помощью голода, послѣ долгой осады. Въ самомъ началѣ, Антверпенъ былъ раззоренъ въ три дня; семь тысячъ человѣкъ было убито и пятьсотъ домовъ было сожжено. Солдатъ жилъ на счетъ страны, и на гравюрахъ того времени его изображали обыкновенно, какъ онъ налагалъ свою руку на чужую собственность, грабилъ дома, колотилъ мужа, оскорблялъ жену и вывозилъ на повозочкѣ сундуки и домашнюю утварь. Если имъ долгое время не доставало жалованья, они собирались въ какомъ-нибудь городѣ и составляли тамъ цѣлую разбойничью республику; подъ фирмою eletto, они произвольно эксплуатировали окрестности, сколько имъ было угодно. Карлъ ванъ-Мандеръ, біографъ живописцевъ, возвратив-

шись однажды въ свою деревушку, нашелъ домъ свой и все имущество разграбленнымъ; солдаты взяли даже матрацъ и одѣяло изъ-подъ больнаго старика-отца его. Карла раздѣли до-нога, и уже веревка была вокругъ его шеи, когда его спасъ одинъ рыцарь, знавшій его еще въ Италіи. Въ другой разъ, когда онъ былъ въ дорогѣ съ женою и маленькимъ ребенкомъ, у него отняли всѣ деньги, всю поклажу, платье, женскія тряпки и даже пеленки младенца; мать осталась въ одной коротенькой юбкѣ, дитя—въ плохой сѣточкѣ, а Карлъ—въ старомъ истертомъ кускѣ сукна, который онъ набросилъ на себя; въ этомъ нарядѣ прибыли они въ Брюгге. Подъ такимъ управленіемъ, страна совершенно «отощала»; сами солдаты мрутъ отъ голода, и герцогъ Пармскій пишетъ Филиппу II, что армія погибнетъ, если онъ не пришлетъ денегъ: «ибо не проживешь, ничего не ѣвши». По выходѣ изъ такого бѣдственнаго положенія, миръ покажется раемъ; тутъ не отъ добра человѣкъ веселится, а ради положенія хоть нѣсколько болѣе сноснаго, здѣсь-же оно вышло неизмѣримо сноснѣе прежняго. Наконецъ-то можно уснуть на своей постели, собрать запасы, воспользоваться своимъ трудомъ, путешествовать, собираться, разговаривать безъ страха; у каждаго есть свой домъ, своя родина, предъ каждымъ раскрываются надежды на будущее. Всѣ обыденныя житейскія явленія и событія получаютъ особенную прелесть и интересъ; народъ возрождается, и ему кажется, что онъ живетъ впервые. Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ и являются всегда самобытныя литературныя произведенія и своеобразное искусство. Только что испытанное сильное потрясеніе уничтожило однообразный лоскъ, какимъ традиція и привычка покрывали всѣ предметы. Открывается человѣкъ; мы улавливаемъ существеннѣйшія черты его обновленной и преобразованной натуры; видна основа его, внутренніе его инстинкты, преобладающія въ немъ силы, которыми выражается его раса и которыя дадутъ направленіе его исторіи; черезъ пятьдесятъ лѣтъ мы ужъ ихъ не увидимъ болѣе, потому что въ теченіе полустолѣтія достаточно къ

нимъ присмотрѣлись; но, пока-что, свѣжесть всего полная; умъ останавливается предъ ними, какъ Адамъ въ моментъ перваго его пробужденія; позднѣе пониманіе станетъ утончаться и ослабѣвать, но въ эту минуту оно широко и просто. Человѣку подъ-стать оно, ибо онъ родился въ средѣ падающаго общества и былъ воспитанъ въ сферѣ истинныхъ трагедій; подобно Виктору Гюго и Жоржъ-Занду малютка-Рубенсъ въ тюрьмѣ, близь своего заточеннаго отца, слышалъ отъ него, да и вокругъ него, отголоски бури и крушенія. Послѣ дѣятельнаго поколѣнія, которое собирало жатву и создало что-либо, настаетъ поколѣніе поэтическое, которое пишетъ, рисуетъ или дѣйствуетъ рѣзцомъ. Оно выражаетъ и расширяетъ энергію и стремленія міра, созданнаго отцами его. Вотъ почему фламандское искусство возводитъ въ героическіе типы чувственные инстинкты, грубое и широкое веселье, черствую энергію окружающихъ душъ и открываетъ Рубенсовскій Олимпъ въ трактирѣ Теньера.

Между этими живописцами есть одинъ, который, кажется, заслоняетъ собою всѣхъ другихъ; въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи искусства нѣтъ болѣе великаго имени и найдется не болѣе трехъ-четырехъ столь-же высокихъ именъ. Но Рубенсъ не стоитъ особнякомъ: количество и сходство съ нимъ окружающихъ талантовъ показываютъ, что жатва, въ которой онъ составляетъ самый лучшій ростокъ, есть произведеніе его народа и его времени. До него былъ Адамъ ван-Ноортъ *), учитель его и Іорданса; вокругъ него—современники, воспитанные въ другихъ мастерскихъ, но отличающіеся такимъ-же, какъ и у него, самобытнымъ вымысломъ: Іордаансъ, Крейеръ, Гергардъ Сегерсъ, Ромбаутсъ, Авраамъ Янсенъ, ванъ-Роосъ; вслѣдъ за нимъ—его ученики ван-Тульденъ, Дипенбекъ, ван-ден-Гёкке, Корнелій Шутъ, Бойермансъ, ван-Дейкъ величайшій изъ всѣхъ ихъ, Іоаннъ ван-Оостъ изъ Брюгге; рядомъ съ нимъ—великіе живописцы животныхъ,

*) Посмотрите прелестную картину ван-Ноорта «Чудесный ловъ рыбы» въ церкви св. Іакова, въ Антверпенѣ.

цвѣтовъ и аксессуарныхъ принадлежностей: Снейдерсъ, Іоаннъ Фейтъ, іезуитъ Сегерсъ и цѣлая школа знаменитыхъ граверовъ: Соутманъ, Ворстерманъ, Больсвертъ, Понтіусъ, Фишеръ; одинъ и тотъ-же родникъ даетъ растительную пищу всѣмъ этимъ вѣткамъ, какъ большимъ, такъ и малымъ; къ этому присоедините еще симпатію всѣхъ окружающихъ и восхищеніе всего народа. Ясно, что подобное искусство составляетъ результатъ не индивидуальной случайности, а общаго развитія народа; мы вполнѣ убѣждаемся въ этомъ, когда, взглянувъ на самое произведеніе, замѣчаемъ тѣсную связь его съ окружающею средою.

Съ одной стороны, художественное произведеніе здѣсь вступаетъ или продолжаетъ слѣдовать по пути традиціи итальянскаго искусства и становится, въ одно и тоже время, католическимъ и языческимъ. Его заказываютъ для себя церкви и монастыри; содержаніемъ ему служатъ библейскія и евангельскія сказанія; сюжетъ назидателенъ, и потому граверъ охотно помѣщаетъ внизу эстампа набожныя изрѣченія или нравственныя притчи. Между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, въ немъ христіанскаго только и есть, что названіе; тутъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда мистическаго или аскетическаго чувства; всѣ ихъ мадонны, мученики, исповѣдники, апостолы—не болѣе какъ превосходныя, цвѣтущія здоровьемъ тѣла, тѣсно прикрѣпленныя къ земной жизни; рай ихъ—это Олимпъ сытыхъ фламандскихъ боговъ, съ наслажденіемъ поворачивающихъ свои члены; все тамъ громадно, сильно, мясисто, пресыщенно, все роскошно и весело расположено, какъ на какомъ-нибудь народномъ праздникѣ или на выходѣ государей. Конечно, церковь освящаетъ извѣстнымъ этикетомъ этотъ послѣдній цвѣтокъ древней миѳологіи, но только освящаетъ, а часто тутъ недостаетъ даже и этото. Аполлоны, Юпитеры, Касторы, Поллуксы, Венеры, всѣ древніе боги, снова, подъ своими настоящими именами, оживаютъ въ дворцахъ королей и вельможъ, для которыхъ они служатъ украшеніемъ. Происходитъ это потому, что и здѣсь, какъ въ Италіи, религія состоитъ изъ обрядовъ;

Рубенсъ каждое утро отправляется прослушать мессу и жертвуетъ картину, чтобы получить индульгенціи; послѣ чего, онъ снова входитъ въ свое поэтическое пониманіе естественной жизни и въ одномъ и томъ же стилѣ рисуетъ роскошную Магдалину и жирную Сирену; подъ католическимъ покровомъ, нравы, поступки, сердце, умъ,— все языческое.

Съ другой стороны, искусство это—вполнѣ фламандское; все въ немъ держится и исходитъ изъ одной основной мысли, мысли совершенно народной и новой; искусство это—гармоническое, самобытное и своеобразное; этимъ оно отличается отъ предъидущаго искусства, которое было лишь нескладнымъ подражаніемъ. Отъ Греціи до Флоренціи, отъ Флоренціи до Венеціи и отъ Венеціи до Антверпена можно прослѣдить всѣ степени перехода. Развитіе основнаго взгляда на человѣка и жизнь идетъ, постоянно утрачивая въ благородствѣ и выигривая въ ширинѣ взгляда. Рубенсъ по отношенію къ Тиціану составляетъ то, что Тиціанъ—по отношенію къ Рафаэлю, а Рафаэль—по отношенію къ Фидіасу. Никогда еще симпатія художника не обнимала природы такъ свободно и всецѣло. Старыя препятствія, которыя не разъ уже пытались отклонить, разрушаются, повидимому, навсегда, открывая безконечно длинный путь. Въ искусствѣ исчезаетъ всякое уваженіе къ историческимъ приличіямъ; художникъ собираетъ вмѣстѣ и аллегорическія лица, и дѣйствительныхъ людей, какихъ-нибудь кардиналовъ и нагого Меркурія. Въ искусствѣ исчезаетъ всякая забота о соблюденіи нравственныхъ приличій; художникъ собираетъ на своемъ идеальномъ небѣ миѳологическія и евангельскія личности, грубыя или плутовскія лица, какую-нибудь Магдалину, смахивающую на добрую кормилицу, или Цереру, нашептывающую на ухо своей сосѣдкѣ что-то плоско-шутливое. Нѣтъ ни малѣйшей боязни оскорбить чувство человѣческаго состраданія въ зрителѣ; художникъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ ужаснаго путемъ всевозможныхъ мученій истерзаннаго тѣла и кровавыхъ содроганій предсмертной агоніи. Нѣтъ ни ма-

лѣйшей боязни оскорбить нравственное чувство; художникъ изъ своей Минервы дѣлаетъ какую-то мегеру, привыкшую къ кулачной расправѣ, изъ своей Юдиѳи—какого-то вампира, жаждущаго крови, а изъ своего Париса—опытнаго гуляку и охотника полакомиться. Чтобы передать словами мысль, ясно проглядывающую въ его Сусаннахъ, Магдалинахъ, св. Себастіянахъ, въ его Граціяхъ, Сиренахъ и во всѣхъ его празднествахъ, какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ, идеальныхъ и реальныхъ, христіанскихъ и языческихъ,—необходимъ языкъ Раблэ. Въ этомъ искусствѣ, всѣ животные инстинкты человѣческой природы выступаютъ на сцену; какъ явленія слишкомъ грубыя, они были исключены изъ области изящнаго,—художникъ этого времени возвращаетъ ихъ обратно, имѣя въ виду, что они истинны; у него, какъ и въ природѣ, они встрѣчаются наравнѣ съ другими. У него нѣтъ ни въ чемъ недостатка, за исключеніемъ всего высоко-свѣтлаго и благороднаго; въ распоряженіи его вся человѣческая природа, кромѣ ея высочайшей точки. По этому вымыселъ его шире всѣхъ, когда-либо бывшихъ, и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ типы: итальянскихъ кардиналовъ, римскихъ императоровъ, современныхъ вельможъ, мѣщанъ, крестьянъ, пастуховъ, со всѣми безчисленными разнообразіями, какія игра силъ природы оставляетъ на своихъ твореніяхъ и какія не передать и въ тысячахъ картинъ.

Въ силу той-же причины, искусство это, въ изображеніи тѣла, глубже постигло существеннѣйшую черту органической жизни; оно превосходитъ, въ этомъ отношеніи, венеціанцевъ такъ, какъ послѣдніе превосходятъ флорентинцевъ; оно поняло еще болѣе ихъ, что тѣло составляетъ вещество, мѣняющееся путемъ безпрерывнаго обновленія; и таково именно болѣе, чѣмъ какое-либо другое, фламандское тѣло, лимфатическое, сангвиническое, обжорливое, болѣе водянистое, быстрѣе способное сложиться и разложиться, чѣмъ тѣ, сухія жилы которыхъ и общая воздержность больше поддерживаютъ неподвижность въ обмѣнѣ тканей. Вотъ почему

никто съ большею выпуклостью не изображалъ, въ этомъ отношеніи, контрастовъ и съ такой очевидностью не обнаруживалъ разрушенія и расцвѣтанія жизни: то—смерть глухую, увядшую, совершенно лишенную крови и другихъ веществъ, блѣдножелтую, синеватую, испоясанную кровавыми полосами, слѣдами пытки, съ запекшейся кровью на губахъ, стеклянистыми глазами, съ ногами и руками землянистаго цвѣта, распухшими и обезображенными, ибо смерть коснулась ихъ прежде всего остальнаго; то—свѣжесть трепещущаго жизнью тѣла, прекраснаго, юнаго атлета, веселаго и смѣющагося, нѣжную гибкость изогнутаго туловища, принадлежащаго молодому и сытому тѣлу, лоснящіяся, покрытыя румянцемъ щеки, скромную наивность дѣвочки, у которой ни одна еще мысль не взволновала крови и не воспламенила глазъ, цѣлыя группы полненькихъ херувимовъ и смѣющихся амуровъ, нѣжность, тонкоту сгибовъ руки и ноги, прелестный, тающій розовый цвѣтъ дѣтской кожи, подобный бутону цвѣтка, смоченнаго росой и блещущаго подъ утренними лучами солнца. Равнымъ образомъ, при изображеніи душевной и тѣлесной дѣятельности, фламандскій художникъ живѣе, чѣмъ кто-либо другой, уловилъ существенный характеръ животной и нравственной жизни, я хочу сказать—то мгновенное движеніе, которое пластическія искусства обязаны подхватить, такъ сказать, на лету. И въ этомъ еще разъ онъ превосходитъ венеціанцевъ, какъ послѣдніе превосходятъ флорентинцевъ. Никто другой не придавалъ лицамъ выраженія такого порыва, такого величественнаго движенія, такого вся и все забывающаго, яростнаго увлеченія, такого всецѣлаго смятенія и бури въ каждомъ мускулѣ, вздувшемся и напряженномъ отъ одного усилія и въ одинъ разъ. Ихъ лица чуть-чуть не говорятъ; самое состояніе покоя у нихъ какъ будто повисло на кончикѣ дѣятельности, готовое ежеминутно сорваться; чувствуешь, что они сдѣлали уже и что намѣрены еще сдѣлать. Настоящее у нихъ проникнуто прошедшимъ и просвѣчиваетъ будущимъ; не только все лицо ихъ, но и самая поза содѣйствуетъ обнаруженію текущаго потока

ихъ мысли, ихъ страсти, всего ихъ существа; слышится какъ-бы внутренній крикъ, волнующій ихъ; можно-бы сказать слова, какія они произносятъ; самые бѣглые и самые нѣжные оттѣнки чувства мы встрѣчаемъ у Рубенса: въ этомъ отношеніи, онъ истинное сокровище для романиста и для психолога; онъ отмѣтилъ исчезающія тонкія черты нравственнаго выраженія такъ-же хорошо, какъ и вздутую мягкость кровянаго тѣла; никто не обогналъ его въ знаніи живой организаціи и животной стороны человѣка. Обладая подобной чуткостью и такимъ знаніемъ, онъ могъ, согласно надеждамъ и потребностямъ своего обновленнаго народа, послужить распространенію тѣхъ силъ, какія окружали его и таились въ немъ самомъ, тѣхъ силъ, которыя основываютъ, поддерживаютъ или обнаруживаютъ разнузданность и пиршество жизни; съ одной стороны—гигантскія кости, геркулесовская осанка и ширина плечъ, красные и колоссальные мускулы, бородатыя и шишковатыя головы, раскормленныя тѣла, брызжущія сокомъ и силой, роскошнѣйшая выставка розоваго и бѣлаго тѣла; съ другой стороны—скотскіе инстинкты, вызывающіе въ человѣческомъ созданіи потребность ѣсть и пить, сражаться и веселиться, дикую ярость нападающаго, громадныя тѣлесныя формы пузатаго Силена, шутливую похотливость Фавна, порывъ увлеченія прекраснаго, невиннаго созданія «чреватаго грѣхомъ», жесткость, энергію, широкій восторгъ, врожденное добродушіе, полнѣйшую безмятежность національнаго типа. Силу впечатлѣнія отъ всего этого онъ увеличиваетъ еще тѣмъ расположеніемъ, какое даетъ имъ, и той обстановкой, какою окружаетъ ихъ: великолѣпіе лоснящихся шелковыхъ тканей, длинныхъ платьевъ, опушенныхъ мѣхомъ, и золотой парчи, собраніе нагихъ тѣлъ, новыхъ нарядовъ и античной драпировки, неисчерпаемый запасъ вымысла относительно оружія, знаменъ, колоннадъ, венеціанскихъ лѣстницъ, храмовъ, балдахиновъ, кораблей, животныхъ, постоянно новыхъ и всегда величественныхъ пэйзажей, какъ будто, возвышаясь надъ обыкновенной природой,

имѣлъ онъ ключъ отъ природы во сто тысячъ разъ болѣе богатой и могъ безконечно черпать оттуда своими магическими руками, а свободная игра его фантазіи никогда не оскудѣвала; напротивъ, при столь живой подвижности и разнообразіи, при столь естественной расточительности, самыя сложныя изъ его произведеній кажутся какимъ-то неудержимымъ изліяніемъ переполненной головы. Подобно какому нибудь индійскому божеству, въ часы досуга, онъ облегчаетъ свою плодовитость, создавая міры; между тѣмъ, отъ несравненнаго пурпура его смятыхъ и оттѣняемыхъ складками длинныхъ платьевъ и до снѣжной бѣлизны его тѣлъ и блѣдной шелковистости его русыхъ волосъ, вы не найдете, ни на одной изъ его картинъ, ни одного тона, который легко и свободно не былъ-бы вылитъ на полотно, доставляя удовольствіе творцу своему.

Во Фландріи—одинъ только Рубенсъ, какъ въ Англіи одинъ Шекспиръ. Какъ бы велики ни были другіе, имъ не достаетъ частицы его генія; Крейеръ не имѣетъ его смѣлости и его крайностей; онъ рисуетъ съ чуднымъ успѣхомъ свѣжій и нѣжный колоритъ, спокойную, торжественную и счастливую красоту *). Іордаансу не достаетъ его царственнаго величія и его глубины героической поэзіи; онъ рисуетъ съ какимъ-то охмѣляющимъ колоритомъ коренастыхъ колоссовъ, скученныя толпы и шумливыхъ плебеевъ. Ванъ-Дейкъ не имѣетъ, подобно ему, любви къ силѣ и къ жизни, взятымъ сами по себѣ; болѣе нѣжный, съ болѣе рыцарскими чувствами, будучи отъ рожденія въ душѣ своей чувствительнымъ и даже меланхолическимъ, элегическій въ своихъ церковныхъ картинахъ, аристократическій въ своихъ портретахъ, онъ рисуетъ, при менѣе блестящемъ и болѣе трогательномъ колоритѣ, благородныя, чувствительныя, прелестныя лица, великодушная и нѣжная душа которыхъ носитъ въ себѣ кротость и печаль, неизвѣстныя ея обладателю **). Про-

---

*) Взгляните въ Гентѣ его *Св. Розалію;* въ Брюгге—его *Поклоненіе пастырей*; Въ Реннѣ—его *Лазаря.*

**) Взгляните именно на картины его въ церквахъ Мехельна и Антверпена.

изведеніе его составляетъ первое знаменіе готовящейся перемѣны. Послѣ 1660 г., измѣненіе уже совершенно замѣтно. Поколѣніе, энергія и надежды котораго вдохновили художниковъ великой живописной мечтой, мало по малу исчезаетъ; одни Крейеръ и Іордаансъ, оставшись въ живыхъ, поддерживаютъ искусство еще лѣтъ двадцать. Народъ, приподнявшійся было на мгновеніе, снова падаетъ; возрожденіе его не доведено до конца. Владѣтельные эрцъ-герцоги, благодаря которымъ страна сдѣлалась независимымъ государствомъ, исчезаютъ въ 1633 г.; она входитъ въ число испанскихъ областей и получаетъ правителя, посланнаго изъ Мадрида. Трактатъ 1648 г. затворяетъ для нея Шельду и довершаетъ разстройство ея торговли. Людовикъ XIV раздробляетъ ее на части и за три пріема отрываетъ отъ нея кусокъ территоріи. Четыре послѣдовательныя войны волнуютъ ее въ теченіе тридцати лѣтъ; друзья и враги, испанцы, французы, англичане, голландцы, живутъ на ея землѣ; на основаніи трактатовъ 1715 г., она пріобрѣтаетъ для себя въ голландцахъ поставщиковъ и экзекуціонный гарнизонъ. Въ это время, въ качествѣ австрійской провинціи, она отваживается отказаться отъ непрошенной помощи; но государственные сановники ея заточаются въ тюрьму, а главнѣйшій изъ нихъ, Аннеессенсъ, умираетъ на эшафотѣ; то былъ послѣдній, слабый откликъ великаго голоса Артевельдовъ. Съ этихъ поръ, страна дѣлается простой провинціей, гдѣ люди коё-какъ маячатъ свой вѣкъ, заботясь лишь о прінсканіи средствъ къ жизни. Въ это-же время, какъ отраженіе общаго состоянія страны, и народное воображеніе мельчаетъ. Школа Рубенса вырождается; съ Бойермансомъ, ван-Герпомъ, Іоанномъ Эразмомъ Квеллинусомъ, ван-Оостомъ вторымъ, Дейстеромъ и Іоанномъ ван-Орлей, своеобразность и энергія исчезаютъ; колоритъ ослабѣваетъ или дѣлается изнѣженнымъ; измельчавшіе типы обращаются къ миловидности; выраженія лицъ отличаются чувствительностью или приторной кротостью; на большомъ полотнѣ, люди не занимаютъ уже всего фона картины, а оказываются разбросанными

то тамъ, то сямъ; пустота и промежутки наполняются архитектурными изображеніями; общее оживленіе какъ-то тускло; художники рисуютъ по-навыку или подражаютъ итальянской манерѣ писанія. Нѣкоторые уѣзжаютъ за границу. Филиппъ Шампань дѣлается директоромъ парижской академіи художествъ, пріобрѣтаетъ во Франціи для себя родину и по духу становится совершеннымъ французомъ, болѣе того—спиритуалистомъ, янсенистомъ, добросовѣстнымъ и ученымъ живописцемъ спокойныхъ и задумчивыхъ лицъ; Герардъ Лерессъ дѣлается послѣдователемъ итальянцевъ, классикомъ, академикомъ, ученымъ живописцемъ одежды, добивающимся историческаго и миѳологическаго сходства. Резонерство беретъ верхъ въ искусствахъ; въ области нравовъ оно заняло уже это мѣсто. Двѣ картины въ Гентскомъ музеѣ обнаруживаютъ это искаженіе живописи и, вмѣстѣ, искаженіе среды. Обѣ изображаютъ выходы государей: одинъ въ 1666 г., а другой—въ 1717 г. Первая—прекраснаго, красноватаго тона, представляетъ послѣднихъ людей великой эпохи, ихъ рыцарскую осанку, сильное сложеніе, способность къ подвижности тѣла, ихъ богатые, разукрашенные костюмы, ихъ лошади съ длинными гривами, здѣсь дворянство, близкіе родные Ван-Дейковскимъ вельможамъ, тамъ копейщики въ буйволовой кожѣ и въ бронѣ, близкіе родные солдатамъ Валленштейна,—короче, послѣдніе остатки героическаго и живописнаго вѣка. Вторая—холоднаго и блѣднаго тона, выставляетъ тоненькихъ, сладенькихъ, офранцуженныхъ людишекъ въ парикахъ, джентльменовъ, умѣющихъ раскланиваться, свѣтскихъ барынь, безпрерывно охорашивающихся,—короче, преобладаніе салонныхъ нравовъ и иноземныхъ приличій. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, раздѣляющихъ первый періодъ отъ втораго, народный духъ и національное искусство совершенно исчезли.

IV.

Четвертая эпоха.—Образованіе Голландіи.—Какимъ образомъ она становится республиканскою и протестантскою.—Развитіе первичныхъ инстинктовъ.—Героизмъ, торжество и благосостояніе народа.—Обновленіе и свобода самобытнаго вымысла.—Характеристическія черты голландскаго искусства въ противоположность искусству итальянскому и классическому.—Портретныя картины.—Изображеніе дѣйствительной жизни.—Рембрандтъ.—Его пониманіе свѣта, человѣка и божества.—Начало упадка въ 1667 г.—Война 1672 г.—Искусство держится еще до первыхъ годовъ XVIII-го столѣтія.—Ослабленіе и униженіе Голландіи.—Уменьшеніе дѣятельной энергіи.—Упадокъ національнаго искусства.—Долѣе другихъ продержались, временно, небольшія жанровыя картины.—Общее соотвѣтствіе между средой и искусствомъ.

Между тѣмъ какъ южныя провинціи, подчинившись и принявъ католичество, слѣдовали въ искусствѣ направленію Италіи и изображали на полотнѣ миѳологическую эпопею большаго героическаго и обнаженнаго тѣла, провинціи сѣвера, сдѣлавшись свободными гражданами и протестантами, развивали въ иномъ смыслѣ свою жизнь и свое искусство. Климатъ тамъ дождливѣе и холоднѣе, и потому присутствіе наготы встрѣчается рѣже, да и менѣе симпатично для общества. Германская раса тамъ чиста, и потому въ умахъ обнаруживается менѣе наклонности къ классическому искусству въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимало его итальянское возрожденіе. Жизнь тамъ труднѣе, трудолюбивѣе и воздержнѣе, и потому человѣкъ, привыкнувъ къ постоянному усилію надъ собою, къ расчету, къ методическому самообладанію, съ трудомъ можетъ понять прекрасную мечту о жизни чувственной, свободно отдающейся влеченію. Представимъ себѣ голландца, возвращающагося домой, проработавшаго весь день въ своей конторѣ. Въ домѣ его очень маленькія комнатки, почти подобныя корабельнымъ каютамъ; крайне затруднительно было-бы тамъ развѣсить по стѣнамъ большія картины, какія украшаютъ залы итальянскаго дворца; все, что необходимо хозяину,—это чистота и удобство: съ этой

стороны онъ удовлетворенъ, и ему болѣе ничего не нужно; онъ не гоняется за украшеніемъ. По словамъ венеціанскихъ посланниковъ *), «они до того умѣренны, что «у самыхъ богатыхъ изъ нихъ вы не увидите ни особенной роскоши, ни пышности...... Они не нуждаются въ «прислугѣ, въ шелковомъ платьѣ, весьма мало въ серебрѣ и совершенно не имѣютъ обоевъ въ домахъ; все хозяйство очень не велико и весьма ограничено........ «Все сохраняетъ, у нихъ и внѣ ихъ, въ одеждѣ и во «всемъ остальномъ, истинную умѣренность скромнаго со«стоянія, при чемъ избытка ни въ чемъ совсѣмъ не вид«но.» Когда графъ Лейчестеръ, какъ представитель власти королевы Елисаветы, пріѣхалъ въ Голландію, когда Спинола явился сюда, чтобы заключить миръ отъ имени Испанскаго короля, то ихъ царственное великолѣпіе составило рѣзкій контрастъ съ окружающимъ, почти скандалъ. Глава республики, герой вѣка, Вильгельмъ Оранскій Молчаливый носитъ старое платье, которое могло-бы показаться нѣсколько поизношеннымъ любому студенту, подобный же плащъ безъ пуговицъ и шерстяной камзолъ, какъ у судорабочихъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, противникъ Людовика XIV, великій пансіонеръ Голландіи, Янъ Виттъ, держалъ только одного слугу; всѣ имѣли къ нему свободный доступъ; онъ подражалъ своему славному предшественнику, который братался съ «пивоварами и мѣщанами.» Въ настоящее еще время, мы находимъ въ нравахъ ихъ многочисленные слѣды древней простоты. Очевидно, что при такихъ характерахъ нѣтъ мѣста декоративнымъ или сластолюбивымъ инстинктамъ, которые ввели повсюду въ Европѣ пышныя торжества и усвоили обществу пониманіе языческой поэзіи красивыхъ тѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ противуположные инстинкты выступаютъ впередъ. Облегченная отъ противовѣса, какимъ были для нея южныя провинціи, Голландія, къ концу XVI-го столѣтія, вдругъ съ необыкновенной силой

*) Мотлей, United Netherland, IV, 551. Отношеніе Контарини, 1609 г.

обращается на сторону ея природныхъ влеченій. Первичныя способности и наклонности появляются съ необыкновеннымъ блескомъ; онѣ не рождаются вновь, а только показываются. Полтораста лѣтъ тому назадъ, ихъ распознавали уже хорошіе наблюдатели: «Фризія свободна, го«воритъ папа Эней Сильвій *), живетъ по своимъ обы«чаямъ, не выноситъ чужеземнаго ига и не желаетъ по«велѣвать другими. Фризъ не задумается поплатиться «жизнью за свободу. Этотъ гордый и искусный въ дѣлѣ «оружія народъ, статный и сильный тѣломъ, покойный «и неустрашимый душой, хвалится и дорожитъ своей «свободой, хотя Филиппъ, герцогъ Бургундскій, и счи«тается повелителемъ страны. Они ненавидятъ феодальную «и солдатскую спѣсь и не сносятъ человѣка, который под«нимаетъ голову выше другихъ. Судьи у нихъ избира«ются ими самими на годъ, чтобы управлять ихъ обще«ственными дѣлами...... Они очень строго наказываютъ «нецѣломудріе у женщинъ...... Они съ большимъ тру«домъ допускаютъ неженатаго священника, изъ боязни, «чтобы онъ не соблазнилъ чужой жены, ибо они дер«жатся того мнѣнія, что воздержаніе болѣе чѣмъ трудно, «да и несовмѣстно съ требованіями природы». Всѣ германскія воззрѣнія на государство, на бракъ, на религію, находятся здѣсь въ зародышѣ и служатъ провозвѣстниками конечныхъ результатовъ—водворенія протестантизма и республики. Подвергнутые испытанію Филиппомъ II, они заранѣе принесли въ жертву «свои имущества и свою жизнь». Маленькое племя купцовъ, затерянное въ кучѣ болота, сосѣднее съ обширнѣйшей и грозной имперіей, болѣе грозной, чѣмъ имперія Наполеона, дало отпоръ, удержалось и возросло подъ тяжестью обрушившагося на него колосса. Всѣ вылазки ихъ во время осады просто восхитительны: нѣсколько горожанъ и женщинъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ сотъ солдатъ, останавливаютъ передъ своими разрушенными стѣнами цѣлую армію, лучшія въ Европѣ войска, величайшихъ предводителей, уче-

*) Cosmographia, стр. 421.

нѣйшихъ инженеровъ; и эта кучка обезсилѣвшихъ людей, питаясь, въ теченіе четырехъ и шести мѣсяцевъ, крысами, листьями и вареной кожей, рѣшается, скорѣе чѣмъ сдаться, выступить, выстроившись въ карэ съ больными и немощными внутри его, и погибнуть на ретраншементахъ непріятельскихъ. Нужно прочесть подробности этой войны, чтобы узнать, до чего можетъ дойти терпѣніе, хладнокровіе и энергія человѣка *). На морѣ, голландскій корабль скорѣе взорветъ себя на воздухъ, чѣмъ опуститъ флагъ для сдачи непріятелю; ихъ морскія экспедиціи для открытій, колонизаціи и завоеванія въ Новой Землѣ, въ Индіи, въ Бразиліи, по Магелланову проливу столь же прекрасны, какъ и ихъ битвы. Чѣмъ болѣе требуешь отъ человѣческой природы, тѣмъ болѣе она даетъ; способности ея развиваются за дѣломъ, и человѣкъ не видитъ уже предѣловъ ея силы создавать и страдать. Наконецъ, въ 1609 г., послѣ тридцати семи лѣтъ войны, дѣло выиграно; Испанія признаетъ независимость Голландіи, и въ теченіе всего XVII-го столѣтія послѣдняя играетъ въ Европѣ одну изъ первыхъ ролей. Никому ужъ не придется придавить ее, ни Испаніи въ продолженіе двадцати семилѣтней второй войны, ни Кромвелю, ни Карлу II, ни Англіи, соединенной съ Франціей, ни новому и опасному могуществу Людовика XIV; послѣ трехъ войнъ, посланники этихъ державъ придутъ и униженно и тщетно станутъ просить пощады у Гертрюйденберга, а великій пансіонеръ ихъ Гейнзіусъ будетъ одним изъ трехъ властелиновъ, распоряжавшихся, въ то время, судьбами Европы.

Внутреннее ихъ управленіе такъ-же хорошо, какъ высоко внѣшнее положеніе. Въ первый разъ на свѣтѣ, является свобода совѣсти и уваженіе въ каждомъ гражданинѣ всѣхъ его правъ. Государство ихъ состоитъ изъ общества провинцій, добровольно соединившихся вмѣстѣ; каждая изъ нихъ съ совершенствомъ, до сихъ поръ не-

*) Между прочимъ—взятіе Буа-ле-Дюка Героджіеромъ и 69 волонтерами.

извѣстнымъ, поддерживаетъ у себя общественную безопасность и свободу личности: «Всѣ они любятъ свобо-«ду, говоритъ Париваль въ 1660 г.; у нихъ не позволе-«но драться и браниться, и служанки имѣютъ на столь-«ко правъ, что самые хозяева не смѣютъ ихъ ударить.» И, полный восхищенія, онъ нѣсколько разъ настойчиво указываетъ на это чудное уваженіе къ человѣческой личности. «На свѣтѣ нѣтъ въ настоящее время страны, ко-«торая пользовалась бы такой свободой, какъ Голландія; «тамъ существуетъ дотого справедливая гармонія, что «большіе не могутъ заѣсть маленькихъ людей, богатые «и знатные—бѣдныхъ.... Невольники и рабы, завезен-«ные въ эту страну какимъ-нибудь вельможей, стано-«вятся свободными; да и деньги, заплаченныя за нихъ, «пропадаютъ безвозвратно...... Поселяне, уплативъ все, «что слѣдуетъ отъ нихъ, такъ-же свободны, какъ и горо-«жане.... Въ особенности каждый—царь у себя дома, «и нанести оскорбленіе горожанину въ его квартирѣ со-«ставляетъ весьма тяжкое преступленіе.» Каждый можетъ выѣхать изъ страны, когда пожелаетъ, и вывезти съ собою, сколько угодно, денегъ. Дороги представляютъ полную безопасность, днемъ и ночью, даже для одинокаго путешественника. Хозяинъ не имѣетъ права удерживать слугу противъ его желанія. Никто не преслѣдуетъ за вѣру. Полная свобода говорить обо всемъ, «даже о судьяхъ» и разбирать и осуждать ихъ дѣйствія. Равенство положено въ основу всего: «Исправляющіе «какія-нибудь служебныя обязанности должны скорѣе «своей сообщительностью заискать общую любовь, чѣмъ «возвышать себя предъ другими спѣсью и горделивостью.» Подобный народъ не можетъ не пользоваться благоденствіемъ; когда человѣкъ отличается энергіей и справедливостью, то все остальное приходитъ уже къ нему само собою. Амстердамъ имѣлъ только 70,000 жителей при началѣ войны за независимость, а въ 1618 г. ихъ было уже 300,000. Венеціанскіе посланники описываютъ, что во всякое время дня толпы жителей снуютъ тамъ взадъ и впередъ, какъ муравьи въ муравейникѣ; городъ по мѣсту,

занимаемому имъ, увеличился на двѣ трети противу прежняго; каждый клочекъ земли въ немъ оцѣнивается на вѣсъ золота. Деревня стоитъ города. Нигдѣ крестьянинъ не достигалъ такого богатства и нигдѣ не изловчился онъ такъ извлекать выгоду изъ своей земли: одна деревня имѣетъ 4,000 коровъ; волъ вѣситъ 30 пудовъ; одинъ фермеръ предлагаетъ свою дочь принцу Маврикію и даетъ за нею въ приданое 100,000 флориновъ. Нигдѣ промышленность и фабрики не развились до такого совершенства: полотна, зеркала, раффинированіе сахара, фарфоръ, глиняныя издѣлія, богатыя атласныя, шелковыя и парчевыя ткани, желѣзныя издѣлія и корабельныя снасти,—они доставляютъ Европѣ половину ея роскоши и отбываютъ почти всю ея вывозную торговлю. Тысячи кораблей отправляются за сырыми матеріалами въ Балтійское море, восемьсотъ занимаются ловлею сельдей; большія компаніи пользуются исключительнымъ правомъ торговли съ Индіей, Китаемъ, Японіей; Батавія составляетъ средоточіе голландскаго владычества; въ эту минуту (1609 г.), Голландія, на моряхъ и на сушѣ, была тѣмъ, чѣмъ Англія при Наполеонѣ. Она имѣетъ 100,000 матросовъ; въ военное время, можетъ выставить во всеоружіи двѣ тысячи кораблей; чрезъ пятьдесятъ лѣтъ она станетъ во главѣ соединенныхъ флотовъ Англіи и Франціи; съ каждымъ годомъ широкій потокъ ея благосостоянія расширяется все болѣе и болѣе. Но источникъ еще прекраснѣе самого потока, потому что его поддерживаютъ избытокъ храбрости, ума, самоотверженія, воли и геніальности. «Этотъ народъ, говорятъ венеціанскіе посланники, до «того склоненъ къ промышленности и труду, что нѣтъ на «столько труднаго дѣла, которое они не умѣли бы съ успѣ-«хомъ довести до конца.... Они созданы работать и от-«казывать себѣ во многомъ, и всѣ неутомимо, такъ или «иначе, работаютъ.» Много производить и мало потреблять—таково главное условіе возростанія общественнаго богатства. Самые бѣдные, «въ своихъ маленькихъ, низенькихъ жильяхъ», имѣютъ всѣ предметы первой потребности. Богачи, въ своихъ громадныхъ домахъ, избѣгаютъ

лишняго и роскоши; никто не терпитъ недостатка, никто не мотаетъ деньги, каждый употребляетъ въ дѣло свои руки или умъ. «Здѣсь изъ всего извлекаютъ выгоду, говорить Париваль; даже изъ тѣхъ, которые занимаются «очисткой каналовъ, не найдется ни одного...., который «не зарабатывалъ бы въ день хоть половину экю. Даже «дѣти, обучающіяся какому-нибудь мастерству, почти «сразу-же вырабатываютъ себѣ на хлѣбъ».—«Они дотого не терпятъ мотовства и праздности, что есть мѣста «куда судьи запираютъ лѣнтяевъ и бродягъ, а также и «мотовъ, для чего бываетъ достаточнымъ, если жены виноватыхъ или другіе родственники принесутъ объ этомъ «жалобу судьямъ; въ этихъ же мѣстахъ они обязаны работать и трудомъ добывать себѣ средства къ жизни, хотя бы они и не желали этого.» Монастыри были преобразованы въ больницы, пріюты, сиротскіе дома, а прежніе доходы праздныхъ католическихъ монаховъ пошли на содержаніе инвалидовъ, стариковъ, вдовъ и дѣтей тѣхъ изъ солдатъ и матросовъ, которые погибли на войнѣ. Войско дотого хорошо, что какой-нибудь жандармъ ихъ годился-бы въ капитаны итальянской арміи, а какой-нибудь итальянскій капитанъ едва-ли былъ-бы принятъ сюда простымъ жандармомъ. По отношенію къ воспитанію и образованію, точно такъ-же, какъ и въ дѣлѣ организаціи и управленія, они опередили на два столѣтія остальную Европу. У нихъ едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ — мущина, женщина или дитя, — который не умѣлъ-бы читать и писать (1609 г.). Въ каждой деревушкѣ есть народная школа. Въ достаточномъ семействѣ, всѣ мальчики понимаютъ по-латыни, а дѣвочки—по французски. Очень многіе пишутъ и говорятъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Это ужъ не одна только предусмотрительность, расчетъ на выгоду; въ нихъ пробуждены и чисто—научные итересы. Лейденъ, когда Генеральные Штаты предложили ему награду за геройскую защиту, проситъ дать ему университетъ; во что бы то ни стало, они привлекаютъ къ себѣ величайшихъ ученыхъ въ Европѣ; Штаты пишутъ сами и просятъ ходатайства Генриха IV, чтобы убѣдить Скалигера, бѣдняка учителя, почтить городъ ихъ своимъ присутствіемъ; отъ него не требуютъ даже уроковъ; достаточно ужъ и того, если онъ пріѣдетъ: онъ будетъ обмѣниваться мыслями съ учеными, дастъ имъ болѣе вѣрное направленіе и сдѣлаетъ народъ участникомъ славы своихъ сочиненій. При такомъ управленіи, Лейденъ становится самою извѣстною въ Европѣ школой; онъ имѣетъ двѣ тысячи студентовъ; философія, изгнанная изъ Франціи, находитъ тамъ себѣ убѣжище; въ теченіе XVII-го столѣтія, Голландія—первое въ ряду государствъ, живущихъ умственной жизнью. Положительныя знанія находятъ тутъ себѣ родную почву или вторую родину. Скалигеръ, Юстъ Липсій, Сомазій, Мѣрсіусъ, оба Гейнзіуса, оба Дуза, Марниксъ де-Сенъ Альдегондъ, Гуго Гроцій, Снелліусъ, руководятъ тамъ наукой, правомъ, физикой, математическими знаніями. Ельзевиры печатаютъ книги. Линдсготенъ и Меркаторъ поучаютъ путешественниковъ и создаютъ географію. Гофтъ, Боръ и Метеренъ описываютъ историческія судьбы своего народа. Яковъ Катсъ даетъ ему его поэзію. Теологія, занимавшая въ то время мѣсто философіи, принимается, при содѣйствіи Арминія и Гомара, за разработку вопроса о милосердіи и волнуетъ, даже въ самыхъ ничтожныхъ деревушкахъ, умы крестьянъ и мѣщанства. Наконецъ, въ 1619 г., Дордрехтскій синодъ является вселенскимъ соборомъ реформатовъ. Къ такому превосходству спекулятивнаго мышленія присоединили еще не менѣе превосходный практическій разумъ; отъ Барневельта до Витта, отъ Молчаливаго до Вильгельма III, отъ адмирала Геемскерка до Тромпа и Рюйтера, цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей руководитъ ихъ военными и гражданскими дѣлами. Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ, появляется національное искусство. Всѣ великіе самобытные живописцы показываются въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ XVII-го столѣтія, когда Голландія оказывается уже прочно стоящею, всѣ болѣе важныя опасности устранены, окончательная побѣда почти въ рукахъ, когда человѣкъ, сознавая величость всего, сдѣланнаго имъ, указы-

ваетъ своимъ дѣтямъ путь, проложенный его великой душой и мощными руками. Здѣсь, какъ и вездѣ, художникъ—сынъ героя. Силы, употребленныя на созданіе дѣйствительнаго міра, выступаютъ за край, когда дѣло оказывается конченнымъ, и употребляются на созданіе міра вымышленнаго. Человѣкъ слишкомъ много уже совершилъ, чтобы снова приниматься за школу; предъ нимъ и вокругъ него открывающееся поле наполнено его трудомъ; трудъ этотъ такъ богатъ и славенъ, что онъ можетъ долго еще восхищаться и любоваться имъ; онъ не подчиняетъ уже свою мысль чужой, онъ ищетъ теперь и открываетъ только свое собственное чувство; онъ дерзаетъ довѣриться ему, слѣдовать за нимъ до конца, оставить подражаніе, извлекать все изъ самого себя, изобрѣтать безъ всякаго иного руководителя, кромѣ темныхъ предпочтеній, проявляющихся въ его чувствахъ и сердцѣ, но внутреннія силы, его основныя способности, его первичные и врожденные инстинкты, направленные и укрѣпленные опытомъ, продолжаютъ дѣйствовать послѣ него и, создавъ народъ, создаютъ ему искусство.

Разсмотримъ это искусство; въ своихъ краскахъ и формахъ оно обнаруживаетъ всѣ инстинкты, какіе выказались въ дѣятельности и ея результатахъ. До тѣхъ поръ, пока семь провинцій сѣвера и десять южныхъ составляли одинъ народъ, они имѣли и одну школу. Энгельбрехтъ, Лука Лейденскій, Іоаннъ ван-Схореель, старикъ Геемскеркъ, Корнелій Гарлемскій, Блумаартъ, Гольціусъ, рисуютъ въ томъ же стилѣ, какъ и современники ихъ изъ Брюгге и Антверпена. Нѣтъ еще особой голландской школы, потому что нѣтъ еще особой бельгійской школы. При началѣ войны за независимость, сѣверные живописцы стараются превратиться въ итальянцевъ точно такъ-же, какъ южные. Но, начиная съ 1600 г., все измѣняется какъ въ живописи, такъ и въ остальномъ. Приливъ народной струи даетъ перевѣсъ народнымъ инстинктамъ. Нѣтъ болѣе наготы; идеальное тѣло, красота животной стороны человѣка, раскрываемая во всеобщее свѣдѣніе, благородная симметрія членовъ и положенія тѣла, великая аллегори-

ческая или миѳологическая картина, не соотвѣтствуютъ германскому вкусу. Къ тому же господствующій у нихъ кальвинизмъ изгоняетъ ихъ изъ своихъ храмовъ, а въ этомъ сборищѣ бережливыхъ и строгихъ тружениковъ нѣтъ пышныхъ представленій для знати, нѣтъ выставки грандіознаго эпикуреизма, который повсюду въ другихъ мѣстахъ, во дворцахъ, при серебрѣ, ливреяхъ и пышной мебели, вызываетъ на свѣтъ чувственную, языческую живопись. Когда Амалія Зольмъ хотѣла поставить памятникъ въ подобномъ стилѣ своему мужу штатгоудеру Фридриху-Генриху, ей пришлось выписать въ Орангезаал фламандскихъ живописцевъ: ван-Тульдена и Іордаанса. При такихъ реальныхъ воображеніяхъ и посреди такихъ республиканскихъ нравовъ, въ странѣ, гдѣ какой-нибудь сапожникъ-хозяинъ можетъ сдѣлаться вице-адмираломъ, интересующей всѣхъ личностью является гражданинъ, человѣкъ съ костями и тѣломъ, не нагой и не одѣтый по гречески, а въ своемъ обычномъ костюмѣ и позѣ, какой нибудь добросовѣстный и дѣятельный судья, какой-нибудь храбрый офицеръ. Героическій стиль ограничивается только однимъ употребленіемъ: имъ пишутъ большіе портреты, украшающіе городскіе отѣли и общественныя учрежденія, въ ознаменованіе оказанныхъ услугъ. И на самомъ дѣлѣ, здѣсь порождается новый родъ живописи, обширная картина, заключающая въ себѣ пять, десять, двадцать, даже тридцать портретовъ во весь ростъ: распорядителей больницы, стрѣлковъ, отправляющихся на стрѣльбу въ цѣль, синдиковъ, собранныхъ вокругъ стола, офицеровъ, предлагающихъ какой-нибудь тостъ на пиру, профессоровъ, объясняющихъ что-то слушателямъ, и т. п. Все это группируется вокругъ дѣятельности, сообразной ихъ положенію, каждый изображенъ въ платьѣ, съ оружіемъ, знаменемъ, принадлежностями и обстановкой его дѣйствительной жизни. Вы видите истинно историческую картину, въ высшей степени поучительную и выразительную, на которой Францъ Гальсъ, Рембрандтъ, Говартъ Флинкъ, Фердинандъ Боль, Ѳеодоръ Кейзеръ и Іоаннъ Равенштейнъ изобразили героическій вѣкъ своего народа;

разумныя, энергическія, открытыя лица тутъ отличаются какой-то благородной силой и благородными убѣжденіями; прекрасный костюмъ эпохи Возрожденія, перевязи, узкое исподнее изъ буйволовой кожи, складки и узорчатые воротники, черные накидки и плащи, своимъ суровымъ блескомъ окружаютъ строгую осанку бодрыхъ тѣлъ и открытое выраженіе лицъ; тутъ художникъ, частью вслѣдствіе мужественной простоты своихъ средствъ, частью вслѣдствіе искренности и силы своего убѣжденія, становится равнымъ своимъ героямъ.

Такова общественная живопись; остается частная живопись, украшающая домы частныхъ людей и, какъ своими размѣрами, такъ и сюжетами соображающаяся съ требованіями и характеромъ своихъ покупателей. «Ни «одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ гражданъ, говорить Па«риваль, не откажется обзавестись такими картинами.» Какой нибудь булочникъ платитъ шесть флориновъ за одно лицо кисти Ван-дер-Меэра. Вмѣстѣ съ чистотой и пріятностью внутренняго убранства, это составляетъ всю ихъ роскошь; «они не жалѣютъ на это денегъ и скорѣе «склонны посократить свои расходы на ѣду.» Здѣсь появляется національный инстинктъ въ томъ видѣ, въ какомъ обнаруживался онъ въ теченіе первой эпохи, у ванЭйковъ, Квинтина Мессиса и Луки Лейденскаго, и это совершенно національный инстинктъ; онъ дотого искрененъ и живучъ, что даже въ Бельгіи, наряду съ миѳологической и декоративной живописью, извивается онъ у Брейгелей и Теньеровъ, подобно маленькому ручейку близь широкой рѣки. Все, чего требуетъ и что провозглашаетъ онъ,—это изображеніе дѣйствительнаго человѣка и дѣйствительной жизни такъ, какъ глаза ихъ видятъ: мѣщанъ, поселянъ, скотъ, мелочныя лавочки, заѣзжіе дома, комнаты, улицы и пейзажи. Ихъ нѣтъ надобности измѣнять, чтобы придать болѣе благородный видъ; чтобы признать ихъ достойными вниманія, достаточно уже и того, что они существуютъ. Природа, сама по себѣ, какова-бы она ни была: человѣческая, животная, растительная, неодушевленная, съ ея неправильностями, тривіальностью, ея не-

достатками, имѣетъ право существованія; коль скоро она понята, ее любишь и находишь пріятнымъ видѣть ее. Искусство имѣетъ цѣлью не искажать, а передавать ее, причемъ силою симпатіи оно дѣлаетъ ее прекрасною. Живопись, понимаемая такимъ образомъ, можетъ изображать какую-нибудь хозяйку, занимающуюся пряжей въ своей избенкѣ, плотника, работающаго стругомъ на своемъ верстакѣ, хирурга, перевязывающаго руку какому-нибудь мужичку, кухарку, вздѣвающую на вертелъ говядину, богатую барыню, которой подаютъ умываться, всѣ мелочи домашней жизни, начиная съ послѣдней лачуги и до великосвѣтскаго салона, всѣ типы отъ побагровѣвшей пьяной рожи какого-нибудь гуляки и до скромной улыбки благовоспитанной барышни, всѣ явленія изящной или грубой жизни, партію въ карты въ гостиной, обтянутой золотыми обоями, пирушку поселянъ на голомъ подворьи, катанье на конькахъ по замерзшему каналу, коровъ на водопоѣ, барки на морѣ и все безконечное разнообразіе неба, земли, воды, дня и ночи. Тербургъ, Метсю, Гергардъ Доу, ван-дер-Меэръ, Адріанъ Броуверъ, Шалькенъ, Францъ ван-Міерисъ, Іоаннъ Стеэнъ, Вуверманъ, два ван-Оостада, Вейнантсъ, Куипъ, ван-дер-Неэръ, Рейсдааль, Гоббема, Поль Поттеръ, Бакгейзенъ, оба ван-Вельде, Филиппъ Кенигъ, ван-дер-Гейденъ, да и сколько еще можно насчитать другихъ! Едвали есть иная школа, въ которой самобытные таланты были-бы такъ многочисленны; когда искусство обнимаетъ собою не одну только опредѣленную высь поднебесную, а обхватываетъ всю ширь жизни вдоль и поперекъ, то каждому предоставляется въ немъ особое поле; идеальное слишкомъ узко и потому оказывается доступнымъ не болѣе какъ двумъ-тремъ геніямъ; міръ дѣйствительности необъятенъ, и потому тамъ найдутъ мѣсто себѣ десятки талантовъ. Отъ всѣхъ этихъ созданій искусства вѣетъ какой-то покойной и счастливой гармоніей; человѣкъ отдыхаетъ, глядя на нихъ; душа художника, какъ и его лицъ, находится въ состояніи равновѣсія; на полотнѣ его картины каждый чувствуетъ себя хорошо и

привольно. Видишь, что онъ не залетаетъ со своимъ воображеніемъ слишкомъ далеко; повидимому, самъ онъ, какъ и его лица, доволенъ жизнью; вся природа смотритъ на него ласковыми глазами; если онъ и подумываетъ о какихъ-нибудь прибавкахъ къ ней, то это развѣ какое-нибудь особое расположеніе содержанія картины, накладка одной тѣни возлѣ другой, нѣсколько эффектное освѣщеніе, выборъ позъ; художникъ предъ природой — что счастливецъ голландецъ-семьянинъ—предъ своей женой; онъ не желаетъ себѣ другой: любитъ онъ ее въ силу сердечной привычки и нѣкотораго внутренняго соотвѣтствія; между тѣмъ, въ какой нибудь праздникъ онъ попроситъ ее нарядиться въ красное платье, вмѣсто обычнаго голубаго. Онъ не похожъ на нашихъ живописцевъ, черезчуръ-ужъ тонкихъ наблюдателей, изъ книгъ и журналовъ наполнившихъ себя философіей и эстетикой и рисующихъ крестьянина и работника, какъ турка и араба, т. е. въ родѣ интереснаго какого-нибудь животнаго или диковинки; пэйзажи ихъ носятъ на себѣ отпечатокъ утонченности, изысканности и какой-то гражданской и поэтической скорби, навѣвая на васъ мысль о жизни заглохшей и молчаливой мечтательности. Онъ несравненно простодушнѣе; избытокъ умственной жизни не извратилъ и не исказилъ его; въ сравненіи съ нами, это—ремесленникъ; въ области живописи онъ и преслѣдуетъ только цѣли живой изобразительности; вниманіе его менѣе способна остановить на себѣ неожиданная и поразительная мелочь, чѣмъ крупныя черты общаго и простаго характера. По этой причинѣ, произведеніе его, болѣе здоровое и менѣе хватающее за душу, обращается и къ зрителямъ менѣе образованнымъ и доставляетъ наслажденіе бòльшему кругу ихъ. Между всѣми этими живописцами, только двое: Рейсдааль, благодаря особенно утонченной душѣ своей и превосходству необычайнаго воспитанія, да въ особенности Рембрандтъ, вслѣдствіе рѣдкаго строенія глаза и замѣчательно дикаго нрава его геніи, выдвинулись далѣе своего народа и своего времени, достигнувъ тѣхъ общихъ инстинктовъ, которые соединяютъ между собою различныя германскія племена и служатъ непосредственнымъ переходомъ къ чувствамъ новаго времени. Рембрандъ, уединенный собиратель, увлекаемый развитіемъ чудовищнаго дара, жилъ себѣ, подобно Бальзаку, какъ магикъ и мечтатель, въ мірѣ, созданномъ имъ самимъ, причемъ ключъ отъ этого міра хранился у него одного. Превосходя всѣхъ живописцевъ тонкостью и врожденной остротой своихъ оптическихъ воспріятій, онъ понялъ и до мельчайшей подробности оставался вѣрнымъ той истинѣ, что вся сущность видимаго предмета представляется глазу какъ пятно, что самый простой цвѣтъ безконечно сложенъ, что всякое ощущеніе зрѣнія есть продуктъ элементовъ разсматриваемаго предмета и всего окружающаго его, что всякій предметъ на полѣ зрѣнія является лишь пятномъ, измѣняемымъ другими пятнами, и что, такимъ образомъ, главное лицо въ картинѣ есть окрашенный, волнующійся, занимающій средоточіе воздухъ, въ которомъ другія лица погружены, какъ рыбы въ морѣ. Онъ умѣлъ передать этотъ трепещущій воздухъ и показать въ немъ кипящую и таинственную жизнь; онъ ввелъ въ него освѣщеніе, свойственное его отечеству, этотъ тусклый, желтоватый свѣтъ, подобный свѣту лампы въ погребѣ: онъ почувствовалъ мучительное бореніе его съ тѣнью, погасаніе слабѣющихъ лучей, окончательно умирающихъ въ темной глубинѣ, дрожанія отблесковъ, тщетно задерживающихся на блестящихъ стѣнахъ, и все то смутное населеніе полу-мрака, которое, будучи невидимымъ для простаго глаза, на его картинахъ и эстампахъ представляется какимъ-то подводнымъ міромъ, виднѣющимся сквозь бездну водъ. Послѣ такого мрака, полный свѣтъ въ глазахъ его кажется какимъ-то ослѣпительнымъ потокомъ; онъ произвелъ на него впечатлѣніе блеска молніи, какого-то очаровательнаго освѣщенія, взрыва фейерверочнаго огня. Такимъ образомъ, онъ открылъ въ неодушевленномъ мірѣ самую полную, самую выразительную драму, всѣ контрасты и всѣ слиянія самыхъ рѣзкихъ элементовъ, все, что есть только подавляющаго и смертельно мрачнаго въ

темнотѣ ночи, все, что есть только самаго поражающаго и самаго меланхолическаго въ глубокомъ полумракѣ, все, что есть только самаго мощнаго и самаго неизбѣжнаго въ приближеніи дневныхъ лучей. Достигнувъ этого, ему оставалось лишь на этой природной драмѣ начертать драму человѣческую; созданная такимъ путемъ сцена сама творитъ для себя актеровъ. Греки и итальянцы знали въ человѣкѣ и въ жизни только одни самые прямые и самые высокіе ростки, здоровый цвѣтокъ, увядающій при яркомъ свѣтѣ; онъ видитъ основу всего этого, все, что пресмыкается и ползаетъ въ тѣни, обезображенныхъ и чахлыхъ выкидышей, мрачную грязь нищеты, амстердамскихъ евреевъ, грязное и страдающее населеніе большаго города при дурномъ климатѣ, кривоногаго нищаго, толстую идіотку—старуху, лысую голову престарѣлаго ремесленника, блѣдное лицо больнаго, кишмя кишащій рой злыхъ страстишекъ и отвратительной нищеты, которые, при условіяхъ нашей цивилизаціи, съѣдаютъ народъ, какъ черви истлѣвающее дерево. Выступивъ разъ на этотъ путь, онъ могъ постигнуть религію страданія, истинное Христіанство, могъ явиться нагляднымъ истолкователемъ Библіи, могъ обрѣсти предвѣчнаго Христа, который есть среди насъ и теперь, какъ прежде, присутствуетъ въ какой-нибудь лачужкѣ или гостинницѣ въ Голландіи точно такъ-же, какъ подъ яркими лучами Іерусалимскаго солнца, Утѣшитель и Исцѣлитель скорбныхъ и недужныхъ, единственный ихъ Спаситель, ибо Онъ былъ также бѣденъ и еще болѣе страдалъ, чѣмъ они. Сердце Рембрандта было тронуто состраданіемъ; на ряду съ другими живописцами—аристократами, онъ весь принадлежитъ народу; по крайней мѣрѣ, онъ человѣчнѣе ихъ всѣхъ; его болѣе широкія симпатіи глубже обнимаютъ природу; ему не противна никакая гадость, никакая потребность веселья или благородства не скрываютъ отъ него таящейся подъ ними горькой правды. Вотъ почему свободный отъ всякихъ постороннихъ вліяній, руководимый необычайной чувствительностью своихъ органовъ, онъ могъ изобразить въ человѣкѣ не одинъ общій скелетъ и отвлеченный типъ, которыми удовлетворялось классиче-

ское искусство, а всѣ частности и глубокія черты индивидуума, безконечныя и неуловимо сложныя отличія нравственной личности, могъ оставить на картинѣ печать того оживленія, которое сосредоточиваетъ въ одномъ моментѣ и на одномъ лицѣ цѣлую исторію души и которое одинъ только Шекспиръ съумѣлъ уловить съ такой богатой ясностью. Въ этомъ отношеніи, Рембрандтъ самый своеобразнѣйшій изъ художниковъ новаго времени; онъ выковываетъ одинъ изъ концовъ цѣпи, другой конецъ которой приготовили греки; всѣ остальные художники, флорентинскіе, венеціанскіе и фламандскіе, стоятъ на перепутьи. Такимъ образомъ, если въ настоящее время наша болѣзненно возбужденная чувствительность, наша пытливость, гоняющаяся за призраками, наше неумолимое исканіе истины, наши прорицанія будущаго и рѣшенія въ области, стоящей выше человѣческой природы, стали бы доискиваться своихъ предшественниковъ и учителей, то Бальзакъ и Делакруа, напримѣръ, могутъ найти ихъ у Рембрандта и Шекспира.

Подобное цвѣтущее состояніе искусства непрочно; ибо создавшій его источникъ изсякъ тотчасъ по выполненіи своего назначенія. Въ 1667 г., послѣ морскихъ неудачъ Англіи, легкія указанія свидѣтельствуютъ уже о появившемся искаженіи нравовъ и чувствъ, которые поддерживали національное искусство. Благосостояніе слишкомъ велико. Еще въ 1660 г., Париваль, говоря о ихъ привольной жизни, въ каждой главѣ приходитъ въ восторгъ; Остъ-Индскія и Вестъ-Индскія компаніи даютъ своимъ акціонерамъ дивиденду по 40 и 45 на 100. Героями становятся мѣщане; Париваль отмѣчаетъ у нихъ, на первомъ планѣ, жажду къ прибыли. Кромѣ того, «они ненавидятъ дуэли, драку и ссоры, говоря обыкновенно, что богатые люди не дерутся.» Они стремятся жить въ свое удовольствіе; домы вельможъ, которые венеціанскіе посланники, въ началѣ этого столѣтія, находили столь простыми и голыми, теперь пріобрѣтаютъ особенную роскошь; у «важнѣйшихъ гражданъ» находятъ обои, дорогія картины, «золотую и серебряную посуду.» Богатыя

внутреннія украшенія домовъ на картинахъ Тербурга и Мэтсю открываютъ намъ новое изящество,-бѣлыя шелковыя платья, бархатныя тальи, драгоцѣнности, жемчугъ, шитыя золотомъ ткани, высокіе камины съ мраморными колоннами. Прежняя энергія ослабѣваетъ. Когда Людовикъ XIV, въ 1672 г., нападаетъ на страну, онъ почти не встрѣчаетъ никакого сопротивленія. Они совершенно упустили изъ виду заботы о поддержаніи арміи; войска ихъ разбѣгаются во всѣ стороны; города сдаются съ перваго выстрѣла; четыре французскихъ кавалериста овладѣваютъ Мюйденомъ, составлявшимъ ключъ ко всѣмъ шлюзамъ; Генеральные Штаты вымаливаютъ миръ, согласившись на всѣ условія. Въ тоже время въ искусствахъ ослабѣваетъ и народное чувство; вкусъ извращается; Рембрандтъ въ 1669 г. умираетъ въ нищетѣ, забытый всѣми; новая роскошь беретъ образцы свои за границей, во Франціи и Италіи. Еще въ лучшую пору, множество живописцевъ отправилось въ Римъ рисовать личики и пэйзажи; Іоаннъ Ботъ, Беркгемъ, Шарль Дюжарденъ, пропасть другихъ, даже самъ Вуверманъ, на ряду съ національной школой, заводятъ другую полу-итальянскую школу. Но школа эта была самобытна и естественна посреди горъ, развалинъ, фабрикъ и тряпья; паровая бѣлизна воздуха, добродушное выраженіе лицъ, мягкость порывовъ, веселье и хорошее расположеніе духа живописца обнаруживаютъ устойчивость и свободу инстинкта прежнихъ голландцевъ. Напротивъ, теперь инстинктъ этотъ ослабѣваетъ подъ наплывомъ моды. На Кайзерграхтѣ и на Геерграхтѣ воздвигаются большіе отѣли во вкусѣ Людовика XIV, а фламандскій живописецъ, основавшій академическую школу, Гергардъ Лерессъ, расписываетъ ихъ своими аллегоріями и безобразными миѳологическими лицами.—Правда, національное искусство не сразу уступаетъ господство другому; оно тянется еще въ ряду художественныхъ произведеній вплоть до первыхъ годовъ XVIII-го столѣтія; въ тоже время, народное чувство, пробужденное уничиженіемъ и опасностью, вызываетъ народную революцію, героическія жертвы, иноземное вторженіе

въ страну и всѣ послѣдовавшіе затѣмъ успѣхи. Но самые успѣхи эти довершаютъ уничтоженіе энергіи и энтузіазма, порожденныхъ этимъ временнымъ возвратомъ. Въ теченіе всей войны за испанское наслѣдство, Голландія, штатгоудеръ которой сдѣлался королемъ Англіи, приносится въ жертву своему союзнику; послѣ трактата 1713 г., она теряетъ первенство на морѣ, занимаетъ тутъ второстепенное мѣсто, а затѣмъ падаетъ и еще ниже; нѣсколько времени спустя, великій Фридрихъ говорилъ, что Англія тащитъ ее за собою на буксирѣ, какъ линейный корабль—маленькую шлюпку. Франція давитъ ее въ теченіе войны за австрійское наслѣдство; позднѣе Англія вынуждаетъ ее признать за Англіей право посѣщенія ея во всякое время и отнимаетъ Коромандельскій берегъ. Наконецъ, Пруссія является къ ней для подавленія республиканской партіи и учрежденія штатгоудерата. Какъ всѣ слабые, она подвергается нападеніямъ сильныхъ, а послѣ 1789 г. захватывается и перехватывается другими. Хуже всего то, что она мирится съ своимъ положеніемъ и довольствуется существованіемъ въ качествѣ хорошаго коммерческаго и банкирскаго дома. Еще въ 1723 г., ея историкъ, эмигрантъ Іоаннъ Леклеркъ плоско подсмѣивался надъ честными матросами, которые въ войну за независимость скорѣе позволили взорвать себя на воздухъ, чѣмъ сдались *). Въ 1732 г., другой историкъ объявляетъ, ««что голландцы только и думаютъ о собираніи богатствъ.» Послѣ 1748 г., армія и флотъ совершенно уничтожаются. Въ 1787 г., герцогъ Брунсвикъ покоряетъ страну почти безъ выстрѣла. Какое громадное разстояніе раздѣляетъ подобныя чувства отъ героическихъ подвиговъ спутниковъ Молчаливаго, Рюйтера и Тромпа! Поэтому въ силу какого-то изумительнаго соотвѣтствія, и вымыселъ въ области живописи кончается вмѣстѣ съ практической энергіей. Въ первыя десять лѣтъ XVIII-го столѣтія, не остается въ живыхъ

*) «Этотъ добрякъ капитанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, «которые умираютъ изъ-за страха смерти. Пусть Богъ проститъ этимъ людямъ, по ихъ совершенному безумію.»

ни одного великаго живописца. Уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, замѣтенъ упадокъ и по болѣе бѣдному стилю, и по недостатку воображенія, и по болѣе мелочной отдѣлкѣ, у Франца ван-Міэриса, Шалькена и другихъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Адріанъ ван-дер-Верфъ, своей холодной и изысканной живописью, своей погонкой за миѳологіей и наготой, своимъ безжизненнымъ цвѣтомъ тѣлъ, своимъ безсильнымъ возвратомъ къ итальянскому стилю, свидѣтельствуетъ, что голландцы забыли свой врожденный вкусъ и національное вдохновеніе. Послѣдователи его похожи на людей, которые и хотѣли бы что нибудь сказать, да нечего. Воспитанные учителями или знаменитыми отцами, Петромъ ван-дер-Верфомъ, Генрихомъ ван-Лимборхъ, Филиппомъ ван-Дейкомъ, Міэрисомъ—сыномъ, Міерисомъ—внукомъ, Николасомъ Верколье, Константиномъ Нетчеромъ, они повторяютъ, какъ автоматы, слышанную фразу. Талантъ удерживается еще у живописцевъ аксессуара и цвѣтовъ, Якова Витта, Рашели Рюшъ, ван-Гюизума, въ небольшихъ жанровыхъ картинахъ, которыя требуютъ незначительнаго вымысла,—и сохраняется въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, подобно цѣпкому хворостнику на изсохшей землѣ, когда всѣ большія деревья кругомъ пропали. Спустя нѣсколько времени, живопись эта тоже умираетъ, и поле остается пустымъ. Послѣднее подтвержденіе зависимости, связывающей личную своеобразность съ условіями общественной жизни и соразмѣряющей полеты фантазіи художника съ общей производительностью народной энергіи *).

---

*) Пятый и послѣдній рядъ лекцій Тэна, подъ заглавіемъ: «Искусство въ Греціи» переводится и будетъ напечатанъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Общій алфавитный указатель личныхъ именъ ко всѣмъ 3-мъ выпускамъ будетъ помѣщенъ въ концѣ его.

Переводчикъ.

СОДЕРЖАНІЕ.